ISSN 0131-2596

охота

и охотничье хозяйство

3 2017

Об управлении, охотничьем хозяйстве и охоте

В. ФИЛЬ, биолог-охотовед, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник

В 70-е годы прошлого века в терминологию, связанную с воздействием охоты на популяции животных, както стремительно ворвалось понятие «управление популяциями». Вполне возможно, что это следствие выхода в свет книги американского эколога К. Уатта (1971). Название книги — «Экология и управление природными ресурсами» (Ecology and Recourse Management). Кеннет Е.Ф. Уатт в этом плане для России не был пионером. Понятие управление в русском языке старо как мир, но применялось оно к структурам хозяйственным и в, как теперь говорят, «вертикалях власти». В любой отрасли под «Управлением» подразумевалась организационная структура. По оценке охотников: ***«место, где заседают начальники».*** А их действия можно воспринимать как давление сверху донизу по всем этажам «вертикали...» Да! В принципе это тот самый централизм и пусть даже «демократиче-ский», выносивший тоталитаризм в самых неприглядных формах своей сущности, но, главное, породивший дилетантизм во многих отраслях хозяйственной деятельности человека в нашей стране.

Далеко не случайно одна из административных структур руководства охотничьим хозяйством так и называлось — **Управление по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных.** Наименование бессмысленное, поскольку первое слово вмещает в себя определение всех функции последующих трактовок, а основа **(охотничье хозяйство)** потеряна. Смысл такого подхода заложен в чиновничьих интерпретациях действий, когда охранять, контролировать, а тем более, регулировать, значительно проще, нежели хозяйствовать. Недаром эта структура в системе нынешнего Россельхознадзора получила наименование «Отдел надзора за охраной, воспроизводством и использованием охотничьих животных». Хотелось бы понять каким образом из руководящего кресла можно осуществить надзор хотя бы за воспроизводством охотничьих животных, ведь понятие «охотовед» исчезает из списков специалистов управленческих структур.

Чтобы подойти к обсуждению проблемы управления, начнём с терминологии, например, с охотничьего хозяйства. Откуда произошло понятие «хозяйство» в русском языке, что оно определяет собой? Встречалось когда-то в литературе, что — от «хозя» на языке фарси, это владелец двора, дома или ещё какого-то сооружения, а отсюда — хозяин. Попытка расшифровать понятие напоминает ситуацию со студентом на экзамене, который всё знает, учил, но ответить чётко не может. Студенту проще, он имеет возможность воспользоваться формулой «знал да забыл». Нам сложнее. В толковых отечественных и иностранных словарях множество определений «хозяина»: начиная от «владельца» (чего-либо), до «главы семьи» и т.д. Соответственно и «хозяйство» имеет много вариаций, в зависимости от той отрасли знаний, деятельности, в какой оно используется.

Не отсюда ли и разночтения даже в том же самом охотничьем хозяйстве. Отраслевое наименование охоты на пушных зверей нередко звучит как «пушной промысел». Употребляется и «охотничий промысел».

Уподоблять друг другу «промысел» и «хозяйство» или же противопоставлять их в изложенном выше контексте, вероятно, некорректно. Промысел, как форма деятельности человека, скорее всего напоминает систему собирательства. Нашёл, взял, унёс, использовал и т. д. Возможно, не случайно деятельность в части добычи невозобновимых ресурсов, несмотря на её сложнейшую инфраструктуру, называют промыслом. Здесь вновь возникает смысловая казуистика. Предприятие по добыче драгоценных металлов часто именуется прииском. В таком случае о плановости, рациональности и т. д. речи не может быть. Ведь производство осуществляется в процессе поиска (прииск), следовательно, это способ проб и ошибок. Например, в промыслах: нефти, газа, золота и т. д. Конечный результат здесь заведомо известен — исчерпанность ресурса. Заканчивается ресурс — завершается и промысел его.

Таким образом, понятие промысловая охота (пушной, дичной промысел), как процесс, ведущий к полной исчерпанности ресурсов, нам не подходит. Достаточно часто именно неуправляемая охота становится причиной исчезновения с лица Земли многих видов живых организмов. В то же время понятие промысел используется и для обозначения архаичности или примитивности отрасли хозяйствования. Поэтому, возможно, и возникли различия такого рода: промысловая охота — отрасль производства товарной продукции охоты; спортивно-любительская — область реализации устремлений в рекреационном направлении, удовлетворения страсти, азарта и др. Впрочем, в наименовании ли дело?

О спорте, как таковом, здесь не может быть речи. Для этого существует стендовая, пулевая стрельба и т.д. Однако время идёт и вот в ранг «спорта» возводится стрельба по суркам из суперсовременных мощных винтовок. По крайней мере устраиваются соответствующие соревнования — кто убьёт больше, с дальнего расстояния и расходом наименьшего количества патронов, без подранков и т. д. То, что зверя рвёт на части, отшвыривает его ударом пули на метры, это, видимо, несущественные издержки для тех «охотников-спортсменов». Такой вариант охоты применим только в том случае, когда вид должен быть истреблён, как, безусловно, вредный. Естественно, это с позиции человека, но не охотника.

Промысел — это тоже вид хозяйственной деятельности человека. И он, как и любой из видов собирательства, также и в системе использования возобновимых ресурсов может быть организован таким образом, чтобы не подрывать их воспроизводственных потенциалов. Но всё же хозяйство (подразумеваем охотничье), как таковое, предполагает собой применение целесообразных, технологически направленных воздействий человека-охотника на воспроизводство ресурсов с целью получения максимальной отраслевой продуктивности и оптимального существования популяций животных, на которых базируется эксплуатация в неистощительном режиме. При промысловой (собирательной) форме ведения отрасли это парадокс. Ибо приходится совмещать «несовместимое». В нашем случае — это получить максимум продукции и сохранить оптимальные параметры популяций — плотность населения, распространение, численность и т. д. И это возможно, поэтому несовместимое взято в кавычки, но тогда это будет уже хозяйствование, а не промысел.

Консультации по поводу трактовок понятий, изложенных выше, привела к своеобразному результату. Автору напомнили одну дискуссию, разгоревшуюся когда-то по поводу применения определений — **развитой** или **развитый** социализм. Результат, как известно, отразил беспредметность обсуждений, а особенно при сравнении с народным просторечием, а там было **разве то социализм.**

Так и в охотоведении, когда-то споры по поводу правомерности использования понятий **охотничье *хозяйство*** или ***промысел*** заставляли ломать копья многих полемистов из среды охотоведов разных школ. В результате — пшик, если не следование одному из поэтических перлов типа — **«закинув на спину рога, бежит по лесу кабарга».** Не будем уподобляться поэту-дилетанту, чтобы не попасть в ситуацию, отражённую в одном из классических примеров словоблудия в русском сказочном творчестве — **«...пойди туда — не**

© «Охота и охотничье хозяйство»

знаю куда, принеси то — не знаю что». Вот так до сих пор ***«идём, не зная куда»*** ищем ***«не зная что».***

Но именно на этой основе строятся множество формулировок отечественного законотворчества, в документах, касающихся регламентации природопользования. Случайно это или нет? Безусловно, нет, если вспомнить один из постулатов марксистской философии, что любая случайность — закономерна. Этот подход развязывает руки, к сожалению, не хозяевам дела, а пока только хозяевам жизни. Они-то и законы делают «под себя».

Вспомним, как осуществлялся запрет весенней охоты на медведя в Камчатской области. Приехали представители федерального Росприроднадзора — профессионалы в области геологии, и один специалист в части профсоюзной деятельности. За три дня подготовили акт о состоянии охоты на медведя и, игнорируя мнения специалистов — биологов-охотоведов, в том числе и исследователей экологии медведя, «вывернули их же заключения наизнанку» и этим обосновали губернаторское Постановление о запрете. После того, как крупные, трофейные медведи на «своих угодьях» были истреблены с помощью авиации.

Отечественный эколог, профессор МГУ Н.П. Наумов пишет в предисловии к книге К. Уатта: *«Выдающаяся роль математики в развитии естественных наук известна теперь даже школьникам. Пример физики и химии показывает, что успех приносит применение не столько вычислительного аппарата, сколько самих* ***математических принципов и идей****»* (выделено мной В.Ф.).

Так или иначе, но к концу прошлого века стали появляться соответствующие работы отечественных исследователей экологии охотничьих животных. Многие из них трудны для восприятия даже подготовленному читателю. Например, биолог-охотовед, доктор биологических наук О.С. Габузов по поводу одной из таких (представленных на защиту в качестве диссертации) книг, заметил: ***«интереснейшая, доктора надо давать, если он понимает то, что написал, но можно и тому, кто сумеет понять написанное».*** А вся проблема в том, что исследователи с целью большей аргументированности своих взглядов стали излишне увлекаться, внедряя в текст громадное количество математических терминов и формул, забывая о том, что нужны не они, а ***математические принципы и идеи.*** Биологам, не владеющим языком математики, приходится, попутно с чтением таких книг, обучаться математике при помощи справочников и т.п., либо догадываться о сути на интуитивном уровне. А вот тут-то и проявляются возможности разночтения в объяснении тех или других явлений.

Видимо, математики обладают особым складом ума, позволяющим в абстрактных буквенно-цифровых, виртуальных схемах отразить многообразие биологических процессов в популяциях животных. Однако этот момент далеко не «проблема». Извечная беда отечественного охотничьего хозяйства в том, что в руководство им направляли не отраслевых специалистов, а своих по партийному, клановому или какому-то другому принципу. Видимо, рассуждали так — ***охотник, значит, сумеешь, не сможешь — поможем, не хочешь — заставим*** и т.д. Так и рождались кланы «специалистов-руководителей», которых за ненадобностью на одном посту отправляли на другой, обычно с повышением и нередко с отраслевой переквалификацией. Прежде их называли «чёрными полковниками». По оценке одного из моих Учителей, профессора В.Н. Скалона, многие из них (конечно, не все) относились к числу тех ***«кому даже грамота вредна»*** Надо полагать, что бывших «полковников» (генералов, прапорщиков и т. д.), как и чекистов — не бывает. Следовательно, «люминь», так и оставался «люминью». Это естественно, их изначально готовили, обучали для других дел. А определение «черные» было взято из опыта военного переворота в Греции.

Вот эти «специалисты-руководители» и начали городить огород из терминов, доступных для неадекватного восприятия, забывая, что руководство и управление это не одно и то же. Смысл в чём? Только в том, что возможна их разнообразная трактовка. А цель, или задача — создать «правовое поле» для поворотов, как в поговорке по отношению к закону, который уподоблялся дышлу. Так возник и особый номенклатурный язык, удивительно стойкий. С позиции русского языка, далеко не блестящий, но полезный. Кому? На этот вопрос не трудно сформулировать достаточно убедительный ответ.

Попыткой противодействия всему этому стало появление в журнале «Охота и охотничье хозяйство» статьи — «Что такое охотничье хозяйство?». Вероятно, в порядке «ликбеза» для нынешних законодателей, где авторы В.В. и В.К. Мельниковы. (Оба охотоведы, кандидат биологических и доктор сельскохозяйственных наук.) Они пытались объяснить азы отраслевой терминологии, видимо, тем, от кого зависит современное отечественное охотничье законотворчество, показывая, что существующая ныне никчемна по своей сути и вносит лишь сумятицу и неразбериху в процессы развития отрасли. Следовательно — «сапоги — не должен тачать пирожник», а каждый должен делать своё дело.

К сожалению, как выяснилось позднее, упомянутые выше авторы, принимали участие в создании позднее «Закона об охоте...». Более того, они стали соавторами направления — «охота на продажу» в нашей отрасли. Не использование ли это, так называемых двойных стандартов, в зависимости от ситуации и (или) собственной заинтересованности. Такие подходы разрушительнее деятельности дилетантов.

Так что, господа-товарищи законодатели, думайте, куда и как дальше вести охотников. В очередной эксперимент? Но ведь люди (охотничьего хозяйства без человека не бывает) не только электорат. Задумаются, и что? Как в интернационале — до основанья, а затем?.. Конечно, эволюция — длительный процесс, но она не должна состоять из череды сплошных революционных отрезков, создаваемых с помощью головоломок из проб и ошибок. Безусловно, по О. Вишне, действия проще и результаты могут быть весьма наглядными и быстрыми, но они, как правило, разрушительны для дела.

Построение единых правил охоты для всей страны не смогли осуществить основатели отечественного охотоведения вместе с охотничьей общественностью в течение нескольких лет на стыке прошлого и позапрошлого веков. Это вполне естественно, поскольку Россия — страна громадная и вмещает в себя широчайший спектр того, что ныне называют биоразнообразием.

Как поступить в таком случае, чтобы на фоне современного «Закона об охоте» достичь приемлемых результатов? Не знаю! Но если учесть всё то, что сохранялось в так называемом **«обычном праве»**, связанным с охотой, и создать отдельные региональные (по природным зонам) правила или законы. Привлечь к этому разработки отечественного охотоведения, в том числе и экологической обоснованности. Решив проблему «ХОЗЯИНА» угодий не из числа чужаков, а из жителей регионов, именно тех, кто будет работать на каждом отдельном участке, можно будет надеяться на приемлемый вариант построения охотничьего хозяйства страны и защиты ресурсов от расхищения. Надо вспомнить, что нередко **«хорошо забытое старое»** может оказаться значительно лучше бездумного нового.

Дорогие читатели, друзья!

С нетерпением ждем ваших писем, в которых вы рассказываете о своей жизни, увлечениях, интересных случаях на охоте, делитесь наблюдениями за природой, описываете обстановку с охотой в ваших регионах, просите поздравить ваших близких со знаменательными датами. Присылайте ваши фотографии.

Редакция

Из плеяды видных сибирских охотоведов
К 75-летию Анатолия Николаевича Зырянова

Выпускник Иркутской школы охотоведов — Анатолий Николаевич Зырянов — более 50 лет отдал изучению животных бескрайней тайги Сибири. Он коренной сибиряк. Родился в г. Улан-Удэ 25.05. 1941 г. Отец погиб на дальних подступах к Ленинграду. Мать перевезла детей в семью деда В.И. Мозолевского — выходца из Витебской губернии, переехавшего в Сибирь по реформе Столыпина. Здесь, в селе Абан Красноярского края, Анатолий с детства пристрастился к охоте. В 17 лет вместе с братом Виктором, студентом-охотоведом, ловил живых соболей для расселения в сибирской тайге — Качугском районе Иркутской области (1958 г.). Спустя год, будучи штатным охотником, вел промысел, добывал соболя, тропил медведя, росомаху, северного оленя на р. Орлинге. В 1961 г. поступил в ИСХИ и тут же был направлен на промысловую практику. Позже отправился на геоботаническую практику на р. Непу, приток Нижней Тунгуски. В Кустанайской области работал с орнитологами, объездили всю Тургайскую низменность, занимались сбором коллекций пернатых. Институт закончил с отличием в 1966 году.

Тогда же был приглашен старшим научным сотрудником в государственный природный заповедник «Столбы» на тему — Изучение диких копытных. Успешно закончил ее, защитив кандидатскую диссертацию (1975 г.). Вел «Летопись природы», занимался мышевидными грызунами, хищными. В 1981 г. перешел в Красноярское отделение ВНИИОЗ, где исследовал динамику численности соболя. Основным стационаром стали Саяны, где он с помощниками пометил десятки зверьков, изучая пространственную и половозрастную структуру соболя — основы пушного богатства Сибири. Попутно изучал бурого медведя, лося, северного оленя. Итогом работ стала монография «Соболь Средней Сибири», опубликованная в 2009 году.

Обладая большим промысловым опытом, А.Н. Зырянов за 7 лет подготовил 19 отчетов-прогнозов по заготовке ценнейшего пушного зверька соболя, в том числе «Региональный кадастр по соболю» (Красноярск, 1985).

Перестройка потребовала новых разработок. Совместно с М.Н. Смирновым, тогда — директором СИБНИИО и другими сотрудниками, выполнен отчет «Анализ продуктивности лесных угодий в природных зонах Красноярского края по основным видам охотничье-промысловых животных и расчет платы за их использование для производства охоты» (Красноярск, 1992). Вместе с А.В. Бриллиантовым — специалистом по копытным, выполнен и другой проект:

обследованы места обитания сибирского горного козла у оз. Позарым с рекомендациями по созданию питомника для его разведения. К сожалению, это осталась не реализованным.

С годами проявился и другой талант охотоведа: Анатолий Николаевич подготовил несколько учебных программ, с успехом читал лекции и вел практические занятия в Красноярском госуниверситете, Красноярском технологическом университете. Совместно с А.С. Шишикиным им написаны несколько учебных пособий, в том числе «Курс лекций по охотоведению» для лесников-специалистов, 2010—2015 гг.

В 1998 г. А.Н. Зырянов принят на должность начальника отдела Красноярского краевого управления госохотнадзора, где работал до его реорганизации. Там же руководил Охотхозяйственным советом. В декабре 2006 г. принят на должность заместителя директора по научной работе государственного заповедника «Центральносибирский», где продолжает трудиться в должности научного сотрудника.

Ученый и практик не теряет связь с промысловыми организациями Севера Красноярского края: успел подготовить несколько «Проектов ведения охотничьего хозяйства для общин Эвенкии», подробно изучив промысловые угодья этого региона. В настоящее время помогает готовить «Схемы использования и охраны охотничьих угодий», закрепленных за общественными организациями охотников.

Результатом исследований природы Сибири стали более 350 его научных и научно-популярных статей и 10 книг, среди которых — три сборника стихотворений. К своему юбилею А.Н. Зырянов выпустил итоговую книгу «В поисках истины» (издательство «Сибирские промыслы», 2016) состоящую из 69 очерков и рассказов, объединенных в три раздела: «Своя стезя длиною в жизнь», «Очерки о таежниках», «В заповедных дебрях». Основной лейтмотив произведений — организованный охотничий промысел не вредит природе. Его книга одинаково полезна как промысловым охотникам, так и многочисленным любителям.

Зырянов пишет не только о тайге и «братьях наших меньших», но и о многих людях — от этого книга приобретает дополнительную ценность. Четыре времени года освещены настолько красочно, детально и поэтично, с оригинальными, яркими характеристиками, как мог сделать лишь писатель подобный Пришвину.

Рассказы и очерки Анатолия Зырянова читаются с интересом, напоминая репортажи. Это потому, что встреч — и с охотничьими животными, и с охотниками, лесниками, охотоведами, — так много, и обо всём ему хочется поведать.

Анатолий Зырянов стал автором книги «Гуманные способы добычи пушных зверей», вышедшей по заказу Региональной ассоциации общественных объединений коренных малочисленных народов севера Красноярского края в издательстве «Сибирские промыслы» в 2012 г.

Читаешь и удивляешься, восхищаешься, как красочно и с научным подходом описываются таежные просторы, походы, реки, пороги, работа охотоведа и охотника, других людей... Даже про заготовку червей для рыбалки есть в книге: надо просто раскачать осину или иву и черви сами вылезут на поверхность земли, предварительно очищенную от мохового покрова и листьев.

Помимо литературной деятельности А.Н. Зырянов продолжает писать статьи в охотничьи журналы, альманах «Охотничьи просторы». Он ответственный редактор двух сборников «Труды государственного заповедника «Центральносибирский» (2012, 2014 гг.). В настоящее время приступает к обработке материалов и для нового сборника трудов, в котором будут опубликованы статьи коллег из других заповедников Сибири. Деяния Анатолия Николаевича вознаграждены не только популярностью среди читающей публики, но и государственной наградой — Медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (1998 г.). Он имеет почетное звание «Заслуженный работник охотничьего хозяйства России» (1995 г).

Друзья и коллеги не только удивляются работоспособности юбиляра, но и по-хорошему завидуют ему.

Там, где не хватает простых слов, чтобы отразить эмоции от впечатлений общения с дикой природой, он переходит на стихи.

М. СМИРНОВ, В. ИГНАТЬЕВ, И. МИНАКОВ, В. ТЮРИН

Юридическая консультация

Рубрику ведет Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации старший советник юстиции Н. АСТАФЬЕВ

Круглов В.И. из Саратовской области по телефону просит рассказать о новых правилах содержания пчел. Он уверен, что многие работники охотничьих хозяйств, да и просто охотники, содержат пчел и им будет интересно узнать о новых правилах, о которых уже было сообщение по телевидению.

Знание нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в пчеловодстве, не менее важно, чем знание таких актов в охоте.

С 1993 г. в России действует Закон "О ветеринарии", в котором записано, что, наряду с этим Законом, правоотношения в области пчеловодства регулируются и другими нормативно-правовыми актами. К сожалению, Министерство сельского хозяйства РФ не спешило с разработкой других нормативно-правовых актов. На протяжении долгих лет ветеринарная служба Минсельхоза РФ руководствовалась Ветеринарно-санитарными правилами 1974 г., 1976 г., которые были разработаны на основе Ветеринарного устава СССР 1968 г., отмененного Постановлением Верховного Совета РСФСР в 1993 г.

Ветеринарная служба Минсельхоза РФ руководствовалась также Инструкцией 1998 г. и Инструкцией 2002 г., отмененной в 2013 г.

Все названные Правила и Инструкции с точки зрения юриспруденции не являлись нормативно-правовыми актами, но за неисполнение содержащихся в них предписаний органы ветеринарного надзора и суды иногда привлекали пчеловодов к административной и материальной ответственности, что противоречило действующему законодательству.

13 мая 2016 г. приказом Министерства сельского хозяйства РФ № 194 были утверждены новые Ветеринарные правила содержания медоносных пчел (далее Правила). 4 августа 2016 г. они были зарегистрированы Министерством юстиции РФ, а 5 августа 2016 г. надлежащим образом опубликованы, тем самым получили силу нормативного правового акта, обязательного для исполнения.

Конечно, некоторые положения в новых Правилах вызывают сомнения в их обоснованности для применения в пчеловодстве. Например, в Правилах записано, что ульи должны быть окрашены в синий, оранжевый, желтый и зеленый цвета (ст. 3). Причем окрашивание ульев в эти цвета признано обязательным, хотя окрашивание ульев всегда считалось рекомендательным Правилом, то есть сам пчеловод определял в какой цвет окрашивать ульи. В Правилах не назван белый и голубой цвета, который нередко используют пчеловоды по рекомендациям ученых пчеловодов и которые были рекомендованы ранее действовавшими правилами.

В ст. 4 Правил содержится требование об окашивании пасеки от растительности. В научной литературе по пчеловодству, в действовавших ранее правилах содержались рекомендации скашивать на пасеке траву, а не всю растительность. Свободные земли засевать медоносами.

В ст. 5 правил содержится требование, чтобы на пасеке был зимовник для пчел, хотя многие пчеловоды оставляют зимовать пчелосемьи под снегом.

Вызывает сомнение в обоснованности размещения количества пчелосемей на энтомофильных культурах. Например, на 1 га гречихи установлена норма в 1—1,5 пчелосемьи. Сейчас на Дальнем Востоке бесплатно предоставляют 1 га земли и уже известно, что на этой земле некоторые получившие землю граждане будут заниматься пчеловодством. Странно будет выглядеть пчеловод, который полученный гектар земли засеет гречихой и поставит там один улей с пчелами.

В Правилах есть правовая норма, в соответствии с которой в населенных пунктах количество пчелосемей не должно превышать 2-х на одну сотку земли, то есть 100 м². Эта правовая норма противоречит Федеральному закону от 7 июля 2003 г. № 112 — ФЗ "О личном подсобном хозяйстве", по которому в личном подсобном хозяйстве разрешается содержать пчел, при этом их количество не регламентируется. Надо иметь в виду, что во многих регионах России законами о пчеловодстве количество пчелосемей на приусадебных участках в населенных пунктах не ограничено (Республика Башкортостан, Чувашская Республика и др.).

Всему многовековому опыту ведения пчеловодства противоречит правовая норма, содержащаяся в Правилах (ст. 27), в соответствии с которой пчеловоды обязаны в конце августа — начале сентября подкармливать пчелосемьи сахарным сиропом из расчета не менее 25 кг сахара на пчелосемью. В научной литературе по пчеловодству, учеными-пчеловодами, практикой рекомендовано зимовку пчел проводить на натуральном меде, а подкормку проводить, в том числе сахарным сиропом, в небольших количествах.

В Правилах содержатся и другие правовые нормы, не согласующиеся с законодательством, наукой и практикой ведения пчеловодства.

Охотник Панегин И.Г. из Курской области сообщает, что охотники, получившие охотничьи билеты единого федерального образца, знакомы с Порядком их выдачи и аннулирования, который действует с 2011 г. Но в этот Порядок уже были внесены изменения. Хотелось бы знать, когда и какие были внесены изменения?

В стране в целом нормативно-правовая база не отличается стабильностью. В некоторые правовые акты в течение одного года вносится не одно дополнение и изменение, что очень затрудняет пользование ими.

В порядок выдачи и аннулирования охотничьего билета единого федерального образца, утвержденного приказом Минприроды РФ от 20 января 2011 г. №13 (далее Порядок), трижды вносились изменения и дополнения.

Например, приказом Минприроды РФ от 28 мая 2015 г. № 243 в Порядок был внесен ряд изменений.

В соответствии с этими изменениями охотничий билет выдается на основании заявления о получении охотничьего билета, которое должно быть составлено в письменной форме на бумаге или в форме электронного документа. Заявление может подаваться в уполномоченный орган или в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг лично заявителем или почтовым отправлением с описью вложения прилагаемых документов или в электронной форме с использованием информационно-технологической и коммуникационной инфраструктуры, в том числе федеральной государственной информационной системы "единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)" и (или) региональных порталов государственных и муниципальных услуг".

Внесены изменения в перечень документов, которые надо предоставить вместе с заявлением на получение охотничьего билета, в частности, две личные фотографии в черно-белом или цветном исполнении размером 30х40 мм с четким изображением лица строго в анфас без головного убора и копию (при подаче заявления в электронной форме — скан-копия) основного документа, удостоверяющего личность (при последующих внесенных изменениях это требование была исключено, о чем будет сказано ниже).

Порядок дополнен рядом новых статей. В соответствии с дополненной статьей 8.1. в случае подачи заявления в форме электронного документа с использованием названной выше федеральной государственной информационной системы, личная фотография прикрепляется к нему в виде электронного файла с соблюдением условий,

перечисленных в этой статье Порядка.

Новой статьей 10.1. предусмотрено, что датой подачи заявления, в форме электронного документа с использованием названной системы, считается день регистрации заявления в уполномоченном органе.

В соответствии с внесенными изменениями заявление об аннулировании охотничьего билета составляется в письменной форме на бумаге или в форме электронного документа (ст. 20. Порядка).

Заявление об аннулировании охотничьего билета подается лично заявителем, имеющим охотничий билет, в уполномоченный орган, выдавший охотничий билет, или в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг или в электронной форме с использованием информационно-технологической и коммуникационной инфраструктуры, в том числе названной выше системы (ст. 21. Порядка).

Приказом Минприроды РФ от 5 августа 2015 г. № 343 в Порядок внесены очередные дополнения и изменения.

Некоторые статьи Порядка претерпели редакционные изменения, внесены дополнительные статьи.

В частности, в ст. 17 перечислены основания аннулирования охотничьего билета, а ст. ст. 17.1. и 17.2. из Порядка исключены.

По измененному Порядку в случае, если охотничий билет аннулирован по основаниям несоответствия физического лица требованиям, изложенным в ст. 1. Порядка или подачи охотником заявления об аннулировании своего охотничьего билета, аннулированный охотничий билет подлежит возврату в уполномоченный орган в течение месяца со дня получения уведомления об аннулировании охотничьего билета.

Порядок дополнен статьями 25.1., 27. и 28.

В частности, если охотничий билет аннулирован на основании судебного решения, аннулированный охотничий билет подлежит возврату в уполномоченный орган в течение трех рабочих дней со дня вступления в законную силу судебного решения (ст. 25.1. Порядка).

Если охотник лишен права осуществлять охоту, охотничий билет, изъятый у физического лица, по истечении срока лишения права подлежит возврату этому лицу (ст. 27. Порядка). При возврате охотничьего билета в таком случае в него вносится запись о таком возврате (ст. 28. Порядка).

Приказом Минприроды РФ от 27 сентября 2016 г. № 500 в Порядок внесены очередные изменения.

Перечень сведений в заявлении на выдачу охотничьего билета дополнен данными основного документа, удостоверяющего личность, которые необходимо указать (ст. 6. подпункт "д" «Порядка»).

Внесены изменения в перечень документов, которые необходимо представить вместе с заявлением на получение охотничьего билета. Эти изменения заключаются в том, что вместе с заявлением необходимо представить копию основного документа, удостоверяющего личность. Если же подается заявление в электронной форме, сканкопию этого документа теперь представлять не надо (ст. 8 п. "б" Порядка).

Информация о новых нормативно-правовых актах РФ

Приказом Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 6 октября 2016 г. № 286 утвержден Перечень должностных лиц войск национальной гвардии РФ, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях (далее Перечень), предусмотренных Кодексом РФ об административных правонарушениях.

В соответствии с Перечнем должностные лица подразделений лицензионно-разрешительной работы имеют право составлять протоколы за такие административные правонарушения: ч. 1—2 статьи 8.37. (нарушение правил охоты и нарушение правил рыболовства); ст. 14.1. (осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии) в части соблюдения требований законодательства об оружии, частной охранной деятельности); по большому количеству правонарушений, связанных с нарушением правил производства, приобретения, продажи, передачи, хранения, перевозки, ношения, коллекционирования, экспонирования, уничтожения или учета оружия и патронов к нему и другим правонарушениям, связанным с оружием и патронами. До передачи подразделений лицензионно-разрешительной работы из органов МВД РФ в войска национальной гвардии по этому вопросу действовал приказ МВД РФ от 5 мая 2012 г. № 403 "О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию".

Здравствуйте, уважаемая редакция! Хочу через ваш журнал поздравить своего родного дядю Мочалова Евгения Анатольевича с юбилеем. Ему исполнилось 60 лет — хорошая, знаменательная дата. Евгений Анатольевич — заядлый охотник с большим стажем, меткий стрелок, добывший большое количество трофеев. Он давний подписчик вашего журнала. Всю свою жизнь он предан охоте и рыбной ловле. Бережно относится к природе и ее ресурсам. Природа — его второй дом, в котором он любит порядок. Привил любовь к природе своим трем детям, а теперь уже и внукам. Его старший брат Виктор с супругой Татьяной, племянники Валерий и Евгений желают нашему юбиляру крепкого здоровья, долгих лет жизни, удачи и счастливых моментов на охотничьей тропе.

Семья Мочаловых
Тамбовская область

На фото слева направо: Пожидаев Павел, Александр, именинник Мочалов Евгений Анатольевич, Николай

Женщины в русской охоте

Б. МАРКОВ

Меня давно увлекала мысль воздать должное женщинам, которые внесли свой, неоценимый, вклад в развитие русской охоты. Женщина-охотник — явление редкое. Описание женщины — охотницы до борзых и гончих встречается у Е.Э. Дриянского в повести «Амазонка»: «...новая знакомка наша была не смазливенькая, а просто красавица. На ней был спензер или что-то вроде теплого казакина, крытого бархатом яхонтового цвета, с соболиной оторочкой... На голове ее, резко оттеняя высокий лоб, надета бархатная шапочка вроде мурмолки, с такой же собольей оторочкой.

При этом представьте красивую, смелую посадку, орлиный носик, мыслящие, открытые черные глаза и бессменную улыбку на тонких губах... и добавьте к этому обаятельную силу молодости...

«Ну, — думал я про себя, глядя на красавицу, — охотникам моим теперь не до лисиц!» Оглянув враз все наши вытаращенные физиономии, Вера Павловна улыбнулась и, ускоряя шаг лошади, выехала на бугор, где стояла охота.

— А сколько у вас напуску? — спросила она, остановясь у стаи.

— Двадцать два смычка, — отвечал за всех ловчий, в свою очередь не сводя глаз с «барышни-охотницы».

Речь ее покорила охотников. Вера Павловна травила в основном красного зверя, но любила охоту и по перу на красную дичь — дупеля и бекаса.

В прошлом веке, по данным журнала «Спорт», среди московских охотниц наиболее дельной как по крупному зверю, так и с гончими по зайцу и лисице считалась Анна Адольфовна Гильбах.

Первая ее охота была по волкам в Курской губернии. В течение двух недель А.А. Гильбах взяла шесть волков, среди которых один матерый был замечателен по величине. Отважная охотница ходила по медведю в Новгородской губернии, где от охотника, кроме меткой стрельбы, требуется присутствие духа, хладнокровие.

Однажды, увидев медведя, она напустила зверя на шесть шагов и одной пулей из экспресса убила его в голову наповал: в нем было одиннадцать пудов. Два медведя убиты ею в Тверской губернии, самый дальний выстрел по этому зверю не превышал пятнадцати шагов — выдержка и хладнокровие, достойные мужчины. Осенью Анна Адольфовна охотилась с гончими, и ею взято более десятка лисиц. За двенадцать дней охоты на четыре ружья было взято из-под гончих 190 одних зайцев. Летом она охотилась с легавой по тетеревам и белым куропаткам в Тверской губернии, но хороших полей не было, так как мало птицы. Весенней охотой очень увлекалась на токах глухариных и тетеревиных. Несмотря на трудность этой охоты, брала как тех, так и других.

Однако в стрельбе по птице среди москвичей лучшей считается Лидия Михайловна Мазурина. Она хорошо стреляла на главном стенде садки Императорского общества правильной охоты в компании лучших стрелков и нередко брала призы.

В журнале «Природа и охота» за 1887 год сообщалось о травле волка борзыми Ольгой Улагай. В письме к известному знатоку борзых Н.П. Ермолову борзятница сообщала: «26 минувшего сентября охота моя, состоящая из 7 свор борзых при 14 смычках гончих, брала не очень большой Карпов лес, близ села Сухой-Солотины (Обоянского уезда Курской губ.). Разместившись по лазам и бросив в этот остров гончих, мы были удивлены продолжительной горячей гоньбой с взлаиванием, что, несомненно, означало, что гон происходит по волкам, которые между тем, вопреки обыкновению, медлили выходить. Мы, т.е. моя сестра и я, помещавшиеся на охотничьих дрогах, запряженных тройкой, заняли, по-видимому, малонадежный лаз на красного... В это время прямо на нас выносится волк, а за ним, рыскавший без своры у соседнего борзятника, Ваш псовый. Бросок и, не допуская до нас приблизительно ста сажен, взял по месту так хорошо, что я вместе с сестрой, не отличающейся физической силой, имели время добежать и возможность сострунить сворою этого волка, и настолько удачно, что когда вернулись дроги, то мы с помощью кучера положили на них волка. Волк этот оказался переярком.

В эпизоде этом замечательно лишь то, что Бросок взял один переярка и держал его настолько крепко, что дал возможность сострунить его нам, т.е. двум женщинам. Бросок, как Вам известно, приобретен мною у Вас в августе 1881 года месячным щенком, а потому небезынтересно будет Вам, если я опишу теперь его наружность: масти он светло-половой, рост — едва аршин; с прекрасной сухой головой, с темными, навыкате глазами; уши поставлены немного широко, но в затяжке; правило в окороть, саблистое; на хороших ногах, с вывернутыми в поле локотками; корпус с сильно развитой мускулатурой, с небольшим верхом; широк, бочковат, со спущенными ребрами до локотков и в длинной густой псовине. Общий вид его массивен и угрюм, скачет вообще резво, но в особенности хорош у него бросок накоротке.

Затем, заканчиваю это письмо моею искреннею благодарностью как за Броска, так и за других борзых, приобретенных мною у Вас, многоуважаемый Николай Петрович.

1883 г. Декабря 6 дня. Д. Бабыкино (Обоянского уезда Курской губ.)».

Описание борзого кобеля Ольгой Улагай (не экспертом) достойно лучших традиций кинологов-знатоков, и это в 1883 году, — какое удивительно меткое знание языка и способов охоты!

Не менее показательны эпизоды, приведенные псовым охотником, экспертом и знатоком борзых Д.П. Вальцовым в книге о псовой охоте в селе Вершине. Автор восхищается лихой наездницей Марией Алексеевной Болдаревой — женой псового охотника Артемия Константиновича Болдарева.

Среди других женщин прошлого выделялись наши русские кинологи, великие знатоки и любители охотничьих собак — Мары Георгиевна Дмитриева-Сулима, о которой рассказано в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (1989) и дочь великого русского ученого Д.И. Менделеева — Мария Дмитриевна Менделеева-Кузьмина. Статьи по собаководству, опубликованные М.Д. Менделеевой-Кузьминой в журналах «Природа и охота», «Наша охота» и по сей день актуальны и читаются с интересом. Стоит прочесть редкую книгу М.Г. Дмитриевой-Сулимы «Лайка и охота с ней». Глубокими познаниями, трудолюбием М.Д. Менделеева-Кузьмина, так же как и М.Г. Дмитриева-Сулима, завоевали любовь и уважение всех охотников России.

Наступил 1917 год. Исчезли псовые охоты, в воспоминаниях остались стаи голосистых гончих. Но русская охота пережила это тяжелейшее время. Ценой огромных усилий преданные делу собаководства любители сохранили борзых, гончих, легавых. На страницах охотничьих послереволюционных журналов засверкали новые имена — Н.А. Сумароковой, Е.Ф. Дезор, В.К. Амелунг, Г.В. Зотовой, Л.А. Гибет, В.А. Дроздовой, Л.В. Ушаковой, И.А. Ереминой, А.Е. Золотаревой, И.М. Медведевой, Т.Н. Кром, Н.Л. Поповой, З.Н. Милиоти, Н.В. Мамаевой, М.А. Муромцевой и других женщин-кинологов, которые подхватили славную эстафету поколений и посвятили жизнь развитию русских охотничьих пород.

Нина Александровна Сумарокова! Кому из борзятников неизвестно имя этой властной и решительной женщины. Еще до революции под Мценском вместе с мужем К.В. Сумароковым она содержала большую псовую охоту. Любительница борзых, блестящая наезд-

ница Н.А. Сумарокова (Корф) добилась прекрасных результатов. На юбилейных садках московского общества охотников в 1912 г. ее борзые — Поражай, Злодейка и свора: Сорван, Поражай, Злодейка — получили первые призы. Московские любители гончих в 1934 г. (по данным Н.П. Пахомова) пригласили Н.А. Сумарокову главным экспертом по гончим. Человек большой культуры, свободно владеющая итальянским, французским, немецким, английским языками, она была для всех примером чести, благородства и принципиальности. Трогательная и в то же время мужественная любовь к русским просторам, ко всему прекрасному, что еще чудом сохранилось в России, помогла ей выжить в мрачные годины ссылок и тюрем. По отзыву борзятницы В.А. Дроздовой, Н.А. Сумарокова была для всех эталоном экспертов. На испытаниях и выставках судила строго и поэтому ее боялись, но уважали. Последнее ее судейство было в 1946 г. в Москве на стадионе «Локомотив». В 1947 г. Н.А. Сумароковой не стало.

Н.А. Сумарокова была дружна с В.А. Дроздовой, В.К. Амелунг, Г.В. Зотовой. Эти женщины в годы Великой Отечественной войны спасли в Москве породу борзых. Они делили с собаками последний кусок хлеба. Еще гремела война, а от Е.Ф. Дезор из Саратовской области пришла телеграмма о возможных испытаниях борзых. В.К. Амелунг, В.А. Дроздова, В.И. Казанский и В.С. Мамонтов (сын Саввы Мамонтова) выехали с борзыми в Баландино травить красного зверя.

Евгения Федоровна Дезор, о которой нам поведал прекрасный писатель А.А. Ливеровский, рискуя жизнью, вывезла из блокадного Ленинграда своих борзых и собак Матвеевых, Сидорова, Дометти. Она восстановила и создала породу борзых в Саратове и Петербурге. Сама воспитала шесть чемпионов. Низкий поклон ей за этот подвиг и вечная память благодарных потомков. Сама же она писала о борзых:

Люблю борзых! И нет породы чище.
И нет собак красивей на земле.
И не бывает выше наслаждения,
Чем бросить сверху русаку вослед —
Азартной травли чудного видения
На свете ничего прекрасней нет.

Помню на заре моей охотничьей юности поучала меня в стрельбе навскидку тоже женщина — жена егеря, уважаемая Анастасия Ивановна.

Короткий осенний день просыпался тяжело и невесело. Я стоял в камышах на берегу озера и пропуделял по стае, классически проводил дуплетом крупную крякушу и в расстроенных чувствах ждал очередного промаха, как вдруг, словно со страниц Е.Э. Дриянского или Л.Н. Толстого, явилась Анастасия Ивановна, немного суровая, и, невесело посмотрев на меня, с укором произнесла:

— Ты куда палишь, душа твоя несусветная, утка в небесах, а он стре-

Мария Георгиевна Дмитриева-Сулима

Мария Дмитриевна Менделеева-Кузьмина

Евгения Федоровна Дезор

Валентина Александровна Дроздова

Галина Викторовна Зотова

Татьяна Николаевна Кром

лит... а ну дай-ка ружье... тоже мне мазила...

Я растерялся, но ружье отдал.

Анастасия Ивановна открыла стволы и сурово сказала:

— Ты бы еще бекасинником зарядил, голова твоя садовая, утка-то, поди, уже в пере, а ну дай тройку...

Я подал третий номер дроби. «Женщина на охоте — не к добру», — думал я.

— Где-то крякает селезень, — негромко предупредил я егершу.

— Не крякает, а шваркает, — шепотом ответила охотница и позвала селезня: — Та, та, та...

Тогда мне очень хотелось, чтобы егерша смотрела на меня как на охотника, как на равного. Только я подумал об этом, как вдруг четко услышал шум крыльев крупного крякаша. Мгновенная вскидка и бац... Селезень на мгновение застыл в воздухе и, сложив крылья, комочком плюхнулся в воду. Анастасия Ивановна опровергла мои опасения: женщина на охоте — к удаче.

За долгую охотничью жизнь я встретил еще одну Анастасию Ивановну — Савельеву — кинолога тверского общества охотников. Сколько состязаний, испытаний, выставок организовала эта неутомимая прекрасная женщина, к которой все гончатники всегда ис-

Нина Викторовна Мамаева

пытывали чувство особой признательности и глубокого уважения за ее преданность собаководству.

Мы говорим: были в России знаменитые псковичи, легендарные Старостины, Михачевы, Зуевы, но неужели наши знаменитые на весь мир женщины-кинологи: Г.В. Зотова, Л.А. Гибет, Т.Н. Кром, Н.В. Мамаева, И.М. Медведева, С.Д. Войлочникова, Е.Ф. Ушакова, Н.В. Мишакова, И.А. Еремина, М.Ю. Войлочникова, И.И. Васнецова и другие сделали меньше для русского собаководства и русской охоты? Помню, как восхищался эксперт Всесоюзной категории «последний из могикан» В.В. Дмитриев отчетами эксперта из Архангельска М.Ю. Войлочниковой.

Мы говорим: были в старину великие знатоки, создатели фамильных пород, но умалчиваем или просто забываем, что весь мир рукоплескал нашей талантливой женщине — кинологу Всесоюзной категории, ветеринарному врачу Галине Викторовне Зотовой. Ее знают, уважают, любят в Америке, Франции, Германии, Швеции и других странах.

Мы говорим: в старину писалось лучше и знатоков было больше. Но разве статьи и очерки наших женщин: К.П. Савельевой, И.М. Медведевой, Л.А. Гибет, М.А. Муромцевой, Г.В. Зотовой не уникальны? И не их вина, а наша общая беда, что написанные ими книги лежат у них в столе.

А сколько наших милых, добрых женщин работают в Росохотрыболовсою-

Женщины-охотницы нашего времени

Лариса Артуровна Гибет

Елена Викторовна Горбунова

зе, в московском обществе, охотничьих журналах.

Мы не можем представить наше общество охотников без Нины Викторовны Мамаевой, Валентины Алексеевны Лобановой — экспертов-заводчиков. За тридцать лет, отданных собаководству, сколько воспитано собак, сколько ими было организовано выставок, полевых состязаний, испытаний, выдано родословных, свидетельств, грамот. Низкий поклон им.

Иные наши современницы умеют стрелять не хуже любого дельного охотника. К таким охотникам относится Ирина Ивановна Васнецова.

Валентина Александровна Дроздова в свои восемнадцать частенько осенью выезжала на охоту с борзыми, потравить русачка, а Галина Викторовна Зотова со своими борзыми не уступит тулякам-борзятникам.

Однажды осенью известный в нашей стране эксперт — Татьяна Николаевна Кром охотилась в Румянцевском хозяйстве с мужем Юрием Чернышевым по зайцу. Русский выжлец Секрет побудил зверя. Вдруг прибылой белячишка вылез на дорогу и покатился встреч. Напустив беляка, Татьян ударила в штык, и беляк вкатился ей прямо в ноги. После охоты мужчины были очень смущены — Т.Н. Кром взяла беляков. Были хорошие поля по перу с чемпионом — ирландцем Скифом в Вологодской области.

Татьяна Николаевна Кром приняла эстафету у Евгения Эмильевича Клейна — большого знатока породы ирландского сеттера. Она работала с П.Ф. Пуньшевым, Б.А. Калачевым, А.В. Платоновым, В.И. Казанским, Ю.А. Нейманом — знатоками русской охоты и собаководства.

От редакции. Перечислять заслуги женщин, внесших огромный вклад в развитие охотничьего хозяйства России, можно бесконечно. И низкий поклон им за это!

Журнал «Охота и охотничье хозяйство» со своей стороны поздравляет с Международным женским днем всю лучшую половину Человечества!

ГУСИКИ

Валерий БОЛЕНДЕР

Гусики летят. Солнышко уже наполовину выглянуло из-за большого холма, когда я закончил расставлять профиля гусей на поле озимых. Дело оказалось настолько трудоёмким и мутор-ным (сапоги буквально наполовину погружались в протаявшую почву на посевах ржи), отчего я был мокрым от пота, будто побывал под хорошим ливнем! Но это были, оказывается, всего лишь цветочки. Здесь на поле я ещё с осени выкопал глубокий капонир (яма в полный рост). Почву ровным слоем разбросал вокруг. А сейчас я замаскировал круг из красной глины привезённым с собой зелёным сеном. Мне бы сразу прикинуть, что яма стала немного больше и меньше по высоте. Так нет! Остатки сена — на дно капонира, и сам следом. И тут ноги не почувствовали ожидаемого твёрдого грунта, а ускоренно стали погружаться в холодную жижу. Чего я только не предпринимал, чтобы вылезти из этой ловушки, построенной самим же собой, скользкой, промёрзшей до гололёда грязевой ямы! А в результате всякий раз соскальзывал назад, а топорик там наверху, в рюкзачке... «Вот же раздолбай-охотник» — матюгнулся я. Снял один сапог и выбросил его наверх — шерстяной носок лучше удерживал ногу, упёртую в стену. Пришлось расстаться и со вторым сапогом. И так, упираясь в одну сторону спиной, а в другую ногами в шерстяных носках, я буквально на последнем дыхании, резким толчком, перекатился на бок капонира.

Это надо было просто видеть, что за чудо лежало сейчас в чистом поле озимых, тупо уставившись глазами в бездонную синь небес. «И кто придумал эту весеннюю охоту!» — возмущённо металось в мыслях. На сегодня, кажется, отохотился. Забрал рюкзак, ружьё и сапоги, прямо в одних шерстяных носках побрёл по ещё сильнее подтаявшим озимым в сторону большой лужи, что была у дороги. А на грейдере пытавшийся было остановиться жигулёнок с пробуксовкой стартанул в гору! Видимо, увидел бредущий ком грязи в пучках налипшего сена.

Пока обмывал всю налипшую на одежду грязь, ноги у меня стали краснее, чем у тех гусей, что тянули сейчас в высоте большими косяками. Уже в машине, отогревшись и успокоившись, думал о дальнейших действиях и планах. Профили на поле – и ладненько! А с этой грёбанной ямой завтра по утряне что-нибудь придумаем. А пока домой. Ноги пропарить хорошо, да чайку с мёдом и клюковкой.

Назавтра я решил ещё затемно подвезти к озимым пару тюков сена и пока почву, прихваченную ночным заморозком, ещё не отпустило, по очереди перетаскать их к капониру. Один тюк плашмя на дно, а второй ребром вдоль стеночки на первый. Оригинально, скажу вам, получилось! Теперь в скрадке можно было сидеть на сухом плотном тюке. «Фанатик упрямый и расточитель, — ругалась на меня хозяйка. — Корове на пять дней хватило бы!» А главное, голова не торчала из укрытия, и обзор очень хороший. Все профили как на ладони, и здоровенная лужа, что у дороги, просматривалась полностью.

«Вот теперь мы поохотимся!» — ликовала душа. Ещё бы — столько трудов, начиная с прошлой осени! Восход солнца я встречал, уютненько устроившись в засидке. На тюке у ног рюкзачок, в котором термос с горячим кофе и пакет с бутербродами. По правую руку — полуавтомат МР-153, заряженный шестью магнумовскими патронами с разной дробью (от № 3 до 00). И гуси не заставили долго ждать. Довольно большой косяк, тянувший на высоте, вдруг дугой стал поворачивать в сторону водной глади у дороги. Несколько минут и стая белолобиков уже сидела на озимых у самой кромки воды. Из-за лесополосы вынырнул небольшой косячок серых гусей и кругами стал ходить над профилями. Высоко. А так хочется стрельнуть! Но я терпеливо жду, когда они опустятся пониже, чтобы уж стрелять наверняка.

Но, увы! Все мои надежды на удачную охоту рухнули враз, вместе с теми двумя автомобилями, которые остановились на грейдере. Из них повысыпало народу с фотоаппаратами (сначала показалось, что японские туристы маршрут перепутали). Да какое там. Судя по восхищённым возгласам, сдобренным истинно "русскими" словами, то были мои соотечественники! «Чтоб вам провалиться, любопытные вы мои натуралисты! Ей Богу, как будто в бесплатный зоопарк попали!»

Но как вы понимаете, наши не будут наши, если уедут просто так. И то, чего я сейчас больше всего боялся, воплотилось в натуре: в считанные минуты, прямо у меня на глазах (ей Богу, не вру), полных слёз отчаянья, сия весёлая компания расстелила газетки на капотах машин, расставила на них весь свой боевой увеселительный запас и с упоительным задором продолжила восхищаться тем, что прямо у дороги так много диких гусей, а те, что далеко в поле, даже и не взлетают. Им и невдомёк, что то были расставленные мною профили.

Я не терял надежды до того момента, когда из остановившегося УАЗа вылез мужик в зелёной ветровке с ружьём... «Ну, всё! Пиши, пропало!» — пронеслось у меня в голове. Как вы думаете, что он сделал?.. Правильно! Шандарахнул картечью из обоих стволов по профилям. Растерянно потоптался на месте, затем вытянул с переднего сиденья бинокль, пристально вгляделся... И быстренько дал дёру к своему авто. Всё, терпенье моё не безгранично! Поеду и я домой, пока меня эти "туристы" до греха не довели (иной раз возникало желание шмальнуть пятеркой в их сторону). Ещё один день поохотился! А в ясной, необъятной синеве продолжали тянуть косяки гусиков, оглашая окрестности своей весенней перекличкой.

За весенним гусем на Камчатке

С. УСИКОВ

Гусь-гуменник

Белолобый гусь

На Камчатском полуострове более 14 тысяч рек и ручьев, свыше 100 тыс. больших и малых озер. Обширные площади малопосещаемых тундр, речных долин, дельт, лиманов и пойм создают прекрасные условия для гнездования водоплавающих. Меридиональное расположение полуострова делает его важным пролетным направлением при осенне-весенних миграциях многих видов пернатых как самой Камчатки, так и Магаданской области и Чукотки. И конечно, среди этого многообразия водоплавающих перелетных птиц, самые долгожданные и желанные для охотника — гуси. Разрешенных к добыче на территории края гусей два вида — это гуменник и белолобый гусь, по местному — казара. Основной весенний пролет проходит вдоль западного побережья Камчатки, в меньшем количестве гусь идет вдоль Серединного хребта и по восточному берегу. Соответственно, лучшие охотничьи гусиные места находятся в тундрах Охотского побережья. Главная проблема для охотника за гусями — транспортная. Добраться из краевого центра до западного берега несложно, всего около 200 километров грунтовой дороги, а вот дальше без высокопроходимой гусеничной техники, способной преодолевать водные преграды, не обойтись. Причем большое количество рек, впадающих в Охотское море, образуют лиманы, мощные приливы, поэтому погодные условия способны порой создать проблемы и для этих машин.

Первые гуменники обычно отмечаются на полуострове во второй декаде апреля. Массовый пролет начинается где-то в 20-х числах и проходит приблизительно до середины мая, однако сроки эти часто корректирует погода, состояние мест пролета и кормовой базы. Если зима была многоснежная, а весна холодная, поздняя и тундра еще не оттаяла, озера в ледяном панцире, хоть и начинающем темнеть, гусь скапливается на оттаявших мочажинах, кочкарниках, то есть на кормных местах. Некоторые стаи даже отлетают южнее, пролет теряет интенсивность, приостанавливается, птица ждет потепления, хорошей погоды, хотя отдельные косяки гуменников и при таких условиях тянут на север.

Белолобый гусь летит немного позднее гуменника, места его гнездования в основном находятся в Корякии и на материковой части края. Гусь-гуменник — крупная птица, размах крыльев может превышать 1 метр. Средний вес колеблется в пределах от 3,5 до 4,5 кг. Самый тяжелый гуменник, добытый мною на весенней охоте, весил 5 кг 150 г. Не без оснований могу предположить, что осенней порой масса отдельных птиц может достигать и даже несколько превышать отметку в 6 кг. Белолобый гусь значительно уступает в размерах гуменнику, экземпляры весом немного выше 3,5 кг встречаются крайне редко.

Самый эффективный, эмоциональный и гуманный способ весной добыть гуся — охота с профилями или чучелами. Просто сидеть с ружьем на месте возможного появления птиц скучно и ненадежно, отсюда и стрельба на недопустимой дистанции, подранки, промахи и проклятия. Охота скрадом — тоже почти безнадежное дело. Посему профили — важнейшая часть снаряжения гусятника и половина успеха. Изготовить их можно самому, но можно приобрести в магазине, как и гусиные чучела. Последние никаких явных преимуществ перед профилями не имеют, зато тяжелее и гораздо габаритнее, да и стоят немалых денег.

Вспоминается случай, когда, в результате нечеткой договоренности с местными охотниками, мы остались без гусиных профилей. Вышли из положения при помощи нескольких ржавых листов жести, оторванных на крыше старого, заброшенного балка. Обычными ножницами вырезали из них около десятка примитивных профилей и прекрасно с ними поохотились, причем один из них подвергся нападению белохвостого орлана, который пытался утащить металлическое подобие гуся, даже не смотря на отчаянный грохот профиля. Количество профилей в высадке имеет значение, в принципе, чем их больше, тем лучше. Однако слишком увлекаться числом не стоит, уже 10—12 профилей вполне достаточно, чтобы обеспечить нормальную охоту, важно только, чтобы высадка максимально была похожа на живых гусей. Для этого в ней необходимо присутствие нескольких гусиных поз — кормящихся птиц, отдыхающих, сидящих и сторожевика. Раскраска также должна соответствовать той гусиной породе, на которую производится охота, при этом профили не должны блестеть и давать бликов.

На расстановке профилей стоит остановиться подробнее. Главное условие — профили должны быть хорошо видны на большом расстоянии и при любом ракурсе. Для чего имеющиеся профили делят на две группы и устанавливают перпендикулярно друг другу, или, если их достаточно, три группы под углом 120 градусов. Очень далеко заметны профили, высаженные на снегу, льду реки или озера, прекрасно видно их на небольших возвышен-

ностях, тундровых кочках. Эффективно «работают» профили на кормовых местах — оттаявших мочажинах, кочкарниках с сохранившейся прошлогодней ягодой: брусникой или шикшей. Желательно учитывать направление ветра, так как гуси, заходящие на посадку, идут против него, но это не обязательное условие, поскольку основная задача профилей — заинтересовать гуся и обеспечить его близкий, на расстоянии выстрела, пролет.

Сооружение и маскировка скрадка — важные слагаемые успеха на охоте. В зависимости от окружающей обстановки нужно и прятать себя от зорких гусиных глаз. На заснеженной весенней тундре самый простой способ укрыться — вырыть снежный окопчик, если, конечно, позволяет толщина снежного покрова. Если снега маловато, можно просто соорудить невысокую стенку, в виде буквы «П», по периметру воткнув ветки тальника или сухой травы. В этом случае желательно надеть белую маскировочную куртку с капюшоном. Отличное укрытие для охотника — заросли кедрового стланика, причем никакого особого труда оборудование скрадка здесь не требует, достаточно найти или вырубить небольшую площадку для ног среди сплетения корневищ, обрубить лапы, мешающие обзору, и готово. На сухой, бесснежной тундре можно использовать подручную растительность — тальник, траву, пользоваться рельефом местности в виде кочек, низинок. Очень поможет в этом небольшой отрезок рыболовной дели, размером приблизительно 2,5 на 1 метр, в ячеи которого удобно вплетать пучки травы и ветки разных кустарников. Во всех случаях неплохо иметь с собой складной стульчик для более удобного времяпровождения. Однако основное положение охотника в скрадке, по-моему, вовсе не сидячее, а скорее, наоборот — на ногах. Чтобы загодя заметить приближающихся гусей — это самая перспективная поза, ведь чем выше наблюдатель, тем дальше видит, а еще лучше, если он имеет в наличии хороший бинокль. Но все же ноги не железные, поэтому хорошо, если есть на что иногда присесть.

Любой охотник наслышан о чрезвычайной осторожности и подозрительности гусей. Мой собственный опыт охоты на гусей говорит, что среди них, как и среди людской братии, есть и простаки и мудрецы. Не раз приходилось видеть, как гуменники налетали на совершенно открыто стоящего на тундре человека. Однажды крупный гусь, после бокового выстрела по нему на предельном расстоянии, неожиданно развернулся и пошел, что называется, в «лобовую». Немало удивленный такому повороту событий, я сбил его лишь третьим выстрелом. Впоследствии выяснилось, что все попадания пришлись в грудь спереди и ни единого бокового поражения. Чем объяснить такое поведение птицы мне и по сей день непонятно.

Случается, конечно, всякое — попадаются особи, которых ни на что «не купишь». По-моему, самые осторожные гуси — это одиночки, за весьма редким исключением. Одиночка на 99 % — это молчун, он не выдаст себя «гаканьем», часто пролетает, замеченный слишком поздно, и только на большой высоте может подать голос. Заметив высадку профилей или чучел, одиночный гусь крайне редко подлетает близко, предпочитая облет группы на большой высоте, исключающей выстрел по нему. Бывает, он снижается и идет на приманку, однако садится от нее метрах в ста и начинает вызывать фанерных провокаторов на откровения, непрестанно гогоча. При этом поза его крайне настороженна, голова вертится во все стороны и птица готова к немедленному взлету в случае малейшей опасности.

Однажды добыть такого хитреца мне помогла лиса-«огневка». Гуменник сел на лед на недоступном для дробовика расстоянии и, как обычно, начал разговор с профилями. Неизвестно, сколько бы это все продолжалось, не появись вдруг у противоположного берега лиса. Рыжая, не торопясь, трусила по кромке льда, всем своим видом показывая, что до гуся ей нет никакого дела, но тот был настороже — замолчал и внимательно наблюдал за зверем. Берег с одной стороны порос кедровым стлаником, в котором и был мой скрадок, а правее в озеро вдавался небольшой мысок, с которого гуся, по моим прикидкам, можно было попытаться достать дальним выстрелом. Не теряя времени, я прокрался по кедрачу, изредка поглядывая на гуменника, который сосредоточил все внимание на лисице и ни на что более не отвлекался, да к тому же начал потихоньку продвигаться в сторону профилей. В очередной раз, глянув через ветви, я увидел гуся уже метрах в пятидесяти и тщательно выцелив, выстрелил «нулевкой» в контейнере, лиса моментально испарилась, а гуменник остался лежать на месте.

Об осторожности гусей в стае тоже однозначно сказать трудно. Если крупный косяк летит высоко и быстро, он ни на какие профили внимания не обращает. Достаточно редко бывает, что из него вываливаются на профили один — два гуся, видимо, наиболее уставшие и нуждающиеся в отдыхе. Интересны для охотника стаи, летящие медленно и низко, где птицы часто перестраиваются, переговариваются, эти, как правило, ищут место для посадки, кормежки, поэтому охотно принимают профили за собратьев и идут к ним.

Стрельба по гусям при охоте с профилями не особенно сложна. Птицы, подлетая, несколько снижают скорость, высоту полета: казалось бы, бей не хочу, однако здесь нередки порой невообразимые промахи, особенно у неопытных стрелков. Главные причины этого — волнение, и как следствие, неверное определение расстояния и упреждения. Давать какие-либо советы по расчету последнего считаю делом малоэффективным и даже вредным, здесь поможет только практика и опыт. У каждого охотника свой способ стрельбы, различная реакция, неидентичные патроны, наконец. Птицы подлетают в разных ракурсах, с разной скоростью и высотой. При такой обстановке лучше довериться собственной интуиции и рефлексам, нежели суматошно припоминать рекомендуемые справочниками «полтора — два корпуса». Поэтому один чисто битый гусь даст вам много больше полезного опыта и информации, чем десятки прочитанных страниц. Что касается дистанции, здесь дело обстоит гораздо проще, чем может показаться поначалу — подпускать гуся нужно как можно ближе, применяя верное старое правило — как только можно определить цвет гусиных лап, птица на дистанции верного выстрела. На практике лично я никогда не стрелял по летящему гусю далее 40—45 метров, и не потому, что не

Охота с чучелами

Фото В. Уськова

было возможности. При охоте с профилями гораздо разумнее, если сомневаешься в дистанции, пропустить птицу, поскольку есть шанс, и немалый, что она повторит заход и окажется на более близком расстоянии, тем более, если охотник умеет пользоваться качественным манком. Сейчас в продаже манков великое множество, но приобрести качественный довольно проблематично. Большинство этих изделий издает звуки, лишь весьма отдаленно напоминающие гусиный крик. Электронные имитаторы птичьих голосов я в расчет не беру.

Любители дальней стрельбы по гусям обычно аргументируют такую привычку каким-то особенно кучным и резким боем своего ружья. Например, А. Азаров, в статье «Патроны на гуся», приводит кучность дроби номер 0 на 60-ти метрах в 27—30 дробин по зоне поражения диаметром 75 сантиметров. Нисколько не сомневаюсь, что такой результат можно реально получить, снарядив патрон самому, с использованием подобранного заряда и пересыпав снаряд дроби крахмалом, либо применив контейнер. Но, поскольку при охоте на гусей в подавляющем большинстве случаев стрельба ведется влет, а дробовой сноп имеет свойство растягиваться, и уже на 35-ти метрах его длина составляет более 3,5 метров, а на 60-ти еще больше: в поражении летящей птицы участвует гораздо меньшее число дробин, и это при идеальном прицеливании. Даже при самой незначительной ошибке в нем, шанс на уверенное поражение становится мизерным, зато резко возрастает возможность сделать подранка, которого еще нужно добирать. И еще один момент: точно определить – 60 метров до цели или 70, достаточно проблематично, так что если посмотреть на этот вопрос с точки зрения как охотничьей этики, так и возможного причинения меньшего вреда природе, от дальней стрельбы на гусиной охоте правильнее будет воздержаться.

Можно несколько подробнее остановиться на приемах стрельбы. В ситуации, если гуси налетают прямо на охотника, что называется «в лоб», лучше всего, подпустив их, резко встать в скрадке. В большинстве случаев птицы начинают круто набирать высоту, оказываясь в выгоднейшем положении для стрелка, подставляя выстрелу, говоря языком военных летчиков, всю нижнюю полусферу. Если гусь проходит на выстреле стороной, вставать нужно по возможности незаметно, плавно, так как от опасности сбоку гуси уходят энергичным отворотом, одновременно уменьшая площадь поражения и быстро удаляясь из зоны уверенного выстрела. В любом случае стрелять по птице «влет» совершенно необходимо только стоя. Всякие выстрелы с колена, «с корточек», сидя, стопроцентно ведут к промаху, поскольку в таких позах стрелок лишен возможности управления оружием при посредстве корпуса.

С момента массового появления у охотников нарезного оружия, оно все чаще применяется для охоты на гусей, иногда и при стрельбе «влет». Считаю это вполне допустимым на российских просторах, при соблюдении правил безопасности, естественно. Точный дальний выстрел по такой престижной цели, как дикий гусь, обеспечивает охотнику не меньше положительных эмоций, чем удачный дуплет и остается в памяти на долгие годы. Для такой стрельбы нужно применять патроны с остроконечной цельнооболочечной пулей. Некоторые охотники используют армейские боеприпасы с трассирующими пулями, что нежелательно, ведь они способны вызывать возгорание сухой растительности, а также обладают способностью к непредсказуемым рикошетам. В моей практике был случай, когда «трассер» дал рикошет от крыла гуменника, который, как ни в чем не бывало, продолжил свой полет.

Не подлежит сомнению тот факт, что гусь — крепчайшая на рану птица. Однажды я хорошо «отдуплетил» по паре гуменников — за первым выстрелом гусь «встал», усиленно работая крыльями, я добавил по нему же, четкий звук попадания, и пара с разворотом уходит в сторону. С недоумением смотрю им вслед, на патроны не согрешишь, сам заряжаю, да и не промазал ведь, попал! Пара отлетела уже метров на 300 и тянула над зарослями кедрового стланика, когда задний гусь вдруг «башмаком» свалился в кедрач. Поэтому, если вы уверены, что выстрел достиг цели, а птица летит дальше без признаков поражения, наблюдайте за ней как можно дольше. Очень часто, пролетев какое-то расстояние, такие гуси неожиданно падают на землю. При явных признаках ранения — неподвижно расставленных крыльях, выбитом пере и пухе, иногда даже разбрызгиваемой точно из пульверизатора крови, особенно хорошо заметной на снегу, следите за птицей до конца, а при падении точно заметьте какой-либо ориентир, чтоб легче обнаружить трофей. Опытному охотнику полезную информацию даст звук попадания дробин в цель. Четкие, «звонкие» щелчки свидетельствуют о том, что дробь угодила по маховым перьям крыла, что для гуся практически безвредно. О попадании по убойным местам — грудине, шеи и животу говорят глухие звуки, которые приблизительно можно передать языком, как «бук».

Традиционно самым подходящим оружием для гусятника у нас считалось МЦ-21. Хорошо отлаженная пятизарядка наиболее полно отвечает требованиям гусиной охоты, среди которых — кучный, резкий бой, возможность применять усиленные заряды, надежность автоматики. В настоящее время имеется гораздо большее количество моделей полуавтоматических ружей как по калибру, так и по типу автоматической перезарядки, и каждый может приобрести оружие, наиболее полно отвечающее конкретным нуждам владельца. С не меньшим успехом применяются на этой охоте и простые двуствольные ружья привычных марок. Поэтому решающее значение для успеха имеет не «крутизна» и навороченность ствола, а умение им эффективно пользоваться. Как показывает практика и опыт, оружие и боеприпасы категории «магнум» не дают существенных преимуществ перед стандартным 70 мм патронником и особенно патронами для дальних выстрелов собственного снаряжения.

Уж коль речь зашла о патронах, скажу несколько слов. При существующем многообразии охотничьих боеприпасов по-

Охота с профилями **Фото В. Уськова**

рой возникает некоторая неуверенность и даже растерянность в выборе подходящих патронов. В подобной ситуации имеет смысл приобрести по небольшому количеству патронов нескольких производителей, при этом запомнив номера партий, с тем, чтобы отстреляв их, определить наиболее соответствующие предстоящей охоте, затем закупив необходимое число этих патронов. Рациональность такого подхода оправдана тем, что порой среди продукции патронных фирм попадается откровенный брак, и лучше подстраховаться, чем впоследствии не иметь возможности что-то исправить. Если же вы предпочитаете стрелять патронами собственной зарядки, качество их зависит только от вашей аккуратности и опыта. Никаких особенных навыков тут не требуется, не стоит лишь увлекаться слишком крупными номерами дроби, вполне достаточно снаряжать патроны дробью 0 и 00, и это по крупному и крепкому на рану гуменнику. Для белолобого гуся достаточно убойным будет номер 1 или даже 2. С укрупнением номера дроби дистанция верного поражения, как это не покажется странным, снижается из-за уменьшения количества дробин в снаряде и соответственно снижения плотности осыпи.

Уже довольно длительное время я собираю для гусиной охоты следующий патрон — в новую пластмассовую гильзу, либо стрелянную, но обязательно прокалиброванную и с достаточно длительным сроком хранения без пробитого капсюля, прессуется «Жевело», засыпается навеска пороха «Сокол», уменьшенная на 0,1 г от рекомендуемой. Затем на заряд досылается прокладка диаметром 19 мм, толщиной не менее 2—2,5 мм. Таких прокладок в продаже не найдешь, рублю их сам из плотного картона, «идет» она в гильзу со скрипом и обеспечивает отличную обтюрацию. Досылание до заряда производится с усилием до начала характерного треска пороховых пластинок. Этот момент очень важен для получения качественного выстрела, но здесь нужно не переусердствовать, поскольку легко превысить нужное усилие, получив повышенное давление в патроннике и неважную кучность. Несколько отвлекаясь от сути, замечу, что знаю одного «специалиста», забивающего прокладки и пыжи на порох при посредстве навойника молотком. Ни одно самозарядное МЦ-21 не продержалось у него больше трех лет, как правило, лопались шейка приклада и текстолитовая втулка цевья, и моментально разбивались пазы в коробке. Можно легко представить бешенное давление, которое выдавали эти «русские магнумы». К чести туляков, стволы как-то выдерживали этот безумный режим эксплуатации. Но, как говорится, к делу — на прокладку досылаются полтора древесно-волокнистых пыжа, затем такая же прокладка на пыжи, навеска дроби 0 или 00 в 36 г и соответственно тугая закрутка. Патрон обеспечивает прекрасную кучность и резкость на дальности до 50 метров при переносимой отдаче и не оставляет в стволе несгоревших порошинок. Немалая «заслуга» в этом принадлежит древесно-волокнистому пыжу, имеющему хорошие амортизационные качества, снижающие деформацию дроби еще в патроне, в начальной стадии выстрела, а также его способность быстро разрушаться после вылета из ствола и не разбивать дробовой заряд, важно только снаряжать патрон качественными пыжами.

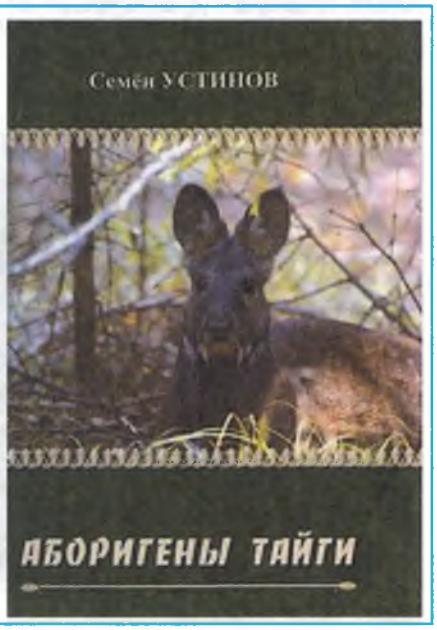
В заключение хотелось бы обратить внимание охотников на следующий момент. Как известно, дикие гуси — птицы моногамные, то есть самец и самка образуют устойчивую пару не на один брачный сезон, а на длительное время, на годы. Все мы наслышаны про лебединую верность, но о гусиной слышать как-то не приходилось. Тем не менее вот что мне пришлось наблюдать однажды на весенней охоте. Один из охотников нашей группы выбил из пары гуся, который упал метрах в 80-ти от скрадка. Вторая птица, сделав небольшой круг, села рядом с лежащей на льду озера, а дальше началось такое, от чего мне сделалось не по себе. Гусь громко гоготал, пытался толкать неподвижное тело головой и клювом, при этом сильно махал крыльями, словно призывая подняться и взлететь. Продолжалось это около двух минут, затем, как будто поняв бессмысленность своего занятия, гуменник взлетел, и непрерывно крича, начал удаляться в тундру. Этот наглядный, хотя и довольно редкий, пример преданности и любви у гусей ярко свидетельствует, что отстрел одной птицы из устоявшейся пары, в случае, если это гусыня, приводит к потере потомства, а в глобальном аспекте — к снижению численности популяции. При отстреле самца ущерб значительно меньше, ибо большинство самок в места гнездования прилетают уже оплодотворенными.

Однако определить пол птицы визуально невозможно, ведь окраска оперения у самца и самки совершенно идентична. Именно поэтому норма отстрела на весенней охоте научно обоснована и строго ограничена. Превышать ее — значит, не думать о том, что мы оставим нашим потомкам в наследство, а также лить воду на мельницу сторонников запрета весенней охоты (иногда не адекватных, а чаще меркантильных) в России не только на гусей, но и вообще на всю водоплавающую дичь.

Семён Устинов. Аборигены тайги: Повествования о животных. — Иркутск: Сибирская книга (Иркутск: ИП Лаптев А.К.), 2016 г. — 232 с. Фото.

Настоящая книга состоит из двух изданных ранее книг: «Загадочные тропы кабарги» и «Год и вся жизнь медведя». Обе книги в своё время издавались 40—50-тысячными тиражами в научно-популярной серии «Животный мир Прибайкалья» (Иркутск, 1987 и 1989 гг.). Новая книга под названием «Аборигены тайги» представляет собой научно-популярное издание, посвященное экологии кабарги и бурого медведя. Основным материалом послужили результаты личных исследований этих двух видов, которые автор проводил в полевых условиях юга Восточной Сибири — на горных хребтах Хамар-Дабана, Приморского, Восточного Саяна, Байкальского, Баргузинского и в т.ч. — на особо-охраняемых территориях. В некоторых случаях привлечен опубликованный материал других исследователей; так, использовано мнение ученых палеонтологов о том, что далеким предком кабарги была... африканская жирафа!

В книге общедоступным литературно-художественным языком описаны распространение по тайге, численность, взаимоотношения с другими животными, питание, места укрытия от непогоды и снегопадов, суточные циклы поведения, охрана и хозяйственное использование, далекое прошлое этих видов (эволюция) и др. В книге много описаний личных встреч и впечатлений (особенно от встреч человека с шатунами-медведями), рассказов охотников — очевидцев разных событий в жизни героев книги. Это делает ее интересной читателям разных возрастов, специальностей и рода занятий. Она может быть полезной и как дополнение к учебному пособию для учащихся по экологии и охране таежных видов животных. В ней много полезных знаний и для работников различных ООПТ. Книга вызывает у читателя расположение к ее героям, гарантию их защиты и охраны.

Судьба лабрадорской гаги

**Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник**

Ландшафт п-ва Лабрадор, где когда-то обитала лабрадорская гага

Среди промысловых птиц Севера со средних веков, а возможно, и более раннего времени, особое положение занимают гаги. Наши предки давно подметили, что гаги обладают густым, плотным оперением и значительным слоем подкожного жира. Особенность гаги — пышный высокий пух, густо одевающий брюшко. Эта особенность — одно из приспособлений птицы для жизни на ледяной воде северных морей, на холодных скалах, на снегу и мерзлой почве арктических побережий. Поэтому гагачий пух, обладающий исключительной легкостью и малой теплопроводностью, пользовался в старину заслуженной славой лучшего в мире естественного утеплителя. Традицию с успехом продолжают и сейчас, используя гагачий пух для пошива одежды полярных летчиков, альпинистов и туристов, изготовления спальных мешков и т.д. С годами утвердилось прочное мнение, что гагачий пух — это своеобразный эталон природной теплоты.

Современной науке известны четыре вида гаг: обыкновенная и гребенушка, распространённые вдоль северных побережий Европы, Восточной Сибири и Северной Америки; очковая, населяющая Северо-Восточную Сибирь и Аляску; малая, или сибирская, гнездящаяся в пределах узкой полосы побережья Северного Ледовитого океана в районе Сибири и Аляски. Но была ещё одна гага — лабрадорская (Gmelin, 1789), ареал которой охватывал очень ограниченную территорию Атлантического побережья Северной Америки. Что же это была за морская птица?

Помимо научного «имени», лабрадорская гага имела и ряд бытовавших некогда названий, которые дали ей охотники-промысловики. Так, её назвали разноцветной уткой, хотя это название являлось собирательным, куда, кроме неё, относили и другие местные виды водных и околоводных птиц — например, пестроносого турпана, обыкновенного гоголя и даже американского кулика. Подобное «объединение» приводило к серьёзным затруднениям при идентификации современными зоологами старых данных о видах водных птиц, которых нередко привозили в старину мореплаватели из своих путешествий. Источником запутанности в определениях тех или иных видов при «расшифровке» этих сведений становилась

Лабрадорская гага

Художник Йоханнес Герард Кёлеманс

сходная для всех них окраска — смешанная чёрно-белая или пегая, как у самцов лабрадорской утки, так и других водных и околоводных птиц региона. Зоологи считают, что лабрадорская гага, безусловно, не имела с ними ничего общего, а систематически же самыми близкими для неё эволюционными родственниками являлись, очевидно, турпаны. Помимо них встречается и ещё одно название гаги — мелкопесчаная утка, основанное на её привычке добывать корм на мелководьях.

Сейчас от лабрадорской гаги остались лишь воспоминания, картины художников-анималистов да чуть более пятидесяти чучел в музеях. Хотя она была очень осторожной, пугливой, близко не подпускавшей к себе, птицей, это её не спасло. Чем она привлекала к себе, сейчас, увы, сказать сложно; может быть виной гибели птиц стало её красивое белое с черным оперение у самцов. Тогда оказывается прав американский зоолог и страстный защитник животного мира Роберт Мак-Кланг, писавший, что «лабрадорские гаги были слишком соблазнительной мишенью, и никакой охотник не упускал случая подстрелить их».

Ещё в начале периода освоения Нового Света, после заселения первыми европейцами восточного побережья Северной Америки, лабрадорская гага встречалась на территории от зал. Святого Лаврентия и о. Ньюфаундленд до побережья п-ва Лабрадор. Эта птица от природы редкая, и потому о её биологии известно немногое. Летом птица держалась в приморской области, где были распространены скалистые и лесотундровые ландшафты, притундровые леса. Гнездилась она колониями на небольших островах и близ воды на материковой суше. В зимний период лабрадорская гага мигрировала южнее — от юга п-ва Новая Шотландия (Канада) до побережья штата Нью-Джерс в Чесапикс-кий залив (США). Примерно до середины XIX в. её ещё можно было встретить в пределах своего ареала, хотя она и считалась редким видом, а позже и до 1870-х гг. популяция птицы резко сокращалась. Современные ученые считают, что бездумное истребление лабрадорской гаги стало причиной ее исчезновения. Последний представитель вида был застрелен осенью 1875 г. С тех пор вид считается вымершим. В память о его существовании человеку осталась лишь шкурка убитой птицы, хранящаяся в Смитсоновском институте в Вашингтоне.

Лабрадорская гага слыла одной из наиболее красивых морских уток. Хотя самки и птенцы имели довольно невзрачное оперение (они были окрашены в коричневато-серые тона), самцы выглядели настоящими франтами — их оперение, состоявшее из сочетания черных и белоснежных перьев, на фоне буро-серых тонов тундры являлось невероятно эффектным. Читателю, не видевшему птицу в природе, замечу: всё туловище и крылья самцов имели черную окраску оперения, а голова и шея были покрыты белыми перьями. На белой шее красовался элегантный черный «галстучек», а на темени и затылке располагались неширокие густо-серые полосы.

Главными пищевыми объектами этой гаги были мелкие моллюски, в основном мидии. Клюв птиц был приспособлен для собирания моллюсков со дна и с камней. Клюв сильно отличался от такового большинства уток — широкий, со сглаженным концом и многочисленными чешуйками внутри. Характер питания гаги позволил учёным заключить, что лабрадорская гага являлась экологически близкой современной стеллеровой гаге, обитающей в северной Азии и северной части Тихого океана. Морфологией же клюва лабрадорская гага очень напоминает австралийскую розовоухую утку, которая питается в основном планктоном и моллюсками. По внешнему виду с этой гагой сходна современная синяя утка.

Мясо лабрадорской утки не отличалось особенными питательными и вкусовыми свойствами. Тогда непонятно, почему промысловики и мореплаватели так стремились добыть её, может быть, как считал Роберт Мак-Кланг, тут причина крылась в её слишком эффектом оперении. Так или иначе, но люди не упускали случая поохотиться на диких уток. Были случаи, когда рыбаки ловили их прямо на крючок, на который предварительно насаживали мидий. Тушки пойманных птиц охотники обычно продавали владельцам продуктовых магазинов, но из-за того, что мясо ее имело неприятный вкус и быстро гнило, спрос на него был чрезвычайно низким. Поэтому испорченное мясо несколькими десятками килограммов выбрасывали на городские свалки.

Хотя достоверных причин вымирания лабрадорской гаги нет, учёные склоняются к мнению, что к одним из главных факторов уничтожения птицы относился активный сбор яиц. Сезон охоты совпадал с периодом гнездования птиц. В результате — после появления людей на островах оставались сотни разоренных гнезд. Шла усиленная охота на лабрадорскую гагу ради пуха. Другим возможным фактором вымирания птицы было снижение численности мидий и других моллюсков из-за роста населения и промышленности на восточном побережье Северной Америки. Хотя все морские утки и питались мелководными моллюсками, но ни один вид птиц в Западной Атлантике не был так сильно зависим от конкретной пищи (мидий), как лабрадорская гага.

Эта птица стала первой, уничтоженной европейцами в Америке, после открытия её Колумбом.

Благодаря густому пуху лабрадорская гага не боится холодной воды

Художник Луи Агэссиз Фуерте

Перед полетом. Из книги «Птицы Америки»

Художник Джон Гульд

Гага и гагачьи хозяйства

**Владимир КИПРИЯНОВ, биолог-охотовед,
член территориально-соседской общины коренного
малочисленного народа ненцев «Хэбидя-Я» («Святая земля»)**

«...разработка комплекса мер по развитию традиционных отраслей хозяйствования, обеспечивающих укрепление занятости и самозанятости коренных малочисленных народов на основе мобилизации внутренних ресурсов домашних хозяйств и общин, их активная поддержка со стороны государства, коммерческих и некоммерческих организаций, включая использование системы государственных закупок продукции традиционных отраслей хозяйствования коренных малочисленных народов».

«Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации, утверждённая 20 февраля 2013 г. Президентом России Владимиром Путиным»

В трудах Морской Комплексной Арктической Экспедиции (МАКЭ) под редакцией профессора П.В. Боярского есть такие строки: «До середины 50-х годов Новая Земля оставалась основным в СССР районом заготовок гагачьего пуха. Годовой сбор его достигал 3 т. Необходимо восстановить здесь ведение рационального охотничьего хозяйства, в том числе и на гагачьих гнездовьях. Вопрос о том, кто и как должен вести такое хозяйство, пока остаётся открытым».

Тенденция мирового развития последних лет убеждает нас в том, что время заняться этим вопросом пришло. Государственная Программа развития арктической зоны Российской Федерации акцентирует внимание на развитии здесь традиционного природопользования, призванного поднять уровень жизни местного населения. О том же говорит и президент Санкт-Петербургской арктической общественной академии наук Валерий Митько: «Битву за Арктику выиграет тот, кто обеспечит в ней лучший уровень жизни".

Традиционное природопользование народов Севера включает в себя достаточно широкий спектр хозяйственной деятельности, но цель данной работы рассмотреть лишь одно направление – восстановление гагачьих хозяйств России.

Гага обыкновенная

Немногие знают жизнь гаги, но о гагачьем пухе слышали все. Обладающий исключительно малой теплопроводностью, очень мягкий и эластичный гагачий пух безусловно лучший в мире естественный утеплитель. От пуха всех других птиц он выгодно отличается тем, что не разлетается во время работ с ним, не сваливается и для него не требуется плотная и тяжёлая перьевая ткань, так как он не проходит даже через тончайший шёлк и капрон, благодаря тому, что пушинки, имея микроскопические крючочки, прочно сцепляются друг с другом и могут создавать большие монолитные конгломераты. Если случайно порвать изделие из этого пуха — пуховую куртку, одеяло, то пушинки не станут вытекать через образовавшуюся прореху, в отличие от гусиного и куриного пуха. Поэтому его и применяют в самых ответственных случаях.

На первой дрейфующей станции «Северный полюс» гагачий пух, как пишет Герой Советского Союза Э.Т. Кренкель, был использован для обшивки палатки, изготовления спальных мешков и пуховых курток... «За время дрейфа все указанные предметы на гагачьем пуху показали весьма высокое качество, предохраняя нас от холода и сырости». Гагачий пух и сегодня незаменим для полярных экспедиций и для альпинистских восхождений. Япония является основным потребителем гагачьего пуха, так как там традиционно предпочитают не отапливать зимой свои жилища, экономя топливо, а теплее одеваться. Пуховые одеяла в каждом доме здесь не роскошь, а крайняя необходимость.

На нашем севере встречаются несколько видов гаг. Все они обладают высококачественным пухом, но промысловое значение имеет лишь один вид — обыкновенная гага.

Обыкновенная гага гнездится крупными колониями на небольших морских островах, где сбор большого количества пуха с находящихся очень близко друг от друга гагачьих гнезд не составляет труда.

Гага, прекрасно приспособленная к окружающим внешним условиям, — типичная морская нырковая утка. Как все настоящие морские птицы, гага связана с твердой землей лишь в период гнездования. Все остальное время она проводит в открытом море и у морских побережий, почти не выходит на сушу. Гага крупная птица. Она значительно крупнее своих ближайших родственников — нырковых и благородных уток. Вес взрослых гаг, как самцов, так и самок, в нормальных условиях 2300—2500 г. Некоторые особенно упитанные птицы достигают почти 3-х кг.

Взрослым гагам не страшны ни сильный прибой, ни штормы. От постоянной низкой температуры воды полярного моря их предохраняет не только пуховой покров, но и целая система окружающих все тело воздушных мешков. Воздушные мешки играют также роль прекрасного гидростатического аппарата, облегчающего птицам погружение в воду и подъем на поверхность.

Кормясь на воде, гаги постоянно ныряют, впрочем, обычно не глубоко, не больше 4—5 метров, проводя под водой 25—30 секунд, но способны погружаться и значительно глубже.

Далеко отставленные назад ноги и широкие перепонки между пальцами являются гребными приспособлениями. Эти же упругие и мягкие перепонки с большим количеством бороздок на них позволяют гагам лазать по почти отвесным и скользким камням морских побережий.

Большой крепкий клюв с прочным «ноготком» спереди прекрасно приспособлен к сдиранию раковин моллюсков с камней. Широкая глотка без труда пропускает мелких морских животных, а мускулистый желудок легко дробит на куски твердые раковины моллюсков и жесткие панцири крабов.

Свои широкие короткие крылья гага использует, как и другие нырки, не только в воздухе, но и под водой. Иногда птицы буквально «вылетают» из-под воды. Впрочем, и по воздуху гаги летят достаточно быстро. Равномерно и часто взмахивая крыльями, держась очень низко над самыми гребнями морских валов, они летят со скоростью 50 — 55 км в час, покрывая во время своих перелетов тысячи километров.

Можно, пожалуй, без преувеличения сказать, что почти все животные осушной, покрываемой приливом полосы (литорали) и прилегающих к берегу участков морского дна (сублиторали), являются в той или другой степени пищей гаг.

В желудках убитых птиц находили обломки раковин всевозможных больших и малых моллюсков, червей, мелких рачков, крабов, офиур, морских ежей, морские звезды и др. Твердость раковины моллюска не является каким-либо препятствием для гаги. Крупные грубые обломки раковин она отрыгивает в виде погадок, так же как это делают хищные птицы и крупные морские чайки. В меньшей степени попадается рыба.

Выбравшись на твердую землю, гаги усиленно кормятся прошлогодними ягодами вороники и общипывают пробивающуюся зеленую растительность. При случае гага не прочь расклевать подвернувшееся яйцо чайки.

В предгнездовой период гаги все время держатся на воде или на освобожденных отливом участках. Птицы предпочитают защищенные, тихие бухты, где скапливаются десятками и сотнями. В это время они очень осто-

рожны и пугливы и при виде человека поспешно улетают или уплывают. В предгнездовой период гаги усиленно кормятся и чрезвычайно жирны. Толстый до 1,5 см слой жира залегает под кожей, все внутренности заплывают жиром.

На своем островке гага разыскивает старое гнездо или устраивает где-нибудь недалеко от моря новое и устилает его растительной подстилкой. Свой пух, идущий на утепление гнезда, гага начинает выщипывать с откладкой последних яиц и позже. Первые яйца откладываются в лоток гнезда и тщательно укрываются растительной подстилкой. Гага еще не начала насиживать и по-прежнему проводит время на воде. Можно в течение нескольких дней посещать найденное гнездо, находить новые, укрытые травой яйца, но так и не встретить гагу. Только после откладки четвертого — пятого яйца вдруг обнаруживаешь на гнезде плохо заметную наседку.

Излюбленных материалов для подстилки гнезда у гаги нет. Обычно она состоит из того, что окружает гнездо, что наиболее обильно в данной местности. На Белом море это — сухие листья, береста, сухая хвоя, кора сосны. Тут гага преимущественно гнездится под деревьями. На Мурмане в подстилке чаще всего встречаются сухие стебли злаков, сухой лист морошки, вороника и т. д. На Новой Земле, с ее скудной арктической флорой, это чаще выкинутые прибоем сухие морские водоросли и собранные с камней лишайники; иногда вся подстилка состоит здесь из мелких камешков.

Не нужно думать, что гага специально разыскивает подстилку и делает гнездо. Она берет то, что есть и всегда не прочь использовать старое гнездо, если возможно, брошенное гнездо чайки.

При потере яиц первой кладки в начале гнездования гага может возместить эту потерю повторной кладкой. Некоторые птицы делают даже и третью кладку. Число всех отложенных в течение лета яиц может достигать у некоторых самок 10, 12 и даже 15 штук. Необходимо отметить, что повторная кладка может быть отложена только при полной потере первой. В случае частичного отбора яиц первой кладки гага насиживает оставшиеся яйца. Вот почему на гнездовьях гаги, особенно на часто посещаемых человеком, всегда можно найти довольно много гнезд с 1, 2, 3 яйцами.

Вместе с последними яйцами в гнезде появляются первые признаки пуха. Скоро уже весь лоток выстлан коричневым, с сероватым оттенком, гагачьим пухом.

Область, откуда гага выщипывает «гнездовый» пух, — это нижняя часть груди и почти все брюхо. Здесь обычно сильно пощипано и перо. В течение всего периода насиживания это одно большое «наседное» пятно, которым гага обогревает свою кладку. Только в самом конце насиживания здесь начинает расти новый пух.

Гнездовый пух сильно отличается от пуха других частей тела. Он обладает очень большим количеством извитых бородок первого порядка. Эти бородки длинны и снабжены большим количеством бородок второго порядка. Поэтому отдельные пушинки гнездового пуха хорошо сцепляются между собой, способны образовывать эластичные, компактные, не сваливающиеся, малотеплопроводные массы. Пух остальных частей тела обладает этим свойством в значительно меньшей степени. Поэтому «живой» пух несравним по качеству с «мертвым», собранным со всех частей тела убитой птицы.

Гнездового пуха гага может дать вполне определенное количество и разговоры, что она якобы может «повторно» выщипывать пух, лишены основания. Одно гагачье гнездо может дать 18—20 граммов чистого пуха. У более северных гаг это количество может быть и несколько большим.

Примеси растительной подстилки значительно увеличивают вес собранного пуха. Чем дальше на юг, тем больше весит пух-сырец, взятый с одного гнезда. Неочищенный пух, взятый с гнезд на лесистых островах Белого моря, весит иногда до 200—250 г. На том же Белом море пух, собранный на открытых лудах, обладает значительно меньшим количеством примесей. На Мурмане, Вайгаче и на Южном острове Новой Земли, число примесей в гнездах можно в среднем оценивать в 75—80% к общему весу гнезда. На Северном острове Новой Земли число примесей в гнезде еще меньше.

Если, отложив первые яйца, гага спешит покинуть гнездо, то после откладки последних яиц птица плотно усаживается на гнездо и в нормальных условиях не покидает его до конца насиживания. Только при виде человека гага, обдавая яйца зловонным содержимым своей клоаки, кубарем катится к морю. Оттуда гага следит за человеком и при первой возможности торопится вернуться на гнездо, но некоторые птицы, спугнутые с гнезда, особенно в начале гнездования, больше на него не возвращаются, и их кладка погибает, становясь добычей хищных чаек и поморников. Поэтому в начале гнездования нужно стараться совсем не посещать гагачьи гнездовья. К концу гнездования перед вылуплением птенцов наседка очень неохотно бросает гнездо. Есть гаги, которые подпускают человека на несколько шагов, а иногда позволяют даже трогать себя или клюют протянутую руку. Но такие птицы очень редки. Столетия преследования сделали большинство наших гаг очень осторожными.

В период насиживания гага почти совсем не принимает пищи, разве что клюет окружающую растительность. Тут-то ей и оказывает помощь большой запас жиров. За время насиживания птица теряет чуть ли не целый килограмм живого веса. После насиживания гага-наседка весит всего 1500—1600 г.

Наконец в конце июня — начале июля, через 24—27 дней после начала насиживания, в яйцах наиболее ранних кладок раздается писк гагачат, скорлупа трескается и в гнезде появляются первые, еще мокрые, птенцы-пуховики.

Вылупившиеся птенцы находятся в гнезде очень недолго. Быстро обсохнув, они уже клюют окружающую растительность и ловят комаров. Через 1—2 суток после вылупления мать уводит выводок от гнезда на открытую воду.

Насиживание начинается лишь при откладке последних яиц, поэтому все птенцы выклевываются почти одновременно. Если какие-нибудь яйца запоздали в развитии, и в то время, когда первые птенцы уже обсохли, а в них ещё не начинается проклевыва-

Гага на гнезде

ние птенцов, это никогда не задерживает гагу. Птица «ориентируется» лишь на первых птенцов, оставляя в гнезде все запоздалые в развитии яйца, а также слабых, не могущих следовать за выводком птенцов.

Маленькие дымчато-бурые пуховики, путаясь в стеблях травы, торопливо следуют за матерью. Иногда гага делает остановку, прикрывает птенцов и дает им обогреться и отдохнуть. В зависимости от местонахождения гнезда, пути выводков различны. Некоторые совершают чуть ли не километровые маршруты между камней и кочек, другие вынуждены бросаться вслед за матерью с высоких, иногда выше 10 м каменных скал, у третьих море под боком, и чтобы спуститься вслед за матерью в кипящий прибой достаточно пройти всего несколько метров от гнезда.

Некоторые выводки, прежде чем спуститься в море, несколько дней проводят на пресноводных водоемах острова. Двухдневным птенцам такой типично выводковой птицы, как гага, не страшна морская волна. Забавно видеть, как выводок пуховиков вслед за матерью возносится на склон водяного вала и вдруг, точно угадывая крушение вспененного гребня, весь разом ныряет, чтобы вскоре появиться на склоне следующего вала.

Огромные морские чайки с хриплым криком носятся над волнами, то и дело снижаясь к выводкам, птенцы ныряют, мать, почти наполовину выпрыгивая из воды, бросается навстречу хищникам. Отставший птенец — лакомая добыча чаек.

Выводки собираются куда-нибудь в тихие бухты, где все камни густо усеяны раковинами литорин. Птенцы без труда их склевывают. Подросшие птенцы начинают охотиться на жирных рачков-бокоплавов и выдирать мидий из каменных трещин.

Выводки отдельных гаг постоянно сбиваются вместе, к ним присоединяются молодые или почему-либо холостые самцы и скоро трудно заметить какие-либо родственные отношения в этих пестрых стаях. Двухмесячные птенцы достигают почти размеров взрослых птиц. В это время мать их бросает, и они переходят к самостоятельному образу жизни.

Основные враги в гнездовой период — это поморники, главным образом короткохвостый, и крупные чайки: бургомистр, морская, серебристая. Эти чайки, особенно бургомистр и морская, (реже серебристая) усиленно преследуют также и гагачьи выводки. На гнезда, а, возможно, и на птенцов нападает также ворон и серая ворона. Для птенцов и взрослых уток опасны: орлан-белохвост, ястреб-тетеревятник, белая сова. Взрослых гаг на пролете бьют крупные сокола — кречет и сапсан.

Из четвероногих хищников особенно страшны для гаг песец, лисица и выдра. Совершенно недопустимо пребывание на гагачьих островах собак и оленей.

Гага в России

По некоторым данным Россия еще в начале XIX столетия занимала на мировом рынке первое место как экспортёр гагачьего пуха. Его собирали на огромной территории: на Шпицбергене, Медвежьем острове, Новой Земле, Вайгаче, Мурмане и Белом море. Однако со временем, в результате различных причин, эти промысловые районы либо были нами утеряны, либо гага в них была настолько истреблена, что потеряла промысловое значение.

За всю известную нам историю гаги на Белом море до 20 века реальная охрана ее была налажена только в монастырских владениях: Соловецкого монастыря в Онежском заливе и Трифоно-Печенгского монастыря на Айновых островах на Западном Мурмане. Все «хозяйство» сводилось, собственно, к проживанию на острове в сторожке двух монахов, которые охраняли гагу от браконьеров и уже после спуска птенцов на воду собирали пух с гнезд. Несмотря на то, что эти гнездовья подвергались частым нападениям промышлявших поблизости рыбаков, количество гнездившихся гаг возросло тут с 50 шт. в 1887 г. до 2060 в 1913 г. На Соловках для повышения численности популяции и одомашнивания проводилась инкубация яиц гаги, давшая положительные результаты. В монастырских владениях было создано прекрасное гагачье хозяйство, где гага практически стала домашней птицей. После исчезновения монастырей ничего подобного в нашей стране не удавалось больше никому. После Октябрьской революции в деле охраны гаги не произошло решительного перелома. В ряде мест эта птица к тому времени считалась чуть ли не истребленной. Только в 1931 г. охота на гагу была запрещена.

На Новой Земле гага оказалась в несколько лучшем положении. Ее сохранилось здесь довольно много и это позволило уже с 1924 г. организовать промысел пуха. Первоначально промысел велся очень неудовлетворительно, но с организацией промысловых артелей и припиской к ним определенных гнездовий положение изменилось к лучшему.

Для охраны и восстановления запасов гаги, изучения ее биологии и возможностей промыслового использования правительство РСФСР в 1938 г. учреждает на восточном Мурмане заповедник «Семь островов». В 1939 г. был организован второй заповедник в Кандалакшской губе Белого моря.

Трехлетняя работа заповедника «Семь островов» показала, что при проведении только одних охранных мероприятий возможен значительный рост поголовья гнездящейся гаги. Так, летом 1938 г. при обследовании островов заповедника насчитали около 600 гнезд, а в 1940 г. число гнезд достигло 1 350 шт. Ежегодно количество наседок увеличивается здесь почти на 60%. Наиболее эффективными результатами этой работы, в частности по восстановлению поголовья гаги, были поставленные впервые в мире опыты по инкубаторному разведению гаги, давшие в конечном счете в 1941 г. 97,0 % выхода птенцов от числа заложенных в инкубатор яиц и снижение смертности молодняка до 3 %. (Успенский В.С. 1946 г.). Приведенные цифры свидетельствуют о том, что восстановление численности гаги, а, следовательно, и промысла пуха при внимательном отношении со стороны человека дело немногих лет.

Гагачьи фермы Исландии

Родиной «гагачьих ферм» является Исландия, где культурное использование гагачьих колоний стоит на весьма большой высоте, и гагачий пух занимает не последнее место в экономике страны, которая на сегодняшний день является основным поставщиком гагачьего пуха на мировой рынок.

Первые попытки правильного использования гагачьих гнездовий относятся здесь чуть ли не к XII—XIII вв. Впоследствии правительство всячески стимулировало промысел пуха. Ряд указов (в 1783, 1787, 1847 и 1913 гг.) предусматривает в той или иной степени запрещение охоты на гагу и устанавливает различные меры наказания браконьеров.

В 1784 г. был издан и специальный указ, предусматривающий премии за лучшее устройство гагачьего хозяйства.

Все это повлекло значительное увеличение количества гаги и, следовательно, увеличения количества добываемого пуха.

Гагачьи хозяйства распространены главным образом в северо-западных округах Исландии, где побережья скалисты, изрезаны и изобилуют мелкими островками. Кроме островков исландцы успешно используют для гнездовья птиц также выступающие в море мысы и другие пригодные места, огораживая их заборами от вторжения наземных хищников. «Для многих усадьб дальнейшее существование без принадлежащих

Кладка яиц гаги

им гнездовий явилось бы прямо-таки вопросом жизни», — пишет исландский автор.

Для привлечения гаг и для создания лучших условий гнездования исландцы устраивают специальные искусственные гнезда. Иногда это просто лотки, окруженные с трех сторон валиками, иногда ниши в торфяных стенках, иногда пещерки, прикрытые сверху дерном или плоской каменной плитой. Для укрытия гнезд сверху на гнездовьях сажают различные кустарники.

Исландские гаги настолько привыкли к человеку, что иногда гнездятся вплотную к человеческому жилью, усматривая в человеке основного защитника от всевозможных хищников, и это, конечно, очень сильно облегчает сбор пуха.

Индустрия гагачьего пуха в Исландии, на сегодняшний день, представлена 350 сборщиками, заготавливающими на территории своих частных хозяйств 2500 кг чистого пуха каждую весну. Сбор пуха в Исландии сократился с 3200 кг в 2002 г. до указанного уровня по природным причинам. В Исландии охота на гаг и сбор яиц для еды запрещены.

Биотехния — основа современного охотничьего хозяйства

Тридцать пять лет назад нам, студентам-охотоведам Кировского СХИ, читала незабываемые лекции по биотехнии Ирина Борисовна Корсакова. В память на всю жизнь врезались её вступительные слова: «Самая главная наука в охотоведении — биотехния. Но есть одна наука главнее её — наука быть Человеком». И, слава Богу, я знаю немало её учеников, прекрасно усвоивших обе эти науки. Всё охотоведение нацелено на создание системы рационального природопользования, подразумевающей, что возобновимые ресурсы, при их грамотной эксплуатации, должны увеличивать свои запасы до естественного предела ёмкости угодий.

Следовательно, при известном трудолюбии и старании можно приручить многих представителей животного и пернатого мира, и гага, благодаря своим качествам, является лучшим кандидатом на одомашнивание.

Суммируя наработанный отечественный опыт и опыт исландских фермеров, можно рекомендовать следующую схему работ для создания гагачьих хозяйств. Местные жители, распределив между собой места гагачьих гнездовий, проводят на своих участках активную биотехнию. До начала гнездового периода, когда соответствующие участки островов освобождаются от снега, начинают устраивать там искусственные гнёзда — различные по сложности сооружения — от простой лунки в открытом грунте, до закрытых от ветра и осадков гнёзд различной (в зависимости от наличия материалов и изобретательности хозяина) конструкции. После того, как основной ледовый покров будет разрушен и наземные хищники потеряют возможность беспрепятственно проникать на мелкие острова, на которых гнездится гага, следует любыми средствами освободить места массовых гнездовий от оставшихся здесь песцов и лисиц. Если этого не сделать, то один хищник способен выдавить за лето всю колонию загнездившихся здесь гаг. С крупными чайками и поморниками воевать сложнее, но также необходимо. Длинные и узкие мысы основного берега можно перегородить забором от проникновения наземных хищников, это послужит дополнительным местом гнездования.

Неделю спустя после начала кладки следует пройти по гнёздам и изъять из них столько яиц, сколько позволяет мощность ваших инкубаторов. Лишившись всех яиц первой кладки, гага тут же делает вторую кладку, и начинает её насиживание. В это время появляться на гнездовьях уже нельзя. Закладывая в инкубаторы следует иметь в виду, что сроки вылупления утят будут разные. На вторые сутки вылупившихся и обсохших утят можно забирать из инкубатора и начинать прикармливать. Место передержки должно быть сухим, чистым и тёплым. О режиме инкубации и кормлении утят есть много справочной литературы.

Передерживая утят, мы преследуем две цели: во-первых, подросшие в неволе утята имеют больше шансов выжить, когда будут выпущены на свободу; во-вторых, у них происходит процесс запечатления — они начинают считать человека, ухаживающего за ними, мамой и в будущем станут относиться к людям с меньшим опасением. Соответственно, гнездиться они станут рядом, и в человеке будут видеть не врага, а защитника. Фермеры Исландии добились этого эффекта, и поддерживают на своих участках максимальную плотность гнездящихся гаг, даже не прибегая к инкубации.

Единственный минус изъятия у гаг первой кладки заключается в том, что утята второй кладки являются более поздними и позже становятся на крыло. Для любой перелётной птицы это большая проблема, но не для гаги. Ей не надо совершать больших перелётов, так как она типично морская утка, и зимует в море там, где есть открытая вода. Таким образом, молодые утята вполне успевают окрепнуть, даже если и вывелись поздновато.

Перед массовым вылуплением птенцов хозяева проходят по своим участкам и собирают из гнёзд пух, заменяя его заранее приготовленным сеном, как это делают исландские фермеры. Причём подкладывают его как под кладку, так и обязательно закрывают её сверху. Если этого не сделать, пернатые хищники, до возвращения гаги на гнездо, могут расклевать всю кладку. При этом надо помнить, что к тем гнёздам, где вместе с яйцами находятся и только что вылупившиеся утята, подходить уже нельзя и тем более забирать оттуда пух. Утята при этом могут сойти с гнезда, и утка последует за ними, бросив оставшиеся яйца на съедение пернатым хищникам. Пух можно будет собрать потом, после схода всех птенцов на воду.

Собирая пух, не следует забывать об учётных работах. Следует сразу записывать количество яиц в каждом гнезде — в результате у вас будет полная картина количества гнездовий на том или ином участке. С каждым новым сезоном будет наглядно видна динамика численности ваших подопечных. А для орнитологов эти данные послужат основой для мониторинга, и избавит их от необходимости варварского вторжения в колонии гнездящихся гаг, когда после учётных работ пернатые хищники долго пируют над «учтёнными» гнёздами, пользуясь тем, что утки согнаны с насиживания, а кладка не закрыта сверху сеном.

Начался массовый спуск на воду вылупившихся утят. Несколько выводков объединяются в одну стайку под присмотром взрослых уток. В это время как раз и нужно выпустить ваших подросших утят. По сравнению с дикими, они будут более крупными и жизнеспособными и легко впишутся в их стайки.

На сегодняшний день во многих местах обитания гаги, местные жители собирают яйца для питания. Причём берут лишь свежеотложенные, не насиженные яйца, оставляя в гнезде те, что уже насижены. Утка при этом гнездо покидает и не возвращается пока люди не покинут участок. Этим вовсю пользуются крупные чайки и поморники, добирая то, что не взяли сборщики яиц. И такое «традиционное природопользование» продолжается регулярно, нанося гагачьим поселениям существенный ущерб. Отсюда и масса очень поздних выводков с одним — двумя утятами. Гагачье хозяйство автоматически решит и эту проблему: хозяин участка предпочтёт положить собранные яйца в инкубатор, а не на сковородку.

Сегодня, когда в результате экономической войны «мирового сообщества» с Россией, большинство оленеводческих, промысловых и рыболовецких хозяйств Крайнего Севера прекратили своё существование, выживание народов Севера, потерявших работу, становится всё более и более проблематичным. На этом фоне возрождение гагачьих хозяйств России, не требующих особых капиталовложений, могло бы сыграть неплохую роль в реализации государственной Программы развития арктической зоны Российской Федерации. К тому же речь идёт не об изъятии невосполнимых углеводородных ресурсов, несущих с собой большие экологические проблемы русской Арктике, а об эксплуатации на высоком научном уровне биологических ресурсов, которая будет способствовать стабильному увеличению как продуктивности угодий, так и улучшению социально-экономиче-ского положения местного населения.

Как я наганивал гончих

В. КАЗАНСКИЙ

Не легко обучать молодых собак, но зато захватывающе интересно следить, как день за днем все полнее раскрываются их охотничьи способности. А нагонка гончих не в пример труднее других собачьих «наук» и, на мой взгляд, еще увлекательнее.

Именно поэтому всех своих гончих наганивал я сам, никому не уступая такого большого удовольствия. По мере того как у меня набирался опыт, порядок воспитания и выучки гончих менялся, но оставалась неизменной главная цель — сделать собак прежде всего вязкими и нестомчивыми. Ведь на такой основе только и процветать мастерству!

Я расскажу о нескольких занятных и поучительных случаях из практики нагонки.

Более сорока лет тому назад я купил гончую. Это был годовалый англо-русский выжлец Напор. Напор быстро свыкся со мной, главным образом благодаря легкому характеру; это был, как говорится, рубаха-парень. Уже через неделю я пошел с ним в лес. Стоял еще непоздний чернотроп.

Немного побегав чуть впереди меня, Напор через каких-нибудь четверть часа побрел шажком у ног. Что это? В лесу не бывал? Или «стесняется» с малознакомым человеком? Или, наконец, полаза вовсе нет? Зайца удалось поднять мне самому, а Напор даже не видел, как тот вскочил. Насаженный на след, он сразу погнал; видно, со зверем действительно был знаком. Выжлец, как полагается начинающему, быстро скалывался, я, конечно, бегал на сколы «помогать», воодушевляя гонца порсканьем. Напор усердствовал, снова находил след, гнал — словом, дело шло на лад.

Заяц налетел на меня и после моего выстрела покатился через голову. Напору было позволено немного потрепать добычу и даны пазанки. Казалось бы, все в порядке, но когда я подвесил беляка за плечи, выжлец опять принялся «чистить мне шпоры». Положение не изменилось и в следующие дни. Зайца кое-как я вытаптывал, Напор гнал, получал пазанки, а искать, «лазить» по лесу и не думал. Брел сзади меня и ждал, чтобы я нашел ему зверя. Куда годится гончая без намека на полаз?

Меня, молодого, горячего охотника, это просто мучило! «Как же быть?» — ломал я голову. И додумался.

Как только в лесу Напор занимал свою бесстыдную «тыловую» позицию и принимался вышагивать за мной по пятам, я делал кружок-вольт, заходя выжлецу «в хвост», и порскал, не щадя своего голоса. Пес удивленно оглядывался, но все же как будто из уважения к моему отчаянному крику некоторое время рысил впереди. Затем он снова норовил зайти «в хвост» мне, но я не дремал и своим вольтом восстанавливал должное положение: Напор оказывался впереди. И вот однажды, очутившись в передовом дозоре, он зачуял беляка, поднял его «на глазок» и гонял до победы. Тут его как будто осенило: он сам стал выдвигаться вперед. Сперва этот успех был неустойчив и прежняя замашка нет-нет да и проявлялась, но я в таких случаях неуклонно делал свой вольт, и постепенно полаз Напора становился все глубже. На следующую осень выжлец отрывался от меня чуть не на километр вперед и это, по правде говоря, было уже через край.

Вряд ли такой «метод» развития полаза универсален, но это, на мой взгляд, хороший пример удачного подхода к собачьему характеру.

Родоначальницей той семьи англо-русских гончих, с членами которой я охотился больше всего и лучше всего, была моя Сорока.

Василий Иванович Казанский

Наганивать Сороку я начал в сентябре, когда ей минуло десять месяцев. Вначале все шло нормально: выжловка научилась находить зайца, гнала, скалывалась, я бегал на сколы «помогать». Развивались у нее зачатки мастерства, становился все лучше и осмысленней полаз, но особенно радовала меня вязкость юной выжловки.

Но тут-то и пришлось мне хлебнуть горя. Как-то в конце октября Сорока побудила беляка уже под вечер. В вечерней тишине и начинавшем уже садиться тумане гон звучал особенно красиво. Я наслаждался им, тем более, что шел он почти без сколов (ведь вечерние зайцы не западают). Опускалась уже предсумеречная мгла, а гон становился все ярче, все азартнее. Я, конечно, забыл о своей усталости и о том, что у слабенькой моей собаки силы должны быть уже на исходе; я весь отдавался радости видеть и слышать такую прекрасную работу своей воспитанницы, я был во власти этого стона и плача, которому, как заворо-

[1] Советы мастера. «Охота и охотничье хозяйство» № 7, 1963 г.

женное, вторило гулкое лесное эхо. Но темнело... Надо было кончать прекрасное занятие. Не сразу удалось мне поймать собаку. Наконец я схватил Сороку на следу, немного успокоил и повел на сворке дорогой. Но, пройдя со мной совсем немного, она легла. Я попробовал тащить — она не поднялась. Отстегнув сворку, я стал удаляться: догоняй, мол! Но Сороке и тут не встала, а лишь грустно глядела мне вслед... Пришлось нести обессилевшую собаку на руках...

История с Сорокой заставила меня призадуматься: нужно добиваться здоровья и ранней натренированности гончих! Выращивая тройку щенков этой самой слабенькой Сороки, я больше всего заботился об этом и, действительно, сделал из них гонцов большой силы, выносливости и вязкости.

На частые проводки, на «культурную» тренировку времени у меня не хватало, и я принял рискованное решение — отлично выкормленных полуторамесячных щенков отвез в глухую деревушку к охотнику и закадычному моему другу Василию Ивановичу. Был заключен устный договор: когда сам Василий Иванович не будет в дальней отлучке, щенки должны быть на полной воле и убираться в загон лишь на ночь. На его огороде мы сделали из тына загон и срубили из бревнышек домушку-конурку.

И вот щенки, вместо того, чтобы залеживаться взаперти (хотя бы и в загоне), росли на воле в постоянном движении и играх. Правда, за гоньбу кур и овец им здорово попадало, но это ведь шло на пользу — предохраняло от скотничества в будущем.

Родились эти мои щенки в марте, а в октябре им было лишь по семи месяцев. Наганивать рано. Отложить до весны? А удастся ли весной урвать время для этого столь нужного и ответственного дела?

Решили осторожно наганивать семимесячных.

В начале октября, сомкнув Гобоя с матерью Сорокой, а Кулика с сестрой Лютней, я повел «стаю» в лес. Щенки к смычкам привыкли еще раньше, а в лесу около деревни тоже уже не раз бегали.

Поэтому лишь спустил я собак со смычков, все они мигом исчезли в кустах.

Порская и подсвистывая выжлятам, шел я и часто видел их мелькание в лесу. Когда Сорока погнала зайца, щенки начали останавливаться, удивленно прислушиваясь к исступленному лаю мамаши — ради чего, мол, она выходит из себя? Я побежал к гону, стараясь громким порсканьем увлечь за собой молодняк. Добежав до заячьего следа, ученики сразу что-то поняли и помчались по следу, как бы вдогонку за матерью. Влекущий запах зверя захватил их. Гнать-то они погнали, но молча! Я перехватил беляка в лощинке. Сорока примчалась к убитому зайцу и, как всегда вежливая у добычи, понюхала и отошла. Налетели щенки и вцепились... Я не дал им рвать зайца и повесил его за плечи. Но почему же щенки гнали молча? Чтобы не переутомить новых дебютантов, я вскоре отвел их домой.

На следующий день повели мы собак в нагонку вместе с Василием Ивановичем.

Спустили гончих со смычков... Не прошло и двадцати минут, как послышался неуверенный гон. Гнала собака тенором с приятной гнусью. Это вовсе не Сорокин голос! Но чей же?

В кустах, подваливая и гону, мелькнула сама Сорока, и вскоре к тенору присоединился ее суховатый альт. Стараясь навести на гонный след остальных двух собачат, я бежал к гону, порская. Вот меня обогнал Кулик, хорошо отличимый от других благодаря чепраку во весь корпус, а вот и Лютня явилась ко мне. Стало ясно: зайца погнал Гобой. Удивительно приятен был этот успех, этот самостоятельный и важный шаг юнца. Любопытно, что его добычливость позже блестяще подтвердилась, оказавшись совершенно исключительной. Лютня, не отходя от моих ног, нервничала, суетилась. В это время за беляком с ревом промчались Сорока и Гобой, а Кулик сопровождал их шагах в тридцати позади... молча!

Неподалеку грянул выстрел и Василий. Иванович крикнул: «Готов!» Гобой и Кулик схватились было из-за зверя, мы, конечно, стали разнимать молодцов... Вдруг Василий Иванович ахнул: «Гляди, Лютня-то!»

Она, оказывается, «не растерялась» и под шумок потащила беляка в кусты. Заяц был, конечно, отобран, пазанки отрезаны и поделены между молодежью (Сорока почему-то пазанки не ела).

Нового зайца подняла Сорока; Гобой подвалил и закипел гон, в котором вела, конечно, мать.

Я стал подставляться под гон вместе с Лютней, и во время скола мне удалось заметить зверя, пересекавшего дорогу. Откуда ни возьмись — Кулик. Он увидел беляка, со всех, ног помчался к кустам, где скрылся зверь, и разразился пронзительным воплем — дискантом, совершенно неожиданным у выжлеца его комплекции. Его догнали мать и брат, и работа дальше пошла в три голоса.

Как ни наводил я Лютню на след, как ни волновал выжловку запах этого следа, она никак не могла оторваться от меня. Чего-то ей для этого окончательного решения не хватало.

Тройка скололась. Я подбежал к месту потери следа, чтобы подбодрить молодых выжлецов. Вдруг, не отстававшая от меня Лютня, полезла в гущу ельничка и завопила! Она подняла запавшего беляка и погнала. Погнала, да каким красивым баритоном!

Вот так три молодые собаки делали свои первые шаги на охоте. Они поняли свое назначение и произошло это быстро, конечно, благодаря участию опытной гончей. Любопытно, что каждый «ученик» как-то по-своему делал какое-то главное для себя «открытие», и каждый по особенному дал впервые голос на гону.

За первыми шагами последовали вторые. Начиналось приобретение мастерства. Успехи-то радовали, а вот кое-что другое смущало; стоило теперь оставить щенков на свободе, как они удирали в лес. Их неудержимо тянула туда пробудившаяся охотничья страсть. Приходилось идти, вылавливать их из леса и тащить домой. Не превращаться же им в самовольцев-дикарей? Да и в загоне их нельзя было удержать. Выжлецы были еще потише, но Лютня! Эта тихоня, робкая подлиза, оказалась невероятной пролазой и непоседой. Она забиралась на яблоню, росшую в загоне, проползала по толстому суку, протянувшемуся до тына, и смелым прыжком перемахивала через ограду. Тогда Гобой и Кулик приходили в неистовство, визжали, грызли и громили тын, проламывали дыру и уходили вместе с сестрой в лес. А вот яблоней пользоваться они не умели.

Оставалось одно: сажать Лютню на цепь в загоне. Это вносило успокоение, но уж очень нехороша мера — цепь!

Уезжая домой в Москву после столь интересно проведенного отпуска, я взял с собой Сороку и там уступил ее товарищу. А Василию Ивановичу дал наказ: побольше охотиться с молодыми гончими, не допускать самовольства!

Проведал я Василия Ивановича зимой, когда снегу подвалило сантиметров на тридцать.

— Ну, как собачки? Где они сейчас? — был мой первый вопрос.

— Целы. Известно, в загоне.

Я туда. А в загоне ни души.

— Василий Иванович, в загоне собак нет.

— Ну так гонять удрали. А утром я их кормил, все в загоне были.

— Или ты Лютню не привязываешь?

— Так она же, зараза, научилась ошейник скидывать. Как хочешь туго сделай — ей нипочем, не душить же!

Вышли мы за деревню, на горку — прислушались. Далеко, далеко катились голоса собак... Я было хотел идти ловить гонцов, но друг отсоветовал.

— Сами придут. Ничего им не доспеется. У нас ни воров, ни волков.

Попили чайку, передохнули... Вот и обед.

Что-то собак долго нет?

— Ишь, какой быстрый. Разве долго с утра до обеда? Уж к ночи, авось...

С горки за деревней гона уже не было слышно... Я пошел искать собак и быстро наткнулся на гонные следы. Немыслимо было распутать этот лабиринт следов и троп и я пошел просто вдаль — наугад. Лесной массив был большой, до ближайшей деревни лесом — километров десять; было, где погонять!

Лишь в сумерках я услышал баритон Лютни, потом далеко в стороне пронзительный дискант Кулика. Гончие разбились и гнали кто где, каждый своего зайца.

Ночью, по колено в снегу, что я мог поделать? Кое-как поймал я только Лютню и совсем ужа ночью пришел с ней домой.

Василий Иванович сквозь сон пробурчал: «Чего расстраиваешься, сказано придет», — и снова захрапел.

Плохо мне спалось, и проснулся я рано. Хозяин носил воду из колодца, а у хозяйки печка уже топилась и самовар закипал.

— Василий Иванович, пришли?

— Покуда нету. Да не страдай. Им не впервой.

Действительно, около десяти часов утра пришел Гобой и стал царапаться в дверь. Я впустил его. А минут через пятнадцать заскулил на крыльце Кулик.

Василий Иванович выпустил выжлецов во двор: «Пусть на свежей соломке отдохнут. Здесь им вольготнее, чем в конуре-то».

После обеда, часа в три, я решил прибрать собак в загон. И без того они были худы, как скелеты, а ну как опять уйдут!

На дворе выжлецов не оказалось, Лютни в загоне тоже не было. Приятель выпустил выжловку, не спросив меня, и снова гончие отправились в лес... Вышел я на горку, послушал... Вон они, голубчики, гоняют!

На этот раз вернулись ночью, потрудившись «только» часов семь.

Когда я рассказывал об этой нестомчивости и страшном упорстве десятимесячных щенков, москвичи-гончатники чуть ли не поднимали меня на смех: «Вот, мол, враль!» Даже такой опытный и знающий охотник, как судья всесоюзной категории Ламанов, и тот только щурился, да почесывал за ухом.

А мои юные трудолюбцы работали в лесу по суткам, не считаясь ни с чьим неверием. «Вольная» система воспитания дала свой результат.

Была у медали и оборотная сторона, и довольно темная.

Привыкнув, благодаря «хладнокровию» Василия Ивановича, гонять по суткам «без руля и ветрил», мои железные гонцы знать не хотели ни наманивания голосом, ни рога. Правда, позднее, охотясь с ними, я добился некоторых признаков дисциплины, но мучений с этими гончими все равно хватало. Сколько раз приходилось мне брести к ночлегу ночью, хоть глаз коли — и без собак! Их ведь ни отозвать, ни сбить со следа было невозможно.

А все-таки эти гончие много радости дали мне. Это были лихие гонцы и мастера с предельной вязкостью. Велико удовольствие — знать на охоте, что гончие будут держать зверя на гону сколько тебе нужно, если не словят его еще до выстрела.

Еще расскажу я об одном из той же тройки. В первую же весну, после начальной нагонки, мне удалось урвать недели две для занятий с выжлятами «по брызгам». Снегу в лесу уже почти не осталась, ходьба была не тяжелая. До подъема зверя мне удалось налюбоваться полазом своих гончих — глубоким, дельным и почти все время на карьере.

Погнал, конечно, Гобой — прославленный добытчик. Лютня живо подвалила, и забурлил гон, не очень-то ровный, зато полный азарта.

Но почему не слышно Кулика?

Добежав до лощины, где надеялся повидаться с гонным беляком, я, прежде всего, увидел здесь этого субъекта, с деловым видом копавшегося на заячьей жировке под музыку недальнего жаркого гона.

Я хотел было взять Кулика, чтобы тащить к однопометникам, но гон быстро приближался... Беляк пересек лощину шагах в сотне от нас. Пронеслись за ним и Гобой с Лютней...

Кулик приостановился, посмотрел на самозабвенно заливавшихся брата и сестру... и вернулся к прерванному занятию, к розыску «своего» зайца! Вот негодяй!

Сперва я буквально опешил, но потом взял Кулика на сворку и забежал с ним на другой лаз. Здесь мне удалось подбросить выжлеца к горячему гону. И он присоединился к родичам. Но продолжалось это лишь до первого серьезного скола.

Когда минут через пятнадцать Лютня выправила ошибку, к ее густому баритону быстро присоединился гнусавый Гобоев тенор. А Кулик опять пропал! Он, оказалось, отправился добирать «своего» зайца, того, от которого был мною оторван.

День за днем я не мог не убедиться, что Кулик — это неисправимый «единоличник», принципиальный «отдира», враг «коллектива». Удивительно, что он вышел таким, хотя рос, жил и наганивался вместе со своими однопометниками.

Много приходилось мне наганивать гончих, еще больше видел я их в чужих руках, и опыт убедил меня в том, что большинство гончих обладает ярко выраженной индивидуальностью. С одной стороны, ею определяются особенности, таланты и недостатки собаки, а с другой — она сплошь да рядом требует от нагонщика умелого подхода к «личности» гончей, а нередко и немалой изобретательности.

Молодые русские пегие гончие перед выходом в лес

Памяти охотоведа Гылыкова Михаила Норбоевича

Б. БАДМАЕВ, старший научный сотрудник Института общей и экспериментальной биологии СО РАН, кандидат биологических наук

Гылыков Михаил Норбоевич родился 27 ноября 1936 года в семье сельского учителя начальных классов в с. Монгой Баунтовского аймака Бурят-Монгольской АССР. Умер 23 мая 2012 г.

После окончания Кижингинской средней школы в 1955 году и службы в армии Михаил в 1958 году поступил в Иркутский сельскохозяйственный институт на факультет охотоведения. С 1963 года, после окончания института, М.Н. Гылыков работал в Бурятии районным охотоведом, старшим охотоведом, главным охотоведом и заместителем начальника Управления охотничье-промыслового хозяйства при Совете Министров Бурятской АССР. В 1973 — 1988 гг. М.Н. Гылыков работал охотоведом отдела промысла и начальником оперативной группы по охране объектов охоты и борьбе с браконьерством Треста коопзверопромхозов Бурятии.

В последний период своей трудовой деятельности Михаил Норбоевич работал ведущим специалистом в Госкомитете Бурятии по экологии и природопользованию.

С раннего детства М.Н. Гылыков начал заниматься охотой, но это было не забавой, а в какой-то мере необходимостью. В суровые послевоенные годы, на которые пришлось детство Миши, многие испытали нужду и недоедание. Он отлавливал с помощью капканов сусликов, добывал белок, зайцев, хорей и колонков. Особенно удачным по охоте был голодный 1947 год, когда Миша отловил весной и летом около 700 сусликов. После сдачи шкурок в районной заготовительной конторе ему выдали 1 пуд ржаной муки, 2 кг подсолнечного масла, 2 пачки прессованного чая, 1 кг сахара-рафинада, несколько метров ткани, 10 капканов и 3 пачки малокалиберных патронов. Михаил Норбоевич признавался позже, что после сдачи шкурок в районном центре приехал домой в родное село как герой. Даже мать не сдержала слез и назвала его кормильцем семьи. В этот голодный год их семье пришлось питаться также мясом сусликов. По итогам конкурса по уничтожению сусликов Миша занял первое место в Бурят-Монгольской АССР среди школьников и получил путевку в пионерский лагерь Артек. Однако из-за отсутствия денег, приличной одежды и обуви, он не смог туда поехать. В 15-летнем возрасте Миша за хорошие результаты в сдаче пушнины государству был награжден нагрудным знаком Народного комиссариата заготовок СССР «Отличник охотничьего промысла».

Намного позже охота стала для М.Н. Гылыкова уже осознанной деятельностью, когда он писал: «Охота — самая сильная страсть, овладевшая мною на всю жизнь». Выбор профессии был основан на этом чувстве, потому что настоящая охота — это большая ответственность, неукоснительное следование ее правилам, забота о сохранении живой природы и сбережении охотничьих ресурсов для последующего воспроизводства.

Михаил Норбоевич Гылыков

За время работы в охотничьей отрасли Бурятии М.Н. Гылыков активно участвовал в укреплении и развитии районных служб госохотнадзора, организации первых охотничьих заказников (Алтачейский, Худакский, Ангирский) и промысловых хозяйств. Одна из статей М.Н. Гылыкова в соавторстве с коллегами в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (1982 г., № 9) была посвящена деятельности Баунтовского коопзверопромхоза. В статье выдвигались проблемы тружеников охотничьего хозяйства и пути их решений. Он принимал участие в охотэкономическом обосновании и описании границ Байкальского госзаповедника, организованного в 1969 г. Во время его работы в Тресте коопзверопромхозов егерская и охотоведческая служба промысловых хозяйств была поставлена на высокий организационный и профессиональный уровень.

Как ведущий специалист Госкомэкологии РБ (1994—1998 гг.) М.Н. Гылыков контролировал охотхозяйственную деятельность госпромхозов и коопзверопромхозов по рациональному и бережному использованию охотничьих ресурсов в соответствии с существующим законом РФ "О животном мире".

М.Н. Гылыков активно использовал трибуну местной республиканской прессы с различными инициативами и предложениями по дальнейшему упорядочению охотничьего промысла согласно природоохранному законодательству, борьбе с хищниками, особенно с волками, приносящими значительный урон охотничьим ресурсам.

Борьбе с волками М.Н. Гылыков уделял особое внимание. Помимо местной прессы он обращался в союзные и федеральные министерства и департаменты с запросами разъяснения возникших проблем по применению ядов в борьбе с волками, материальном стимулировании охоты на этого хищника.

Одним из важных охотничьих ресурсов Бурятии являются сурки — тарбаганы. В конце 1990-х гг. тарбаган был внесен в список видов Красной книги РФ. В связи с этим тарбаган оказался видом, запрещенным для промысла в Бурятии. Однако численность тарбагана в республике не была низкой и позволяла проводить промысел, поэтому многие охотники на сурка выражали недоумение по этому поводу. М.Н. Гылыков активно выступал в местной прессе и региональных научно-практических конференциях, обосновывая необходимость вывода тарбагана из списка видов Красной книги РБ, что и было сделано.

Темы публикаций М.Н. Гылыков на страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство» были очень разнообразны: он писал о редком степном хищнике Бурятии — мануле, своих коллегах — охотоведах, о проблемах охотничьего хозяйства России.

Активная деятельность М.Н. Гылыкова выразилась в награждении его нагрудным знаком «За заслуги» и званием «Почетный член» Бурохотрыболовсоюза, почетными грамотами Госкомитета РБ по экологии и природопользованию, Правительства РБ.

Будучи на пенсии, М.Н. Гылыков принимал участие в выставках охотничьих трофеев с получением наград высшего достоинства (ВДНХ в 1973 и 2002 г.), был председателем совета ветеранов охотничьего хозяйства РБ и инициатором создания книги-справочника охотоведов Бурятии, выступал как охотовед старшего поколения с глубокими знаниями и большим охотничьим опытом перед будущими биологами-охотоведами в Бурятской государственной сельскохозяйственной академии.

Семейная жизнь М.Н. Гылыкова сложилась удачно. Его супруга, ангел-хранитель по его признанию, Надежда Дондоковна окончила Красноярский технологический институт, работала химиком-технологом на Зиминском гидролизном заводе Иркутской области и Улан-Удэнской тонкосуконной фабрике, заслуженный инженер Бурятии. Вдвоем они воспитали двух сыновей Максима и Дмитрия, которые в свободное время ходят на охоту.

Вспоминая его, можно сказать: «Он прожил достойную жизнь, был патриотом своей Родины, настоящим защитником лесов, полей, зверей, птиц и растений,». Умер Михаил Норбоевич Гылыков 23 мая 2012 г.

История охотничьего оружия Ижевска

А. БЛЮМ

В конце 2014 г. (№11) была опубликована первая часть очерка о производстве охотничьего оружия на заводах и в мастерских г. Ижевска. Мы продолжаем эту тему.

С 1950 г. начинается совершенно новый этап в развитии оружейной промышленности г. Ижевска.

Однако вернёмся на год назад. В 1949 г. ИЖМЕХ приступил к выпуску одноствольного ружья модели ЗК. Эта модель не была собственной разработкой ижевлян, её «прислали» из г. Златоуста. Во второй половине 40-х годов Златоустовский машиностроительный завод (ЗМЗ) ориентировали на производство охотничьего оружия, но предложенная номенклатура не охватывала весь ряд общеизвестных типов, а ограничивалась дешёвыми одноствольными ружьями, эксплуатационная направленность которых явно склонялась в промысловую сторону. В этот ряд как нельзя лучше вписалось разработанное златоустовским конструктором В.А. Казанцевым одноствольное внешнекурковое ружьё, которому была присвоена аббревиатура «ЗК» — Златоуст-Казанцев. Практически одновременно его стали выпускать оба завода — и ЗМЗ, и ИЖМЕХ. Давно уже ЗМЗ не участвует в разработке и выпуске охотничьего оружия, но его ЗК и до сих пор, по прошествии почти 70 лет, в разных вариантах выходит из цехов ИЖМЕХа. Что же определило столь долгую жизнь этой модели? Конечно, удивительный по надёжности и простоте запирающий механизм, который, по существу, состоит из двух элементов: нижнего рычага запирания и подствольного крюка с пазом. Сам рычаг качается на внутренней оси, находящейся внутри ствольной коробки (колодке), а его длинное плечо выведено наружу вдоль спусковой скобы и заканчивается упором для указательного пальца, нажатием которого и осуществляется управление рычагом. Короткое плечо рычага заканчивается клином, который входит в паз подствольного крюка, плотно запирая ствол в колодке. Одноствольная конструкция и небольшое расстояние между осью канала ствола и осевым болтом позволяет такой простой запирающей системе противостоять довольно высоким давлениям в патроннике.

Выпуск одностволки ЗК начался в Ижевске в 1949 г. и продолжался до 1955 г. Всего за эти 6 лет было выпущено 754 тысячи таких ружей. Первая модернизация мод. ЗК прошла в 1955 г. Было изменено крепление цевья с кнопочной задвижки на рычажную защёлку, для удобства прицеливания при стрельбе пулей установили на колодке простенький целик. Изменили и название модели, она стала называться ИЖ-К. И выпускали её до 1963 г. — всего более 2 млн. штук. Впервые для этой модели в небольшом количестве изготовляли вкладные стволики кал. 5,6 мм. Вот его характеристики: длина — 180 мм; количество нарезов — 6; шаг нарезов — 437 мм.

В том же 1949 г. было подготовлено к производству двуствольное бескурковое ружьё, которое получило индекс ИЖ-49. Но это была тоже не «своя» разработка. Почти сразу после войны по репарации наше оружейное производство начало получать оборудование оружейных заводов Германии, с которым пришла и техническая документация на некоторые ранее выпускавшиеся в Германии модели охотничьих ружей. И ИЖ-49 было разработано на базе, выбранной для подражания, не очень современной 8 модели фирмы Зауэр. Как утверждает литература и современные владельцы этой модели, ружьё получилось «не очень», что не помешало ему в 1950 г. на московской выставке «Охота и собаководство» получить золотую медаль и диплом I степени.

ИЖ-17

Эта модель выпускалась трёх калибров: 12, больше – 16, и совсем мало 20. Патронники, как у прототипа — 70 мм, длина стволов 700—750 мм, сталь отечественная — 50А. — классический Энсон Диллей с плоскими пружинами и бойком с курком в одной детали. Несмотря на слишком большой вес, неудовлетворительный баланс и грубоватый внешний вид оно сыграло свою положительную роль, дав конструкторскому коллективу завода необходимый опыт в конструировании охотничьих двуствольных ружей, а охотникам надежду на возможность приобретения вполне современного на тот момент двуствольного охотничьего ружья. Хотя производство этой модели на Ижевском механическом заводе продолжалось всего два года (с1950 по 1952 г.) было выпущено около 133 тыс. ружей ИЖ-49.

Анализ недостатков в конструкции и внешнем виде ИЖ-49 позволил разработать свою, на этот раз полностью отечественную модель двуствольного ружья, которому было присвоено название ИЖ-54. Ведущим конструктором этой модели стал Л.И. Пугачёв. Колодка и ударно-спусковой механизм были той же известной конструкции Энсон Диллей, но с усовершенствованием некоторых элементов. Так бойки выполнялись отдельно от курков, они были подпружинены и заключены в хромированные брандтрубки, т. е. упростилась их замена в случае поломки. Ударно-спусковой механизм расположили на отдельном основании, а предохранитель стал запирать не только спусковые крючки, но и шептала, что снижало вероятность случайного выстрела. ИЖ-54 выпускали только 12 калибра, длина стволов сначала была 750 мм, а потом чуть уменьшилась, до 730 мм. Патронник 70 мм. В те годы среди охотников наибольшей популярностью пользовался 16 калибр, тем не менее ружьё ИЖ-54 завоевало большую популярность и при постоянном спросе выпускалось почти 15 лет, до 1969 г. Всего было выпущено более 475 тыс. шт., из них почти 70 тыс. пошло на экспорт. В 1957 г. Л. Пугачёвым было внесено несколько усовершенствований в отдельные конструктивные элементы. Так, болт Гринера был заменён на запирающую планку, а у курков разработан механизм отбоя. Ружьё с этими усовершенствованиями получило название ИЖ-57 и стало выпускаться одновременно с ИЖ-54, но только 16 калибра.

В 1956 г. на базе ИЖ-К инженером-конструктором А.А. Климовым было создано двуствольное пуле-дробовое (комбинированное) ружьё ИЖ-56-1, которое в дальнейшем получило название «Белка». Говорят, что идея создания малокалиберного комбинированного ружья для промысловика принадлежит инженерам-конструкторам А.Я. Зеленкову и В.А. Казанскому, но воплотил её в жизнь А.А. Климов. Запира-

ИЖ-54

ющий механизм этой модели мало чем отличался от такового же у ИЖ-К, но ударно-спусковой сконструирован так, что одним внешним курком и одним спусковым крючком с помощью кнопки переключения и разобщителя он может работать на два ствола. Это ружьё стало первым комбинированным охотничьим ружьём, предназначенным именно для промысловой охоты.

«Белку» последовательно выпускали в 3-х вариантах: ИЖ-56-1, ИЖ-56-2, ИЖ-56-3. Первый вариант, можно сказать, был пробным. Патологическая боязнь руководства страны дать в руки, даже охотнику, хоть какое-нибудь нарезное оружие, хотя оно и было необходимо, привело к созданию Белки-1 (ИЖ-56-1) — модели с некоторыми конструктивными странностями. Как уже было сказано, это двуствольное комбинированное внешнекурковое ружьё, верхний ствол которого был 32 кал. длиной 750 мм, а нижний короткий — 450 мм, под патрон бокового огня (кольцевого воспламенения — LR). Но чтобы не портить внешний вид коротким нижним стволом, его заключили в металлический кожух, равный по длине верхнему стволу. Как и следовало ожидать, этот образец не прижился у промысловиков. Короткий ствол не позволял получать необходимую кучность при стрельбе по малым целям — 3—4 см на 35—40 м, кожух тоже не способствовал точности боя. Видимо, желая уменьшить вибрацию короткого нарезного ствола, кожух сделали толще и жёстко соединили с верхним стволом. Этой слегка модернизированной модели присвоили индекс «2» — «Белка» 2. Однако это помогло мало. Надо ещё отметить, что длина ствольной группы «Белки»-1 и «Белки»-2 была 750 мм, а это создавало заметный дисбаланс, особенно заметный при стрельбе «навскидку». Ещё одно «неудобство» выявилось при эксплуатации опытных партий первых двух «Белок» уже в условиях зимнего таёжного промысла. Относительно небольшой угол между казённой частью стволов и колодкой при открывании ружья затруднял удаление стреляной малокалиберной гильзы из патронника нижнего ствола, а значит, и перезаряжание.

Все перечисленные (и не перечисленные) недочёты конструкции были учтены, и получилась кардинально переработанная модель «Белка»-3, которая по общему признанию оказалась очень хорошим промысловым ружьём. Очень хотелось бы дать ему оценку «лучшее», но нельзя — сравнивать не с чем, оно было и на долгие почти 40 лет (до появления ИЖ-94 Север), не считая единичных экземпляров ИЖ-15, оставалось единственной промысловой «комбинашкой». Что же поменялось в конструкции «Белки»-3 по сравнению с предыдущими моделями? Прежде всего, следует сказать, что были укорочены стволы — с 750 до 650 мм, далее — нарезной ствол кал. 5,6 мм по длине сравняли с дробовым; калибр дробового ствола 28 на всех выпускаемых экземплярах; нарезной ствол переместился наверх, появилось посадочное место для оптического прицела. Как и у первых моделей, стволы соединены двумя муфтами — в казенной части и в дульной. Заметно улучшилась кучность боя нарезного ствола. Всего в общей сложности было выпущено около 100 тысяч «Белок», примерно 30 тыс. «Белка»-1 и 70 тыс. «Белка»-3. Но работа над промысловым ружьём не мешала Ижевскому механическому заводу продолжать работу над совершенствованием старых и разработкой новых моделей гладкоствольных охотничьих ружей.

Продолжался выпуск ружья ИЖ-54, а его автор Л.И. Пугачёв уже плотно оседлал «конструкторского» конька и кроме уже упоминавшегося ИЖ-57 вскоре на производство была поставлена новая модель под индексом ИЖ-58. Конструкция её стала более современной и технологичной — так говорит об этой модели авторский коллектив. Однако за этой фразой скрываются довольно заметные конструктивные новшества. Во-первых, соединение ложи с коробкой стало более простым, но, в то же время, более надёжным. Пластинчатые боевые пружины заменили на спиральные, которые проще в изготовлении, и ещё, стволы в казённой части были соединены с помощью муфт, метод достаточно прогрессивный, упрощающий сведение стволов – сложную технологическую операцию. Ружьё ИЖ-58 изготовлялось до 1971 г. без каких-то особых изменений и за годы производства было выпущено более 624 тыс. экземпляров.

Следует отметить, что появление новых моделей отнюдь не означало прекращение производства предыдущих. ИЖ-58 выпускали одновременно с ИЖ-54 и ИЖ-57. И если ИЖ-54 в основном производилось 12 калибра, то основным калибром для ИЖ-58 был — 16. Хотя известны партии 20 калибра — практически первые представители этого не очень популярного в России «среднего» калибра. В общем, на лицо был хотя и не широкий, но всё же – выбор в этой конструкторской нише.

Одновременно с разработкой и производством двуствольных ружей продолжал совершенствоваться и ряд одностволок. Всего за четыре года от ИЖ-К и ИЖ-КБ (бескурковый вариант практически той же модели) последовательно завод перешёл на выпуск сначала ИЖ-17, а через год — в 1964 г., на модель ИЖ-18, которая выпускается и в настоящее время, отличаясь от своих

ИЖ-56 («Белка»-3)

ИЖ-12

предшественников более привлекательным внешним видом, усовершенствованным запорным механизмом и удобным кнопочным включением предохранителя. Работы по модернизации этих одноствольных моделей были выполнены инженером-конструктором Г.А. Закировым. За период с 1963 по 1970 гг. было произведено более 500 тыс. ружей ИЖ-17, а ИЖ-18 с 1964 до 1982 гг. более 800 тыс.

Постепенно с 50-х гг. на Западе в моду стали входить двуствольные ружья с вертикальным расположением стволов. Такая конструкция имела ряд неоспоримых технологических и эксплуатационных преимуществ перед двустволками со стволами в горизонтальной плоскости. И вот в 1960 г. была поставлена на производство первая ижевская «вертикалка» 12 калибра — ИЖ-59, имевшей звучное дополнительное название «Спутник».

Инженер А.А. Климов к этому ружью применили тот же способ соединения стволов в вертикальной плоскости, который был опробован на конструкциях В.А. Казанцева в Златоусте (пуледробовое ружьё «Олень) и А.Я. Зеленкова и В.А. Казанцева в Ижевске («Белка 1,2,3), т. е. стволы между собой были соединены муфтами. Однако, если на малых калибрах такое соединение себя оправдывало, то крупнокалиберные стволы, да ещё при интенсивной стрельбе, начинали заметно «крестить», что вызывало увеличение числа промахов и дополнительных подранков. На претензии охотников конструкторы отреагировали быстро — «Спутник» выпускали всего два года (1960 — 61) и выпустили всего чуть больше 20 тыс. экземпляров. Муфтовое соединение заменили сплошной пайкой, и ружьё получило новый индекс — ИЖ-12. Вся модернизация ружья ИЖ-59 была проведена А.А. Климовым — конструктором, который по существу стал «отцом» основных моделей ижевских «вертикалок». Серийно эту модель начали выпускать в 1962 г. Что же представляла собой эта первая массовая отечественная «вертикалка». Длина стволов 730—720 мм; основной калибр — 12, но выпускались партии и 16 калибра; масса ружей 12 кал. 3,5— 3,3 кг., 16 кал. — 3,1-3,2 кг. Дульные сужения — чок и получок, каналы и патронники стволов хромированы. Установлены интерсепторы — механизмы, предотвращающие случайный выстрел при срыве курка с боевого взвода, и курки сделаны с отбоем. Несмотря на грубоватые формы ружьё было принято охотниками и с 1962 по 1974 гг. было выпушено более 310 тыс. штук. Кстати, ИЖ-59 стало последним ружьём ИЖМЕХа с индексом, соответствующим году разработки или выпуска. С 1960 г. индексация ружей стала носить номер конструкторской разработки. Следует упомянуть, что в начале семидесятых годов на базе ИЖ-12 было выпущено совсем небольшое количество комбинированных ружей под индексом ИЖ-15 с нижним нарезным стволом под патрон кал. 5,6 мм с высокой начальной скоростью пули и верхним 16 кал. Но о комбинированных и нарезных ружьях ИЖМАШа подробно поговорим позже.

В конце шестидесятых годов, а точнее, в 1969, пошла в производство модель ИЖ-26Е — с эжекторным механизмом, разработанным конструкторами Г.А. Закировым и Н.Л. Изметинским. Она позиционировалась как модернизированный аналог ИЖ-54. Хотя, по мнению авторов энциклопедии «Охотничье оружие» (2005 г., автор-составитель и научный руководитель Ю.В. Шокорев), это была самостоятельная модель, т. к. ввести в общую конструкцию ружья эжекторный механизм без серьёзных изменений в конструкции цевья, шарнира стволов, взводящего механизма было нельзя, и эти изменения были внесены. Что касается модернизации ИЖ-54, то действительно его модернизированным вариантом, наверное, можно считать ИЖ-26 — безэжекторный образец. Модернизация коснулась механизма запирания — вместо болта Гринера была установлена верхняя запорная планка, которая управлялась тоже верхним ключом. Стволы у этой модели в отличие от ИЖ-54 в казённой части были посажены в муфту, а далее соединялись пайкой межствольными планками. Установлен автоматический предохранитель. Ещё одна существенная деталь — каналы стволов были уменьшены с 18,5 до 18,2 мм.

Слово «модернизация» предполагает улучшение конструкции, повышение удобства эксплуатации, улучшение эргономики модели. Всё это указывалось как причина замены производства ИЖ-54 на ИЖ-26. Но, странная вещь, несмотря на появление двуствольных моделей, каждая из которых после ИЖ-54 несла в себе элементы модернизации, до сих пор эталоном надёжности, предметом гордости владельца и, в то же время, предметом зависти многих понимающих охотников является ИЖ-54. А что ИЖ-26 — его выпуск продолжался с 1970 по 1975 гг. и было всего изготовлено около 135 тыс. шт., но большой популярности у охотников оно так и не получило.

После окончания производства ИЖ-26 в 1975 г. конструкторы горизонтальных двустволок полностью переключились на модель ИЖ-58. Однако задолго до 1975 года в 1971 г. была проведена первая модернизация этой модели, она касалась, прежде всего, улучшения внешнего вида ружья, больше стали выпускать ружей 12 калибра. В результате к своему индексу ружьё получило приставку в виде буквы «М», а затем и «А», что указывало на наличие автоматического предохранителя.

ИЖ-58

В семидесятые годы под руководством А.А. Климова продолжались работы над совершенствованием ружей с вертикально спаренными стволами, собственно над единственной на ИЖМЕХе моделью ИЖ-12, что привело к созданию двух новых моделей — ИЖ-27 и ИЖ-27Е. Производство ИЖ-27 началось в 1973 г., а ИЖ-27Е на три года позже — в 1976 г. Пожалуй, можно утверждать, что эти модели стали самыми востребованными из всего ижмашевского производства охотничьих ружей. Всего с начала производства и по настоящее время изготовлено значительно больше миллиона экземпляров.

Хотя в данной статье мы не рассматриваем спортивную составляющую оружейного производства ИЖМЕХа, нельзя не отметить, что параллельно с охотничьими моделями разрабатывались их варианты для стрелкового спорта. Так, на базе ИЖ-26 была создана спортивная ИЖ-25, а на базе ИЖ-27 — ИЖ-27Е-1С.

В восьмидесятые годы мелкой модернизации подверглась одноствольная модель ИЖ-18М и ИЖ-18ЕМ. А в 1984 г. под руководством конструктора А.Н. Калинина были разработаны и в 1986 г. поставлены на производство охотничьи двуствольные ружья ИЖ-43 и ИЖ-43Е, базовой моделью для которых послужила мод. ИЖ-58МА. Изначально конструктивной особенностью этих моделей был оригинальный спусковой механизм, он разрешал для стрельбы пользоваться одним спусковым крючком, последовательное нажатие на который позволяло делать выстрелы из обоих стволов. Правда, по производственным причинам от этой системы вскоре отказались и перешли к традиционному варианту — каждый спусковой крючок на свой ствол.

В связи с социальными и экономическими изменениями, которые произошли в нашей стране, поменялось и отношение к производству охотничьего оружия. Многие направления были закрыты импортом. Появилась относительная свобода в приобретении нарезного охотничьего оружия, ниша которого в нашем отечественном производстве была практически пуста. О моделях, которые предлагает ИЖМЕХ в настоящее время, будут следующие публикации.

НА ВОЛОСКЕ ОТ СМЕРТИ

Айрат ХАСИМОВ

Была лицензия на взрослого кабана. Мы с другом договорились встретиться у меня в деревне в назначенный день. Но вышло так, что я на один день приехал раньше и, естественно, не смог сидеть дома, решил до его приезда поохотиться на зайцев и лисиц.

Утром была безветренная морозная погода. Настроение отличное, душа поет, и лыжи мои как будто едут сами. Я даже не заметил, как прошел два километра, потом решил пойти по другому маршруту, через замерзшее болото, кустарники и повернул в сторону деревни. На плече двустволка ИЖ-58 шестнадцатого калибра.

Вдруг на краю болота, в камышах, пар выходит из-под снега. Поехал было дальше, но потом думаю, какой пар может быть зимой на болоте? Развернулся и решил посмотреть то место. Вдруг снег с болотной жижей, грязью поднимается вверх и вылезает оттуда огромный секач. Я машинально посмотрел на деревья, они казались в этот момент маленькими березками. И решил все же стрелять, хоть ружье было заряжено дробовыми патронами. Прицелился под лопатку, а попал в переднюю ногу. Кабан захромал и резко повернул в горы.

Мне ничего не оставалось, как вернуться домой за пулевыми патронами. Хотел брата позвать на помощь, а он, оказывается, уехал в районный центр по делам. Уже вечерело. Надо торопиться. По пять патронов, картечи, пули, патронташ и в путь.

Пришлось срезать путь. Ориентировочно взял направление в сторону леса и не ошибся. Кабан шел в лес, спотыкаясь, оставляя за собой кровавый след. Шел по его следу до леса, потом по краю леса, а он в лес не стал заходить, так как снег слишком был глубоким для подранка. Потом след круто поворачивает направо, в поле, там стояли три березы. Я приготовился стрелять, думал, что он там лежит.

Зимний вечер быстро делал свое дело, сумерки сгущались, видимость стала ограниченной, а еще началась поземка. Под березами была лужа крови, он лежал там и наблюдал за мной, увидев меня, покинул место лежки. Я заметил его за триста метров в поле, удаляющегося от леса. Преследование продолжалось. Через пятьсот метров я настиг его, не доходя метров сорок—пятьдесят, стреляю дуплетом, картечью. Он как шел, так и шел, даже ход не сбавил. Я перезарядил и опять за ним, догнал и выстрелил. Результат-ноль, настигаю, стреляю, стреляю и так четыре раза. Остались две последние пули. Промелькнула мысль: может он заколдованный.

Вдруг он разворачивается и идет на меня. Я поднимаю ружье, но вижу, что выстрел не остановит его. Долго не думая, быстро снимаю лыжи, втыкаю в снег, как заградительный забор, чуть сместился влево и жду, чтоб он кинулся на меня. Стрелять не мог, во-первых, он идет прямо на меня, во-вторых, пуля могла срикошетить.

Я в такие ситуации никогда не попадал, думал, лишь бы не растеряться, не потерять сознание. А он идет на меня весь в крови и пене и без передней ноги. Картина, конечно, не для слабонервных. Держу на мушке и думаю: как он прыгнет на меня, упаду назад, а когда он проскочит мимо я стреляю дуплетом в бок. Но не тут-то было дело: он останавливается и смотрит на меня. Я не выдержал и кричу ему: «Ну, давай!» Жду броска. Он не шевелится. Кричу еще раз: «Ну!» Почему-то несколько секунд мне показались вечными. Еще раз посмотрел ему в глаза, а там: «Все, парень, тебе кранты, сам напросился!» Жду рывка...

Вместо того, чтоб напасть, он резко начал поворачиваться назад, я успеваю выстрелить. Он, как медведь, сильно зарычал и с грохотом упал на бок. Быстро подбегаю, стреляю в ухо. Точка.

Поднимаю голову, смотрю по сторонам, ветер утих, такая же темень, бескрайнее поле, звезды уже мерцают. С меня холодный пот градом, легкая дрожь в коленях. Стою и думаю: «Жизнь прекрасна!»

Распотрошил тушу, положил две пустые гильзы на него, чтоб лисы и волки не растащили. Пошел в деревню за повозкой, на полдороге встретил брата. В деревне запрягли лошадь. Благополучно доехали до того места. Кабан был очень большой, около 200—250 кг. Кое-как загрузили на сани, фуфайкой накрыли голову лошади, чтоб не видела кабана. Еле успели сесть в сани, лошадь как рванет во все мощи, аж ветер засвистел в ушах. За вожжи тянем — не остановить, впереди спуск, крутая гора метров 800—900. Мы переглянулись — ситуация необычная и не спрыгнешь. Все попытки остановить лошадь были тщетны. Нам только оставалось покрепче держаться и уповать на Бога.

Не едем, а летим. Впереди, в самом низу, резкий поворот в деревню. Мы вдвоем тянем за вожжи. Так и въехали в поворот. Я закрыл глаза и думаю: «Нам кирдык!», но Всевышний нас спас.

На повороте сани пошли юзом, боком и проскочили; правда, чуть трофей не потеряли. На большой скорости заезжаем в деревню, ворота дома открыты, мы думаем, что лошадь все же остановится во дворе, но она остановилась только внутри сарая.

Когда подвешивали кабана за задние ноги, они уперлись в потолок сарая, а голова лежала на полу, так и освежевали тушу. Подкожный жир составлял около 3—4 см. Все закончили и пошли пить чай. Сидим за столом, пьем чай и тут как начали у меня трястись колени. Отец посмотрел на меня и говорит: «Эх, сынок, судьбу испытываешь, со смертью играешь!» И еще какие-то слова, типа: «Нет же нужды, ведь не голодные». Я сижу и думаю: «Что он понимает?» Ведь охотника только охотник может понять. Надеюсь, и вы согласны.

Николай СТАРЧЕНКО

Известный писатель, журналист, издатель Николай Николаевич Старченко отмечает в начале нынешней весны знаменательную дату — 50 лет со дня литературного дебюта.

11 марта 1967 года ученик 8 класса Коля Старченко, в свои неполные 15 лет, как говорится, проснулся знаменитым на всю округу — в суражской районной газете «Восход» Брянской области был опубликован его первый рассказ «Кузя» — о партизане и охотнике. Вскоре появились в печати и другие небольшие рассказы — «Дороги», «Санька», «Три выстрела»... Такой успешный ранний дебют определил всю дальнейшую жизнь. Сельский паренёк сразу после школы смог поступить на факультет журналистики Ленинградского государственного университета, после окончания которого работал в газете «Орловская правда», потом главным редактором областной газеты «Орловский комсомолец» — с этой должности в 1981-м, в 29 лет, был переведён в Москву, где продолжил свой журналистский и писательский путь.

Н.Н. Старченко на охоте

Работал ответственным секретарём журнала Союза писателей СССР и ЦК ВЛКСМ «Литературная учёба», главным редактором всесоюзного журнала «Юный натуралист», в 1993 году основал первый в России детский журнал о природе для семейного чтения «Муравейник», а в 1999-м литературно-художественный ежегодник «Охотничий сборник».

Вышли в свет книги повестей и рассказов — «Сутоки», «Черёмуховые холода», «Будет день», «Монолог в апреле», «Косогор», «Небесная подкова» (тираж этой книги в 1988 году составил 100 000 экземпляров), «Якорь в поле», «Закрайки», сами названия которых говорят о любви к родной земле и её людям. Недавно появились «Избранные произведения в 2-х томах», книга публицистики «Тень белого дерева».

Член Союза писателей СССР и России, кандидат филологических наук, член-корреспондент Академии российской словесности, лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии имени

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОСХОД

Орган Суражского районного комитета КПСС и районного Совета депутатов трудящихся Брянской области.

№ 30(3878) | Суббота, 11 марта 1967 года. | Год издания 32-й. Цена 2 коп.

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Николай Старченко — ученик 8 класса Жестковской школы. Он очень любит литературу. Увлекается охотой и рыбалкой. Нередко случаи, происшедшие с ним, встречи с людьми и служат сюжетом для его рассказов, многие из которых горячо обсуждаются в семье. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей один из рассказов Коли.

Н. СТАРЧЕНКО

КУЗЯ

Из рассказов окружающих я давно знал о Кузьме Ильиче. Этого лесника и охотника, несмотря на его преклонный возраст, звали почему-то Кузей.

...на наш будет.

Пройдя еще немного, останавливаемся, сооружаем шалаш, затем другой. Темнеет. Ночь черной тенью ложится на вершины ели.

— Теперь к лесу, на бугор, — заторопил Кузя, — сушняка там много, разложим костер.

Мы принялись заготавливать и мы условились с ним встретиться завтра вечером в лесу. На следующий день оружие было у партизан. Просился я к ним, да не было у них связного в деревне. Стал я все сведения о немцах передавать партизанам.

Кузя приподнялся, подложил под бок хвои, набил табаком свою неизменную глиняную трубку и, сладко затянувшись, выпустил изо рта дымные кольца.

— И не пришлось вам быть в партизанском отряде? — спросил я.

— Как же, был, — попыхивая трубкой, продолжал Кузя. — В апреле 1942-го фашисты лютова-

Н.М. Карамзина «За Отечествоведение». Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почётный работник лесного хозяйства (за издательскую деятельность по защите русского леса), приказом Министра природных ресурсов и экологии в 2013 году награждён знаком «Отличник охотничьего хозяйства». Из общественных наград выделим звание Почётного члена «Росохотрыболовсоюза», медаль и премию имени С.Т. Аксакова за вклад в просветительскую деятельность по охотничье-рыболовной тематике.

В многоплановом творчестве Н.Н. Старченко охотничья тема — одна из главных на всём протяжении этих пятидесяти лет. Наши постоянные читатели наверняка запомнили его яркие и познавательные литературно-художественные очерки о тех местах, где охотились классики русской литературы И. Тургенев, Н. Некрасов, И. Бунин, А. Куприн, М. Шолохов, И. Соколов-Микитов, Н. Зворыкин, В. Бианки, Ю. Казаков... Здесь было немало уникальных открытий, это было новое слово в литературном краеведении, подкреплённое реальной подвижнической практикой — установкой мемориальных досок и памятных знаков, а то и учреждением музеев — как это было, например, с родным домом Соколова-Микитова, бывшим долгие десятилетия затерянным в смоленской глубинке.

А сегодня мы предлагаем вниманию читателей свежие страницы из постоянно пополняемой книги охотничьих рассказов «Закрайки».

Закрайки

Подарок от Полярной звезды

Обычно я бываю на родине два раза в году — в апреле и в конце августа, но тут так получилось, что второй приезд пришёлся на середину октября. Ещё в дороге, на Рославльском шоссе, любуясь золотыми и багряными перелесками, радовался: вовремя еду!

Прибыл на место, к давнему другу, во второй половине дня. Назавтра намечена большая охота с гончими на зайца, а сегодня вечерком тоже нельзя пропускать — попробуем постоять зорьку на уток. В малых речках и озеринках их в такую пору уже почти не осталось, подались перед отлётом на юг на большую воду, так что если только на Ипути побывать, за Крутояром. Так и сделали.

После полугодового перерыва жадно на всё смотрю. Закат, который всегда ценю, которым дорожу, находясь в деревне, почти не виден, прорвалась лишь узкая багровая полоска, да и ту скоро затянуло наволочью туч.

Закат не по своей воле закрылся, но зато небольшим кружком открылся юго-восток — сверху в мутной пелене показался размытый, зыбкий лунный свет. А потом обозначился и нижний край ночного светила — как будто луна сама сдвинула себя на небе пониже, чтоб одним глазком, но всё же глянуть для порядка на землю, на реку...

И вода в Ипути даже от этого, урезанного лунного света перестала быть чёрно-стальной и незаметной — сразу ожила, заиграли отраженья прибрежных вётл, обозначилось широкое и плавное течение, безмятежное, отрешенно-величавое.

Но почему же нет уток, и ни один вальдшнеп до сих пор не перелетел поперёк реки на кормёжку, как это обычно бывало? Осторожно, бесшумно перехожу по песчаному пологому спуску к самому урезу воды — совсем стемнело, теперь я и тут не заметен.

Тишина полная. Нигде не шелохнёт, не всплеснёт... И вдруг шумная посадка кряквы под берег, под лозовые кусты, что в полуторастах метрах от меня. Я её, конечно, не вижу, но мне не примерещилось: вон как стала звучно крякать! Я весь наизготовке, смотрю в ту сторону и замечаю невольно, что высоко-высоко над крякающей уткой начинает открываться среди туч почти прямоугольная чистинка, на которой я быстро угадываю светло-серебряную Полярную звезду и часть Малой Медведицы.

Да мы ведь оказались на одной линии! Безымянная кряква, известная всем звезда, особо любимая моряками, рыбаками, охотниками и прочим путешествующим людом, и я, грешный, который должен-должен замкнуть эту линию! Я почти молитвенно устремляю свой взгляд на Полярную звезду.

И утка взлетела, чтобы поискать своих на реке, чтоб не ночевать в одиночку, неспешно разгоняясь прямо на меня. Я не дал ей и на мгновенье закрыть собой звезду. Раскатисто ударил выстрел — и осенняя тяжёлая кряква плотно упала на гладкий речной песок у моих ног.

Напоказ не получается

Первый раз это было на Рязанщине, в Спас-Клепиковском районе, где, как мне сказали, очень хорошая тяга. Рядом и напротив меня стояли два фотонатуралиста и наш проводник, местный лесник. Это была творческая задача — запечатлеть вальдшнепа на тяге, но один из натуралистов поделился со мной и своей заветной целью: заснять именно те несколько секунд, когда вальдшнеп падает после удачного выстрела.

Всего один вальдшнеп в тот холодный, с северным ветерком вечер протянул над нами. И я по нему промахнулся. И не придал этому особого значения.

Следующий раз народу собралось поменьше — я, фотокор и егерь. Фотокор был не простой, а сам Василий Песков. Признаться, я рассказал своему старшему другу, что один из знакомых фотонатуралистов гоняется за таким редким кадром. И Василий Михайлович решил опередить молодого коллегу!

Было это в костромском глухом углу, за Кологривом. Вальдшнепы отлично тянули над бывшей узкоколейкой (рельсы уже были разобраны), а одно место вообще оказалось необыкновенно удобным — к узкоколейке под прямым углом примыкала старая лесная дорога с просторной поляной. Я встал на узкоколейке, Василий Михайлович рядом, а егерь — на краю поляны.

Песков при моём негромком: «Летит в штык» прицелился фотообъективом, но я промахнулся из очень выгодного положения. А нетронутый вальдшнеп свернул на поляну, и его точно сбил егерь. Василий Михайлович сразу же к егерю. И я остался один.

Тут на егеря налетел в меру вальдшнеп — а тот при стоящем рядом Пескове промахнулся. Через минуту и на меня подвернул долгоносик, и я легко взял его. Вижу, дорогой мой Василий Михайлович теперь опрометью бежит ко мне от егеря. Запыхавшись, остановился рядом, закрутил головой в своей знаменитой кепке: откуда новый налетит?

Новый лесной кулик не заставил себя ждать. И опять я, непонятно почему, позорно промазал. Налетел у нас на виду ещё один вальдшнеп и на егеря, который мастерским дуплетом сбил его. Песков снова, оставив меня, кинулся к егерю. И егерь тут же промах-

нулся! А я, наоборот, отличился. Песков — опять бегом ко мне...

Замечательная была тяга! Бедный Василий Михайлович в свои тогдашние семьдесят четыре года совсем упарился, бегая через большую поляну то к одному, то к другому стрелку, но нужного кадра так и не сделал...

В другую весну взял я с собой на родину своего уже взрослого сына Алёшу. А сын прихватил кинокамеру. В хорошо знакомом, пристрелянном, месте в Езоповщине встали. Вдруг сын присел на пенёк — в сапоге носок замялся. И надо же, в этот самый миг появился тянущий прямо на нас вальдшнеп. Ещё совсем светло было, только солнце село, я не ожидал такого раннего начала тяги, но всё же не был застигнут врасплох. И как же кинематографически-выразительно он падал, цепляясь за голые ветви высокой берёзы!.. Как говорится, лучше не надо для съёмки! Но сын, занявшийся некстати переобуванием, этот момент пропустил... А дальше — как отрезало. Сбоку от нас ещё протянули два кулика уже в сумерках, но вне выстрела и вне съёмки.

На следующий вечер мы поехали на любимые Пасеки. И снова у меня промахи! Но сама тяга всё же была засята хорошо — и мы показали её дома: и закат пламенел, и даже журавли с радостным курликаньем по этому закату красиво протянули, и сами вальдшнепы близко налетали, шарахаясь от моих выстрелов, и один из них вроде как бы и свалился, выходя из фокуса кинокамеры, растворяясь в наступающих сумерках, и на возглас жены: «Сбил?», я принуждён был согласно кивнуть головой...

Прошло пару лет, пришла ещё весна — её мы встретили с женой в деревне. Встали на тягу на Пожнях, недалеко от истока моей родной речки Осинки. Вот-вот захоркают и зацискают над опушкой зарастающей луговины вальдшнепы. Выбрал я место у кустистой вербы, где обычно самый пролёт куликов, сразу с трёх направлений. Правда, верба теперь высоковата, подросла за два года, мешает мне смотреть вкруговую, поэтому прошу жену зайти с противоположной стороны куста — и в случае чего мне подсказывать.

И за полминуты до того, как появиться вальдшнепу, зазвонил мобильный телефон жены. Я понял, что это наша дочь Мария, тут же обернулся: «Скажи, что отзвонимся попозже». Но маме, известное дело, жалко прерывать разговор с дочерью: «Я совсем немного...» А уже слышу непередаваемо волнующий голос вальдшнепа! Но не вижу его, значит, со стороны жены идёт, и уже близко! И вдруг в голове моей мелькает стремительно: «Вот сейчас как ударю! А дочь услышит в Москве выстрел по мобильнику, спросит у мамы: «Что там?» — а мама-то и ответит восхищённо: «Это же папа вальдшнепа добыл!»

Но пока я всё ещё не вижу птицу! Наконец, моя Татьяна Викторовна, не прерывая телефонного разговора, возглашает: «Справа!» Но оказалось, что её «справа» — это для меня «слева», ведь стоим мы спинами друг к другу. Потеряны драгоценные секунды, и, боясь сделать подранка, я отпускаю уже далековато отлетевшего вальдшнепа.

Вот такая она, охота напоказ! Не любит она этого...

«Теперь ловить глухаря поедешь?..»

Так спросил мой пятилетний внук Николушка. Мы сидели на Пасху за семейным столом, только что вернувшись с женой из моей родной Осинки, в окрестностях которой удалось добыть за пять дней семь вальдшнепов, и дружно угощались дичью. При этом я рассказал, как один из вальдшнепов упал прямо в быстрый талый ручей, его понесло в реку, и мне пришлось суматошно ловить его, чуть не ухнув по пояс в студёную воду.

Вот тут Николушка и спросил: «Теперь ловить глухаря поедешь?» Все засмеялись, а я пояснил внуку, как охочусь с ружьём на току и подтвердил, что послезавтра поеду за триста километров от Москвы за глухарём.

Место это было мне давно знакомым. Но с каждой весной оно изменялось, к сожалению, в худшую сторону. Вокруг тока — незавидных болотистых сосен — всё больше появлялось вырубок, захламленность леса просто чудовищная. И пришлось мне подходить к глухарю кружно, путано, то петлёй, то крюком, через павшие от короедов ёлки прыгать, рискуя подшуметь, но всё же вышел под самого петуха благополучно.

Но как же волнуешься! Вот добрался через завалы, прорвался почти случайно на относительно чистый пригорок, где и сосны повыше, и под ногами посуше и почище, а так боюсь теперь не обнаружить ещё затемно, токующего глухаря! А ведь уже столько лет на них охочусь!

Ощущение, что немного прошёл я его. Потихоньку возвращаюсь назад, естественно, под «точенье». Ещё раз убеждаюсь, что когда ты вблизи, то больше помогает определить местоположение певца его «чоканье», а не «точенье». Кажется, на вершине вот этой высокой сосны. Да-да, вон продолговатое крупное тёмное пятно, вон трясётся длинная шея...

Чуть спешу с прицеливанием, чувствую, что мушка в последний миг чуть ушла вправо, но уже нажимаю на спуск... Гром выстрела, песня прервана, секундное замешательство наверху и характерное — как куль валится падение огромной птицы... Но сразу вижу, что глухарь не бит чисто — упав на землю, пытается убежать, мне приходится его ловить. И мгновенно вспоминаю слова внука: «Ловить глухаря поедешь?»

Как говорится, устами младенца...

Брянская история с африканцем

От многих авторов журнала «Муравейник», страстных любителей природы из разных концов страны, часто получал и получаю приглашения побывать у них в гостях. Как правило, это охотники. Как тут откажешься?

Другое дело — мой земляк Игорь Петрович Шпиленок, немало лет возглавлявший заповедник «Брянский лес». В его приглашение я попытался внести уточнение: а нельзя ли — разумеется, вне пределов заповедника — постоять, например, на вальдшнепиной тяге? Но по выражению его лица (он как раз ночевал у нас в Москве) я сразу понял, что зря затеял такой разговор: Шпиленок не жалует нашего брата-охотника и не хочет быть не то что участником, но даже и свидетелем охоты, укоризненно говоря: «Бедные птички так долго летели до родных мест, а здесь их неожиданный мороз прихватил, почва снова замёрзла, несколько дней голодали, а когда немного отпустило, тут как тут уже и охотнички с ружьями...»

Так что в ту весну я проехал мимо заповедника — на другой край Брян-

ской области, в свою Осинку. А вот в пору золотой осени навестил-таки безружейного Игоря Петровича. Надо сказать, не пожалел, увидел немало всяких диких животных — особенно впечатлил олень «на реву». Проплыли по лесной речке Неруссе, побывали на очень живописном кордоне, где жили его приветливые родители. Туда, к слову, вслед за мной собирался прибыть покровитель Всемирного фонда дикой природы, сам принц Филипп, герцог Эдинбургский, муж английской королевы, но потом, правда, почему-то передумал, что-то ему помешало. И много услышал я от Шпиленка занимательных историй. Вот одна из них.

По научному обмену Игоря Петровича направили в Южно-Африканскую Республику, в один из заповедников. И вот какой у него состоялся разговор с тамошним коллегой, который сильно удивился одному факту:

— Как, у вас нет павианов?

— Совсем нет.

Безграничное изумление: как же так? Этого не может быть!

— А как называется ваша страна?

— Россия.

Мучительно морщит лоб африканец. Потом спрашивает:

— А кто у вас президент?

— Ельцин.

Тут африканец прямо весь перегибается от продолжительного, заливистого смеха, а когда выпрямляется, то иронично щёлкает пальцем по кадыку:

— Алкоголь, алкоголь!

И вот с таким знанием России этот самый сотрудник из ЮАР приезжает ответно в заповедник «Брянский лес», в глухую деревню Чухраи.

В первый же день они вместе со Шпиленком идут в рейд — ловить браконьеров. Рейд, при большой опытности Игоря Петровича, был удачным: вскоре задержали неказистого мужичка из соседней деревни, любителя незаконной рыбной ловли.

Шпиленок изъял у него браконьерскую сеть, стал составлять протокол — и вдруг видит, что его африканский гость побледнел.

Как это негр может побледнеть? — перебиваю я рассказчика.

— А вот побледнел! Ну, или посерел... Но очень заметно!

Закончил составлять протокол директор заповедника, отпустил домой давно знакомого земляка, а гость из Африки выдыхает с облегчением:

— Ох, как хорошо, что вы его отпустили!

— А что такое?

— Да я очень не люблю, когда при мне браконьеров убивают.

Да-а.. В ЮАР их в самом деле убивают. Особенно тех, кто гоняется за слоновой костью — охранники заповедников и национальных парков сразу открывают огонь из автоматов.

Пообжился африканский эколог, многое — почти всё! — ему было интересно в нашей жизни. От Шпиленка не отставал ни на шаг. К тому же в самую силу вступала среднерусская весна — половодье, первоцветы, неумолкающие песни птиц, тетеревиные и глухариные тока, пролёт диких гусей и уток...

А когда берёзы стали одеваться в нежные клейкие листочки, пришла Радоница — день поминовения усопших. Нечего и говорить, как привлекло внимание всех собравшихся с ближней и дальней округи неожиданное появление на кладбище в Чухраях живого посланца Африки! Это не по телевизору негра показывают, а вот он, рядом, можно дотронуться рукой...

И с каким же нескрываемым интересом и восхищением смотрел гость на застеленные по могильным холмикам красочно вышитые в молодости вот этими ещё крепкими старушками, а также их матерями и бабушками, домотканые скатерти, на льняные — и тоже вышитые — рушники на крестах! А как все люди празднично одеты, при встрече друг с другом троекратно целуются, дети ласково катают по могилкам крашеные красные и синие яйца, а потом вместе со взрослыми играют ими «навбитки» у края кладбища, у большого костра...

А когда выставили на скатерти самую вкусную снедь и хорошие напитки, и сели неспешно обедать, добрым словом поминая умерших, не забытых своими родными, тут африканец вовсе расчувствовался, и после второй чарки местной отборной самогонки сказал Игорю Петровичу:

— Как мне нравится такой ваш обычай! Какая вообще чудесная ваша страна! Какие вы, русские, необыкновенные!..

А после четвёртой пузатенькой чарки добавил с проступившими слезами на глазах:

— Я поживу дома в Африке, сколько смогу, а когда начну умирать, то попрошу, чтобы привезли сюда, в Чухраи. Очень хочу, чтобы на мою могилу приходили люди. Чтобы вот так сидели, выпивали и разговаривали.

Позавидуем рябчику?..

Шёл через Собниково поле. Справа от дороги почти прямоугольный белый лоскут, где дотаивает снег. День сегодня был очень тёплый — и сейчас, на закате солнца, тут поднимается пар.

Этот затишной уголок поля я хорошо знаю с раннего детства. И у меня сейчас появляется вполне детское желание — подойти и встать в самую середину этого легко колышущегося, сизоватого пара. Ах, до чего волнующ весенний запах родной земли!

Но не один я наслаждался паром на закрайке лесного поля. С характерным громком взлетели два рябчика, и один из них уселся прямо на виду, на сучке берёзы. На шее хорошо заметно чёрное пятно — самец. Но стрелять его в эту пору нельзя, вот осенью — другое дело, тогда можно будет рябчиков найти примерно здесь же.

И мне вспомнилось когда-то вычитанное, что рябчики живут на своём участке оседло, их кольцевание показало, что молодняк в первый год держится в пределах пятисот метров от места рождения, а потом во взрослой жизни — не далее пяти километров.

Меня очень «зацепили» сейчас эти пять километров! Ведь я стою рядом со своей самой родной и любимой с малых лет лесной дорогой между Осинкой и Комаровкой, расстояние которой — как раз пять километров. Самим своим появлением на свет я обязан этим двум деревням: из Комаровки — отец, из Осинки — мама. И все мои деды-прадеды, бабушки и прабабушки и с одной, и с другой стороны жили здесь оседло три века, рожали и растили детей, неустанно возделывая вот эту супесчаную и суглинистую, небогатую землицу; мужчины, когда требовалось, уходили на войну и не всегда возвращались, в зимний период отправлялись за сто вёрст на сезонную работу, на сахарный завод. Женская половина, окольцованная простыми медными обручальными кольцами, как и лесные рябчишки, далее пяти километров то в Осинку, то в Комаровку — никуда, в общем-то, не удалялись.

Я не спеша возвращаюсь из нежного пара-тумана на старую дорогу (комаровцы называют её осинковской, а осинковцы — комаровской), некогда очень живописную, лиричную, а сейчас заметно подпорченную лесовозами. И решаю про себя, что стрелять здесь рябчиков я не стану и осенью...

После пожара

Пожар пришёл неожиданно, когда его уже не ждали. Засушливый сентябрь в Подмосковье всё длился и длился, и кончилось тем, что кто-то поджёг сухую траву. Занялись огнём торфяники, мигом запылали окрестные леса. Тушили — даже с вертолётами! — до самого снега. И даже под белым покрывалом ещё долго дымилось, задушливо, едко пахло тлеющим торфом.

По слухам, учинили это некие бизнесмены в отместку за то, что местные власти не дали им выкупить в охотпользование здешние лесные болотистые угодья, где ещё держится кое-какая дичь.

Гибельные последствия бедствия в полной мере открылись весной. Огонь остановили у самых наших дачных участков, в двухстах метрах от калитки. До чего же тяжко стало на сердце при виде жестокого пожарища! Дошёл кое-как, опасаясь провалиться в выгоревшие торфяные ямы, до ближнего знакомого озерца.

Прежнего уютного озерца с рослым камышом и кудрявыми розовыми кустиками не узнать — беззащитно блестит вода среди толстого пепла и уголья, чернеющего вкруговую по берегам. Отошёл немного назад, присел на поваленную берёзу, у которой подземный торфяной огонь немилосердно отгрыз главные и малые корни. Тут целая рощица берёз и осин погибла, бывшее грибное место.

В сумерках прилетела пара крякв. Ух, как же самозабвенно играли, звучно плескались бравый селезень с кокетливой уточкой, как радовались весне! Им ужасающий вид округи вроде бы и не мешает... Но вскоре улетели — по-видимому, всё же искать другие, необожжённые берега.

Когда возвращался с такой «охоты», то увидел в канаве луну. Остановился и стал взглядывать попеременно то на настоящую, полную света Луну, то на её отражение в старой болотной канаве. Если бы я был сейчас ребёнком, тем любознательным деревенским мальчиком, то, наверное, задался бы вопросом: а не видит ли она меня в эту минуту и своё отражение в канаве?..

В студенческие годы не раз приходилось слышать философское изречение: один видит просто лужу, а другой звёзды в ней. Это верно и никем не оспаривается, но всё же... Одно дело, когда лужа эта чистая, неядовитая и незамусоренная всякой дрянью, и совсем другое — когда всё так кругом изуродовано, изувечено и почти уничтожено человеком, и талая вода робко выглядывает из почерневших, голых берегов, то невольно затрепещет всё внутри тебя: хотя бы уж не переставала отражаться луна в этой старой канаве, хотя бы уж это грело, подбадривало озябшую душу!

«Два выстрела – две дичины!»

Так похвально выразился один знакомый — после того, как накануне вечером я добыл на тяге вальдшнепа, а ранним утром — глухаря на току.

Что ж, у меня меткие выстрелы, в самом деле, обычно ходят парами. Вот некоторые примеры...

Курцхаар сделал стойку. Взлетел дупель, я выстрелил — на самом подъёме дупель свалился. И прямо из того места, куда он сочно хлопнулся, из выросшей после сенокоса реденькой травы-отавы пулей вылетел другой. Я сохранил хладнокровие и вторым выстрелом срезал и его.

Правда, при осмотре оказалось, что первым был действительно дупель, а вторым — бекас.

Незабываема и такая пара выстрелов. Я возвращался с тяги вдоль Чёрной речки — притока Осинки, — и меня почти одновременно нагнали кряковый селезень и вальдшнеп. Я уже приложился по крякашу, в неуловимый миг чувствуя, что попаду, как по спине ещё раз побежали мурашки: вальдшнеп на меня тянет! Селезень с разгону напоролся на горячую дробь, комком стал падать, и я ещё успел боковым зрением заметить, где он ударился о землю, повернувшись кверху белым, и тут же его место в лунном прогале над поляной занял страстно хрипящий вальдшнеп. Мне оставалось только чуть левее перевести стволы...

Вот написал сейчас «перевести стволы», и сразу вспомнилось, как мы с деревенским приятелем подкрались к луговому укромному озерцу. Из прибрежного камыша шумно, с отчаянным кряканьем рванула утка. Товарищ мой, которому было ближе стрелять, сначала упустил её за куст и томительно ждал, пока она вылетит навидно, а затем долго целился — словом, дуплет прозвучал впустую. И тут

с середины озерка поднялась кряква и понеслась за первой. Я ударил с небольшим упреждением, и не успела она, битая чисто, коснуться жёлтых кувшинок, как взлетает третья кряква, устремляясь в противоположную сторону. Мгновенно беру на мушку — и эта падает на воду.

— Ну ты даешь, Николаич! — удивляется товарищ. — Только повёл стволами — утка! Ещё раз повёл — ещё утка! Какая быстрая реакция... — Хитро прищуривается: — Я думаю, ты больше нас стреляешь! По всяким областям ездишь, тренируешься...

— Да где же я больше вас, деревенских, стреляю? — смеюсь я. — Где я за вами угонюсь? С самой весны ружьё в руках не держал.

А что по разным областям езжу — это верно. Люблю свою родную Брянщину, но и новых, свежих мест не чураюсь. Помнится, как двадцать лет назад очень удивил воронежских охотников, добыв в осенней степи четырьмя патронами четырёх зайцев-русаков. Парочку в первый день, и, соответственно, ещё пару — в другой. Там же из-под легавой двумя выстрелами взял трёх куропаток (тут, как видите, исключение: три дичины!). Но не подумайте, что я шарахнул, как это часто бывает у молодых охотников, сразу по всей взлетевшей стае: нет, так обязательно промахнёшься. Надо выцеливать конкретно одну, потом вторую птицу. В данном случае в момент второго выстрела заполошная куропатка резко рванулась по диагонали снизу и вбок — и тут же пересеклась со снопом дроби, предназначенной отнюдь не ей...

Вообще из-под хорошей легавой собаки доводилось делать сверхудачные, прямо-таки немыслимые попадания. И даже сам попал в рассказ заводчика лавераков Григория Полякова (журнал «Охота и рыбалка» № 2, 2006 г.) в качестве литературного героя. Действие происходило в августе 2000 года в Сычёвском районе Смоленской области. Позволю себе немного процитировать — сначала в виде вводки:

«Сидя за столом, я, наконец, смог приглядеться к своим попутчикам. Один из них, симпатичный мужчина лет сорока, держался довольно скромно. Со слов своей знакомой я знал, что он главный редактор одного московского журнала о природе и автор многочисленных рассказов на охотничью тематику. Он мне сразу же понравился своей основательностью и немногословностью, не свойственной городским охотникам, а тем более журналистам. Чем-то неуловимым он напоминал мне моих бывших начальников, и я его тут же про себя окрестил «Главным».

А теперь по существу вопроса:

«Стреляли ребята отлично, особенно «Главный».

«Мы бороздили бескрайние просторы втроём или только с «Главным», который, казалось, бил все мировые рекорды по стрельбе».

«Такого азартного стрелка я, пожалуй, никогда не увижу».

Иногда мы охотились и вчетвером, но это было редко — среди нас был пожилой человек, о котором автор рассказа написал так:

«А дед за все шесть дней так и не выстрелил. Ходок он оказался неважный, и, как я ни старался подставить ему какого-нибудь коростеля или перепела, более расторопный дуплет «Главного» пресекал все мои альтруистические надежды».

Что ж, всё так и было, но должен уточнить: я нажимал на курок в ту последнюю секунду, когда «дед» уже явно упускал птицу. И стрелял я не исключительно для себя, а в общий котёл.

Сам я из той охоты особо запомнил такой дуплет, умница-лаверак потянул-потянул и замер в мёртвой стойке. Нас четверо стрелков, расположились полукругом. Звучит команд, английский сеттер, весь дрожа, ступает вперёд — и почти из-под его чрезвычайно смышлёной мордочки веером вылетают, с секундными паузами, полдесятка перепелов. Я стоял с краю, и первый перепел очень близко и низко прошмыгнул мимо меня, считай, подмышкой — и пока я разворачивался, ещё один просвистел, как выпущенный из пращи камень, у моего левого уха. Его я сразу и сбил, а первого, удравшего метров за сорок, достал вторым выстрелом.

Ну, а теперь как? В самое последнее время? — спросит кто-то. Что ж, мне и на шестьдесят пятом году, слава Богу, есть чем отчитаться. Не далее, как в прошлом октябре, ранним солнечным утром, в чудесную пору листопада, выехали мы на телеге с другом Виктором Лосевым погонять зайчишек. Спустились с пологого холма от Придачи к урочищу Подколода, и тут молодой гончак Малыш в перелеске вроде бы поднял зайца. Я тут же побежал к опушке, а Витя стеганул своего норовистого конька по кличке Жулик и поспешил на перехват к старому олешнику, к ручью Течка.

У опушки я приостановился — как раз у перемычки в другой перелесок. Но что-то странно ведёт себя неопытная собака: то ли гон у неё такой прерывистый, то ли просто кого-то облаивает. И вдруг вижу над вершинами берёз чёрную точку, стремительно приближающуюся ко мне. Да это же косач-тетерев! Он поздно замечает меня, отворачивает в сторону, но тут уж от стрелка не улететь... Гремит одиночный выстрел — и петух падает по крутой наклонной, сбивая напоследок целую горсть золотых листочков с берёзы.

Возвращаюсь на лесную дорогу, догоняю Витю на ручье, издали победно поднимаю тетерева.

— Что ж не крикнул? — весело отзывается мой друг.

Снова садимся на телегу. Вскоре Малыш с воплем поднимает лисицу, и она по прямой уводит его со слуха. Витя забеспокоился:

— Наверное, ушёл за асфальт у Дедовска... Надо подождать.

Но как ждать без дела мне, только вчера приехавшему на охоту? Витя остаётся на месте, а я иду вперёд, по бывшему лугу, вдоль когда-то прорытой мелиорационной канавы, меж лозняков которой есть вода, и могут прятаться ещё не улетевшие утки.

Через полверсты, задумавшись, вспоминая, что лет десять назад здесь был тетеревиный ток, я вздрагиваю от неожиданного, громкого лопота крыльев слева, из бурьянистого пригорка. Косач быстро набирает скорость, я перекладываю палец на «чок» — в голове молнией мелькает: можно уже и не достать! — и тут в пяти шагах от меня справа взлетает другой тетерев. Вот оно мгновение, которое решает всё: я перекидываю ружьё вправо и стреляю из «чока» же! Но бью уже через слегка сквозящий, но с ещё зелёными листочками аккуратненький, почти круглый шар лозового куста. Бью в плохо различимое чёрно-белое мелькание.

Через секунду взлетели с того берега канавы ещё три косача, уже недоступные по расстоянию, но я-то переживаю, что не засёк: упал ли мой тетерев? Или он один из тех, что во-он поблёскивают крыльями у Гнилуши, бывшей деревни, развернувшись для посадки в её давно заросшие сады-огороды.

Напрямки через канаву не перелезть в моих коротких сапогах, надо обойти кружно. Это занимает минут двадцать. Как же я отчаянно продирался сквозь высоченные и полёглые травы, что были мне по пояс, как волновался: не зря ли я вообще иду? Наконец вот тот шаровидный кустик. Стал искать, но пока безрезультатно. Такой бурьян, такая травища, что могут скрыть и самого кабана!

Как раз подъехал и Витя с вернувшимся Малышом. Пёсик было посунулся через канаву ко мне, но Витя, зная за ним манеру трепать дичь, взял его на поводок и привязал к задку телеги.

Я попросил приятеля перейти на то место, откуда я стрелял, а сам встал на воображаемую линию полёта тетерева за кустиком. И почти сразу увидел перед собой лежащего на свалявшейся траве крупного косача. Какая радость, что не потерялся столь ценный трофей! И в копилку свою добавил — ведь раньше не доводилось стрелять напрямки через заслонявший птицу розовый куст.

И снова для меня прозвучало: «Два выстрела — две дичины!»

Стежки-дорожки помнят нас

Издали глянешь — некогда большой, округлый луг Пасеки по краям теперь подзарос березнячком и олешничком, опушился лозняком и вербами. Но я-то хорошо помню прежние его живописные очертания, все плавные извивы и выемки. И начинаю я всегда при встрече с лугом с того, что подхожу у высоченной ольхи к старой кринице, где уже сто лет, обросшее мхом, невысоко торчит — с небольшим наклоном в сторону всяк подходящего сюда — дубовое полое кольцо, которое поставил на общую пользу мой прадед по маме Варлам Кононович Мартищенко. Здесь всегда можно вволю напиться родниковой воды.

И если я захочу потом дойти до Осинки напрямик, то мне не надо возвращаться назад к Выдёрке, к наезженной дороге. Я легко проникаю в нужном месте сквозь новоявленные заросли на маленькую полянку, которая оказывается началом заветной для меня дорожки.

Просто удивительно, как она сохранилась почти в своей первозданности с моих детских лет! На ней даже тележный накат просматривается... — особенно сейчас, в апреле, когда не поднялась ещё новая травка. Помнится, лет пятнадцать назад просил меня фотонатуралист, от рождения человек городской, для какого-то там красочного альбома найти настоящий тележный след. И я уже собрался повезти его к своему деревенскому приятелю — но тот как раз «переобул» свою телегу в дутые шипы. Конечно, это удобно, мягче ехать, коню легче тащить, но тележная езда что-то и потеряла — как бодро стучало, веселило, бывало, обитое железом деревянное, крепкое колесо, как вскакивал ты, мальчонкой, в неописуемом восторге, заслышав под окном этот непередаваемо волнующий звук: ведь сейчас поедем куда-то вместе с дедом!

Я прикрываю глаза — и мне видится, как сквозь сон, такая картина: впереди по этой дорожке движется, чуть покачиваясь, большой воз с сеном, на солнце сияют зеркальным блеском обода тележных колёс, смазанные дёгтем гладкие дубовые втулки деловито постукивают-поскрипывают, а я, пятилетний, спешу частыми шажками вслед, с замиранием сердца зная, что за этой тенистой дорожкой, когда начнётся ровное, просторное поле, мой дед Михаил Варламович сразу же подсадит меня на самый верх воза!

Это воспоминание захватывает меня, я останавливаюсь в маленькой низинке, где особенно сберёгся тележный след, не поддаётся пока затягивающей дернине — и вдруг мелькает светлая и грустная мысль: да ведь это музейная дорожка!

А и в самом деле, в каких только мировых сокровищницах духовной жизни я не бывал: и в Париже, и в Риме, и во Флоренции, и в Амстердаме, и в Стокгольме, и в Нью-Йорке и, конечно же, в родных Санкт-Петербурге и Москве, в знаменитых их музеях и галереях, но вот эту уцелевшую лесную дорожку я готов сейчас поставить в один с ними ряд! Без неё сокровенность и красота мира будет неполной.

А дойдя до бывшего, заросшего густым сосняком, холмистого поля под названием Котовая, я справа начинаю огибать его, метров через триста останавливаюсь: где-то здесь... Подлезаю под нависшие еловые лапы — и радостно выдыхаю: и тут лесная дорожка цела! И тоже в узнаваемом своём облике. Конечно, заметно сузилась, поджата с боков, в некоторых местах перекрыта поперёк упавшими валежинами, но узнаваема-узнаваема до малейших деталей, до подступающей слезы! Ведь она сразу мне напомнила маму.

Четверть века назад спросила у меня однажды мама, когда я вернулся с охоты:

— Сынок, а заходишь ли ты на ту стёжку, что между Котовой и Карпекиным?

И услышав утвердительный ответ, счастливо заулыбалась:

— Ох, пройти по ней хотя бы ещё раз... До чего же я её любила! Возвращаемся, бывало, с девками от Карпекина, где рожь серпами сжинали, напекёмся за день на солнце, а на стёжке усталость отступит. Так прохладно, так душе хорошо станет от малого сквознячка-ветерка, от лесных запахов, от пенья птиц, что и мы начинаем петь — и как ударим дружно, до самой деревни, с подголосниками!

При этом мама вспомнила и 25 сентября 1943 года. Это день освобождения Осинки. Жестокий бой шёл у Комаровки, где наши долго не могли выбить немцев с укреплённых позиций на берегу реки Витавы, почти вся деревня сгорела — и дом моего будущего деда Фёдора Титовича Старченко тоже. Жители окрестных сёл деревень кинулись спасаться в густые леса.

— Старались лепиться все к своим родным, к соседям тоже... Мы с Мотиными как раз — сюда, под Карпекино. Я уговорила спрятаться поблизости от этой стёжечки, там скрытая похаёночка была за лисьими норами, среди ёлочек... А немцы откатились от Комаровки, не задерживаясь в Осинке, не успев её спалить. И вернулись мы в освобождённую и целую деревню по этой самой стёжечке!

Давно уже, семнадцать лет, нет на белом свете милой моей мамы. А вот лесная дорожка, по которой она ходила ещё в отрочестве, до сих пор жива. И, может быть, помнит нас всех...

Теперь, от Карпекина, я поверну к тоже поглощённым кустами Мохнатам, где опять же найду потаённую тропку, но совсем уж узенькую и подзаросшую по которой когда-то подкрадывались мы с братом Сашей к токующим тетеревам. И по ней выйду к Корыту, к озерцу-копани, где меня уже ждёт мой надёжный деревенский друг, с кем мы и поставим удобный, малоприметный шалаш — для охоты на селезней с подсадной.

Потянулась душа к охоте

Я бы не сказал, что охота получила массовое распространение среди женщин, скорее это большая редкость. Мне за мою долгую охотничью жизнь встретились лишь две представительницы прекрасного пола, которым это занятие интересно. Но одна из них берёт ружьё в руки только потому, что не желает оставлять мужа, поэтому и не о ней сегодня речь.

Олеся Костина и сама толком объяснить не может откуда это у неё взялось. Никто из родни сроду охотником не был. А вот потянулась душа к природе, к патронам, к оружию. Получив охотничий билет, стала полноправным членом нашего сообщества. И к выбору ружья отнеслась вполне серьёзно. Не считаясь с затратами времени и средств, с опытными советчиками объехала множество оружейных магазинов и нашла то, что хотела. Выбор лёг на классическое ИЖ-43. На мой взгляд, слишком тяжёлое и грубоватое для нежных женских рук, но охотница с этим категорически не согласна. Несколько позже арсенал пополнил ФАБАРМ XLR-5 в чёрном пластике. Учитывая миниатюрное сложение женщины, я бы порекомендовал 20 калибр, однако оба ружья оказались 12 калибра. Справляется!

И ладно бы жила где-то в сельской местности. Но наша героиня типичный городской житель. Выросла в столице Узбекистана Ташкенте, а после развала СССР её семья перебралась в районный центр Сасово Рязанской области. И по роду деятельности ни к охоте, ни к сельскому хозяйству Олеся не имеет отношения – экономист в ресурсоснабжающей организации! Работа в

сфере ЖКХ лёгкой никогда не была — на свободное время рассчитывать сложно. Тем не менее она принимает активное участие в жизни города: звонки председателю общественной палаты, которым она является, поступают и в нерабочее время. Мы с ней коллеги, поэтому об её ответственности знаю не понаслышке. А в минуты отдыха все разговоры о ружьях, патронах, собаках, вечёрках и засидках.

Кстати, её гладкошёрстный фокстерьер Нюрка признан лучшим по породе в своей категории. Даже мне, завзятому лаечнику и легашатнику, приятно смотреть на шуструю белую собачку. Может, это и не совсем правильно с точки зрения охотничьего собаководства, но на практике её азартный поиск и подача сбитой утки оказываются весьма полезными.

Пусть и не все выстрелы получаются удачными, но среди трофеев Олеси не только чирки и кряквы, но и такая завидная, даже для мужчин, добыча как гуси! Не пугают её и трудности зимней охоты. Ну, где это видано, чтобы хрупкая женщина, презрев домашний уют, пробиралась по колено в снегу по следу русака?

Вот и сегодня, на мой вопрос о планах на вечер, она без раздумий отвечает вопросом:

— А вы едете? Тогда я с вами!

Кстати, увлечение Олеси охотничьей литературой не прошло без последствий. Впечатления о весенней охоте, написанные самой охотницей, я хочу предложить читателям журнала.

Владислав ШАТИЛОВ

Весенняя охота

И вот долгожданные дни наступили! Возможность свидания с природой, оживающей после долгой зимы. Сколько звуков, красок в этом удивительном весеннем мире! Вот маленький герой — жаворонок взмыл, трепеща крылышками, в небо, заливаясь своей переливчатой песенкой. Вдалеке зачуфыкал и забормотал косач-тетерев, готовый вступить в отчаянную схватку с соперником. Пара журавлей протяжно закричала в сторону восходящего солнца, встречая зарождающийся новый день... Ода жизни!

Скрадок заранее построен из веток тальника и сосновых лап вперемешку с прошлогодней соломой. Охотник должен полностью слиться с природой, стать невидимым для зорких глаз налетающих диких гусей – самых желанных и труднодобываемых трофеев на весенней охоте. Именно они бередят душу худенькой охотницы, именно они будят по ночам тревожным гомоном в окно, пролетая над Северным микрорайоном...

Раннее утро. Рождается заря. Час, когда одновременно можно видеть тающую луну и краешек восходящего солнечного диска. Изморозь застывает на кончиках поднявшейся первой зеленой травы и блестит бриллиантовыми искрами. Глаза устремлены на кромку неба в ожидании налетающих темных силуэтов. Это ожидание кажется бесконечным, с одной стороны, оно нервирует, а с другой — сладостно для любого охотника. Верная собачка сидит рядом, она прекрасно понимает, чего ждет. Мелкая дрожь бежит по ее мускулистой груди, в которой бьется маленькое, но бесконечно преданное хозяйке сердце.

Обостренный слух охотницы ловит отдаленное «Га-гак...» Гуси! Летят! Сердце учащенно колотится, взгляд ищет налетающую стаю... И вот уже они, тяжело взмахивая крыльями, переговариваясь между собой, заходят на посадку. За доли секунды вскидываю ружье, силуэт гуся на фоне неба беру на мушку, поводка, упреждение на два корпуса вперед, плавное нажатие на спуск и — выстрел!

Сложив огромные сильные крылья, птица тяжело падает на воду. Вот оно, настоящее охотничье счастье, восторг, эйфория, взрыв эмоций! Маленькая отважная собачка с визгом срывается с места, бросается с берега в воду, отчаянно гребет короткими, но сильными лапками. Схватив крупного гусака, разворачивается и плывет обратно, выносит его на берег и, преданно заглядывая в глаза, кладет к ногам обожаемой хозяйки. «Ай, умница, ай, молодец!» — хвалю я ее.

Теперь можно успокоить бешено прыгающее сердце, перевести дух... Заветный трофей добыт, эмоции от общения с весенней природой и красотой переполняют душу. Сейчас самое время глотнуть горячего чаю из термоса, с улыбкой потрепать мокрую, но счастливую собаку».

Олеся КОСТИНА

Поздравляем Олесю Костину, а вместе с ней и всех женщин-охотниц России, с праздником Весны!

А. БАРАНОВ.
Татарстан, Набережные Челны

Ночлег в зимнем лесу

Утро было тихое, солнечное, и я решил сходить в лес на охоту. Шел декабрь месяц, дни были короткие. Одевшись полегче, я направился в сторону леса. Когда я подошел к лесу, было уже часов десять, а, может, и больше, точно не знаю, забыл дома часы. Ну, думаю, похожу часика два по лесу и вернусь. В глубине леса была просека. Раньше там стояли огромные деревья, но их вырубили, и сейчас растут молодые деревца, а в них всегда бывают зайцы и тетерева. Снега поч-ти не было и идти было легко. Когда я дошел до просеки, пройдя километра три, погода испортилась, стало пасмурно. Тучи покрыли небо, но я на это не обратил внимания, не первый раз такое. Полазив по молодому лесу некоторое время, я поднял несколько тетеревов, одного успел взять. А когда шел к добыче, у меня из-под ног выскочил беляк. Я выстрелил два раза, но косой несколько раз крутнулся на месте и скрылся. Ну, думаю, я тебя зацепил. На снегу была кровь, и я решил посидеть, пусть ляжет, чтобы за ним долго не ходить. Если сразу идти — это только мучить ноги, а если немного подождать, он далеко не уйдет, залезет куда-нибудь под валежник и ляжет, даже может больше не встать, бывало и так, когда я подходил к нему по следу, он уже был готов. Но на этот раз он не ложился и замечал меня раньше, чем я его, и давай он таскать меня по лесу. Я даже не заметил, что уже стало темнеть и пошел небольшой снег. Но когда я очухался, было поздно. Снег повалил большими хлопьями, и стало темно. Тут я понял, что мне сегодня из леса не выйти, но еще была надежда на свои следы: выйду по ним назад до просеки, а там недалеко и от дороги. Но когда я прошел несколько метров, считай, в полной темноте, понял — хана, не выйду. Ничего не видать, кругом бело, а если не уверен, что выйдешь из леса, то лучше до утра и не дергаться.

В первую очередь мне нужно было развести небольшой костер, чтобы он служил в качестве маячка, когда я буду искать место ночлега. Ночь хоть и была темной, но от снега немного были видны деревья, стоявшие вокруг меня. На ощупь я начал собирать сухие ветки и палки. Полазал так с полчаса, и теперь мне оставалось только их зажечь. Вынув нож из кобуры, нашел полегче палку и начал щипать лучины. Потом достал из кармана пачку сигарет, высыпал их в карман и прикрыв телом, зажег пачку. Стал подкладывать тонкие лучины на огонек. Прошло несколько минут и у меня уже горел небольшой костер. Я стал бросать в него все, что попадало под руку. За это время, что я возился, снегопад уменьшился. Все вокруг озарилось от костра, и я начал из веток делать навес, а когда попадался хороший валежник, складывал его в кучу. Сделав навес, расчистил снег до земли и перенес костер под навес. Сколько прошло времени и который был час, я не знал, в такой ситуации часы мне были не нужны. А как начнет светать, я и без часов увижу, но я точно знаю, ночь будет долгой. Когда угли догорали, я их двигал ближе к стволу дерева, чтобы нагревались ствол и земля. Подтащив толстое бревно к костру, я уселся на него немного отдохнуть и обсохнуть — все-таки зима; правда, мороз был градусов восемь, но все равно не плюсовая температура и, если сидеть мокрым, быстро станешь замерзать. Метрах в двадцати стояли сосны. Я поднялся, срезал несколько веток, перенес их к костру и поставил к стволу дерева около костра так, чтобы они нагревались. Ветви сосны были большими — это будет мой матрац и одеяло. Сидя около огня, я периодически поворачивался то спиной, то боком к костру, чтобы обсохнуть. Когда сильно пекло, я вставал и ходил за дровами. И вот, наконец, снег совсем перестал. В ночном лесу было тихо, только слышался треск костра. Он горел жарко, я то и дело подгребал угли к стволу дерева. Все было бы хорошо, но очень хотелось есть и я решил пожарить на углях тетерева. Ощипав и опалив на костре птицу, я достал нож, обрезал с нее мясо, положил на угли и постоянно переворачивал его. Когда тетерев был готов, наелся. Даже не соленый, он мне показался очень вкусным. Задние ляжки были большие и я оставил их на утро.

Я сидел к костру спиной и курил, и вдруг увидел два горящих уголька. Это светились чьи-то глаза, это был не мелкий зверь. Мне стало не по себе: я сделал вывод, что это лиса или рысь. Волки в лесу зимой ходят стаями, чтобы легче было охотиться. Я потянулся за ружьем — «угольки» были неподвижны и смотрели в мою сторону. Я вынул патроны из ружья (там была дробь первый номер), вставил картечь, прицелился и выстрелил — и тут же «угольки» пропали, и я услышал шорох. Пошел посмотреть, что там было. И не поверил своим глазам — на снегу лежала косуля. Я подвесил ее за задние ноги, чтобы лучше сошла кровь. После того, как она повисела несколько минут, понес к костру, где быстро освежевал, до утра дичь должна заморозиться. Помыв руки снегом, присел на бревно около костра, немного посидев, решил поспать. Придвинув все угли в костер, постелил несколько сосновых веток на землю и сел на них, спиной прижался к стволу дерева и обложился сосновыми ветками, было тепло. Сколько я проспал — не знаю, проснулся от холода. Костер горел слабо. Я встал, опять все угли передвинул ближе к дереву и подкинул в костер дров, а сам пошел собирать сухостой, чтобы быстрей разогреться. Через некоторое время я уже снова устроился спать. Когда опять разбудил меня холод, уже немного стало светать, и я сразу определил где восход — значит теперь выйду из леса без проблем. А как определил? При рассвете очень легко: когда смотришь в круговую, где восход — там горизонт неба намного светлее, да и можно определить по деревьям. Заходил я в лес с севера, теперь знал направление — куда идти, хоть и было пасмурно. Посидев еще полчаса у костра, покушал, тушку косули повесил через плечо. Костер закидал снегом и направился на север.

Ночная охота на зайца

Мой дед и отец ходили зимой на кормовую базу, расположенную недалеко от ферм скота, где ставят стога с сеном: люцерной, костром и овсом. Бывает, лунной ночью зимой залезешь на стог, зароешься в него и сидишь, поджидаешь зайцев.

Вот наступил вечер. Луна уже была полная, я оделся потеплее: надел ватные брюки, валенки, шубу и отправился на базу. Подошел, залез на стог, выкопал небольшую ямку и уселся так, что обзор был с трех сторон. Стал ждать, постоянно вертел головой туда—сюда. Так я просидел минут тридцать, и вот показался первый косой. Он потихоньку прыгал в сторону стогов, я сидел на стоге с люцерной. Зайцы больше любят люцерну, чем костер и овес. Сижу я на стогу недвижим и наблюдаю за зайцем, а он все ближе и ближе подходит ко мне. Пробежит метров пять, садится и смотрит по сторонам, но вот он уже подошел ко мне на расстояние выстрела, шагов на пятьдесят. Луна светила, было светло, как днем. Я взял его на мушку и выстрелил. Он как подкошенный упал на снег, немного подергавшись, утих. Я знал, что минут десять — пятнадцать зайцы не подойдут. Прикурив сигарету, уселся поудобней и даже не глядел по сторонам. Только потушил сигарету о снег, окинул взглядом все вокруг, и тут же увидел двух, они прыгали друг за другом в мою сторону. Прошло несколько минут — они уже около стога. Я взял на мушку того, который был подальше от меня. Думал, этот будет первым, а который поближе — вторым. Сделав выстрел, сразу поймал второго на мушку, он бежал от меня. Я прицелился,

взял немного чуть повыше и нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел, и я увидел, как косой покатился по снегу. Посмотрев на первого зайца, я увидел, что он ползет, видно, ему перебило позвонок. Я съехал со стога и подбежал к нему. Собрав трех зайцев, я направился к стогу, чтобы посидеть, сделать перекур и привязать их всех шнуром. Я связываю их за передние лапы и тащу волоком по снегу, так удобней. Не успел я еще привязать зайцев, на меня пулей летит косой. Схватив ружье, я увидел: за ним с такой же скоростью несется лиса. Пропустив зайца, я выстрелил в рыжую. Она через голову перевернулась несколько раз и вытянулась на снегу, стала судорожно биться, но когда я подошел, она уже утихла. Связав зайцев, лису повесил через плечо и направился в сторону дома. За какой-то час я добыл трёх зайцев и лисицу. На этот раз у меня была удачная охота.

Охота с молодыми борзыми

Как-то раз я заехал в соседнюю деревню и увидел русскую борзую со щенками. Мне сразу захотелось купить пару щенков. Долго я искал хозяина и нашел его в поле. Он работал на тракторе. Я сразу не решился говорить о щенках. У собаки их было пятеро, думаю, может не продать сейчас. Такие собаки — редкость и я пошел на хитрость.

В конце рабочего дня подошел к хозяину собаки, поздоровался и спросил, нет ли у него стакана или какой-нибудь посуды, чтобы выпить. Он достал из сумки термос и дал мне крышку. Я предложил ему тоже выпить. Он не отказался. Мы долго сидели, разговаривали. Я наливал ему побольше, и стали мы с ним уже почти друзьями. Он предложил зайти к нему в гости, поставил трактор, и я ему налил еще два раза, потом поехали к нему. Подъезжая к дому, он был уже изрядно выпивши. Я решил спросить у него про щенят. Он был хоть и пьян, но сразу не дал. Сказал, что всех уже обещал другим охотникам, но, когда мы с ним выпили еще, я с ним сторговался. Дал он мне девочку и мальчика. Довольный, я сразу уехал домой.

Прошло некоторое время. У меня из щенков выросли две почти взрослых собаки. Они были игривыми, бегали друг за другом. А клички им дал Победка и Вихрь. Я все любовался ими. Только была небольшая проблема: как я их буду натаскивать на зайца? Без старой собаки будет очень тяжело. И вот пришло время брать их с собой на охоту...

День был солнечный. Снега было мало. Я взял с собой собак и направился в поле, засеянное озимыми, на пахоту с ними идти нельзя: если пойдут за зайцем, могут поломать себе ноги или совсем разбиться. Эти борзые, когда идут за зайцем, видят только цель и больше ничего. У меня были такие собаки: одна разбилась о кочку насмерть, и я это хорошо помнил.

Ну вот, мы уже около поля. Тут летом был лагерь для свиней, а зимой скрывались зайцы. Не успели мы подойти к лагерю, как из-под столба выскочил косой. Мои борзые кинулись за ним. Ну, думаю, раз пошли, может, возьмут косого, но не тут-то было. Они резво догнали косого, но брать его не стали, а пробежали мимо него. Заяц остановился, посмотрел на них и бросился в другую сторону. Когда собаки поняли, что за ними никто не бежит, развернулись и кинулись снова за косым. В несколько прыжков догнали его, и повторилось то же самое, как в первый раз. Долго они играли в догонялки, пока заяц не скрылся в камышах. Мне было и смешно, и досадно, что они не берут зайца. Но я их не винил: они не знали что надо делать. И так я с ними ходил несколько раз. Все повторялось: играли вперегонки. Тогда я решил взять с собой старую дворнягу вместе с хозяином. Одна она со мной не шла, правда, хозяину пообещал пол-литра, если он пойдет с собакой. Она у него приносила летом зайчат: большого не брала, а маленьких душила. Он все хотел ее застрелить, но она хорошо пасла табун, а хозяин работал скотником.

Вышли мы из дома. Я Победку с Вихрем привязал на веревки и дал соседу их вести. Наказал: «Держи крепче». Дворняга бежала позади, и, когда мы подошли к летнему лагерю, я ногой пнул по забору. Метрах в двадцати выскочил большой русак. Я вскинул ружье и взял ниже, почти по следу, и выстрелил. Заяц подпрыгнул и снова побежал, но уже не с такой скоростью. Куда-то я его зацепил. Собаки кинулись за ним. Сосед упал, и они тащили его по снегу, а дворняга уже шла за косым. Я кричал: «Не отпускай собак, пока не скажу!» Дворняга все ближе и ближе подходила к зайцу, и вот уже надо хватать, а заяц резко ушел в сторону. Я крикнул: «Спускай собак!» Они пошли вместе с веревками за зайцем. Дворняга сделала еще одну попытку, но опять косой ушел в сторону. Однако скорость у него была уже небольшая. Когда дворняга схватила зайца и вместе с ним подняла снег, мои борзые были метрах в семи от них. Они резко остановились и смотрели, как дворняга душила зайца за горло, потом подбежали и понюхали его. Когда мы подошли к собакам, я достал охотничий нож. Отрезав оба уха и одну переднюю лапу, дал всем троим. Дворняга стала грызть кость, а мои борзые съели по уху, их я разрезал на несколько частей, чтобы выступила кровь.

Когда в следующий раз я пошел с ними на охоту, они взяли зайца сразу. Победка была пошустрее, она всегда шла первой и уходила от Вихря метров на пять вперед. Если она промахивалась, Вихрь брал косого. Один раз даванет его в позвоночник и бросит, а потом стоит и ждет меня, когда я ему отрежу заячье ухо.

Вот так я натаскал своих борзых. Они с легкостью стали брать лисиц и зайцев.

Рис. В. Горбатова

Шельма и «профессор»

М. ЗРЯНИН

День клонился к вечеру, до темноты оставалось около часа. Ветер стих и из деревни, до которой было километра три, отчётливо доносился лай собак, мычание коров и звонкий детский смех. Неглубокий снег, слегка «отошедший» за солнечный денёк, снова загрубел и приятно похрустывал под валенками.

Мы с отцом возвращались с охоты. Плечо приятно оттягивал матёрый русак, да у отца в рюкзаке разместились ещё два таких же усатых ушана. Настроение было приподнятое и мы бодро шагали рядом. Охотиться больше не собирались и поэтому разговаривали, не таясь, в полный голос. И слышно нас, наверное, было очень далеко. Солнце ярко-красным шаром зависло над горизонтом, и мы спешили засветло выйти на накатанную дорогу. Нам осталось пройти пруд и поле и, сокращая путь, мы спустились на лёд. Шельма — русская пегая гончая, нагонявшись за морозный денёк, всё же не поддавалась усталости. Изредка показываясь на глаза, она вела широкий поиск где-то в «вершинках» - заросших лесом овражках, ответвлявшихся от основного большого оврага, где и был запружен пруд.

Отец рассказывал про охоту. Проходя по местам, где когда-то встретился со зверем, вспоминал различные истории. Мне оставалось только удивляться: буквально каждый терновый куст, лесополоса или буерак оставили в его памяти свой след: — вон там, за земляным валом, его надул заяц, почти ползком удравший по канаве, а здесь, из глубокого яра, пулей вылетел седовато-рыжий огромный лисовин, ошалевший от «наступающего на пятки» Сигнала и настигнутый выстрелом, тут же оказался в пасти азартного гончака. Я откровенно завидовал отцу, да и рассказывал он интересно, с юморком.

И вдруг отец замолчал на полуслове. Над вершинкой, которую мы только что прошли, раздался сначала страшный взрёв, как будто на хвост нашей Шельмы наступил огромный медведь, а потом, после нескольких рулад, неподдающихся описанию, голос её принял обычные оттенки, и в звенящей тишине уходящего дня родился азартный гон.

Мы с отцом, успев только переглянуться, побежали каждый к своему ближайшему оврагу, надеясь перехватить или хотя бы перевидеть виновника переполоха. Заячьих следов здесь было мало, и мы были почти уверены, что Шельма столкнулась с лисой, только что вышедшей из норы. Лисьи норы начинались сразу у пруда, где заканчивалась вода, и дальше были разбросаны то здесь, то там, по всем оврагам.

Гон нарастал, наполняя всё пространство вокруг, и сделав круг, уверенно приближался к нам. И вдруг в самом разгаре, превратившись в сплошную переливающуюся мелодию, затих. Неожиданная тишина, наступившая после такого там-тарарама, подействовала как-то угнетающе, до боли сдавив уши. Отец, стоявший метрах в ста, на другой стороне пруда, не повышая голоса, спокойно сказал: «Лиса, наверное. Прямо у нор гон оборвался».

Но каково же было наше удивление, когда, пройдя метров семьдесят, отделяющих нас от того места, мы увидели Шельму, поскуливающую у норы и свежий заячий «беглешный» след. Русак на всём ходу прямёхонько влетел в лисьи «пенаты», даже не попытавшись запутать собаку, и стал недосягаем в одно мгновение. Что делать, взяли гончую на поводок и повернули к дому. Солнце уже почти скрылось и там, где небо почернело, появились первые звёздочки.

...Я бежал за зайцем. Косой убегал легко и как бы играючи, а мне бежать почему-то было неудобно, как-то неловко. Я стрелял, на ходу перезаряжая ружьё, и хорошо видел, как дробины бороздили снег вокруг зайца, но попасть в него никак не мог. И я бежал, бежал, видимо, давно, потому что устал, но заяц, немного оторвавшись от меня, поджидал, сидя столбиком и подпустив почти вплотную, снова убегал. Я упал, перепрыгивая канаву и, зарывшись головой в мягкий снег, долго лежал, наслаждаясь покоем. За зайцем уже бежать не хотелось, и тут откуда ни возьмись появилась Шельма. Она ткнула меня носом в ухо и, лизнув щёку почему-то холодным языком, сказала голосом отца: «Вставай, охотник!»

Я открыл глаза. Надо мной стоял отец. Он только что пришёл с улицы, а его холодная рука и была Шельминым языком.

— Ты же за «профессором» собирался, — напомнил он о вчерашнем зайце, наспех окрестив его за сообразительность, и вышел.

Я быстро собрался и, прицепив на поводок Шельму, весело зашагал к пруду. Слегка ещё ошарашенный своим видением, я боялся, что «сон в руку» и зайца мне не видать как своих ушей. Да и отец пойти не смог — сегодня понедельник, рабочий день, это у меня — школьника, первый день зимних каникул. А отцовского опыта, честно говоря, мне тогда здорово не хватало. Успокаивало одно — Шельма зайца найдёт, это уж точно. Гончая у нас была молодцом — в свои неполные три года она прекрасно работала по зайцу, лисе, гоняла уверенно, азартно, имела красивый сильный голос, который было слышно очень далеко. Да и сколы выправляла сразу, не распутывая заячьи петли, а обрезая русачьи узоры по кругу. Чутьё у нее было отличное, что позволяло ей гонять не «носом в след», а рядом, из-под ветра. Имела она два недостатка: поганивала косуль, что её впоследствии и погубило, и любила гонять одна. Здесь, видимо, сказался характер собаки и обстоятельства нагонки. В то время она у нас была единственной гончей и, когда чужая собака «подваливала» к ней на голос, получала хорошую трёпку. Но даже если после этого продолжала гнать вместе с Шельмой, или оказывалась сильнее, то наша «дама» бросала след и искала другого зайца. «Веди собаку на поводке и, как подойдёшь к норам, отпускай и жди», – вспомнил я наставления отца перед уходом. И отбросив мрачные мысли, вышел за околицу.

Солнце ещё не показалось, но было уже достаточно светло. Погода со вчерашнего вечера не изменилась и только иней на деревьях, да весёлая трескотня синичек напоминали о приближении нового дня.

Дошёл быстро. До нор оставалось метров шестьдесят и я, спустив Шельму с поводка, зашагал к ним прямо по льду. Но не успел пройти и десятка шагов, как гончая заголосила там же, где и вчера. Она наверняка запомнила, где место жировки ушастого умника и первым делом поспешила туда. Заяц заложил круг в другую сторону, не как вчера, и я понял, что у меня есть шанс успеть добежать и перехватить его у нор. Но что-то уж больно быстро выпрямляется заячий путь! Я бежал изо всех сил, но явно не успевал. И тут, к моему удивлению, голос собаки как бы расширился, приняв ещё несколько оттенков, набрал силу, заполняя окружающее пространство, насыщая лесополосы, овраги, перелески каким-то густым и тягучим, как мёд, звоном.

И тут, на бегу, я понял: так это же две собаки! «Эх, чёрт, сейчас Шельма бросит след», — разочарованно подумал я, нажимая изо всех сил. Отчётливо различался красивый бас нашей певуньи и тонкий, мелодичный, с переливами голос чужой собаки. Вместе, сливаясь в одну мелодию, голоса собак исполняли неповторимую композицию, наполненную через край неописуемым диким азартом, каким-то заразительным восторгом первобытного охотника.

До нор осталось метров двадцать и я скорее почувствовал, чем услышал, что собаки, не прерывая жаркого гона, перевалили через плотину и спустились на лёд. «Так ведь на меня же гонят!» — понял я и, остановившись, повернулся им навстречу. Здоровый серый русак, оторвавшись от собак метров на 100—150, мчался по-над берегом по льду и, наверное, собирался меня обогнать. Заменить два ноля в контейнере на мелкую дробь я уже не успевал и, вскинув свой старенький «Зауэр», судорожно отдуплетил в уже рванувшего на крутой берег косого. Он закувыркался и, разбрызгивая по белоснежному снегу ярко-красный бисер, покатился вниз, вытянувшись на льду.

А я уже стоял, замерев, всем существом своим внимая волшебной музыке гона. Сердце бешено стучало в груди, в руке парила снятая шапка. Я не мог понять, что творится, почему собаки гонят ВМЕСТЕ, и радость наполняла мою душу. Вот это охота! Вот это гон! Никогда раньше мне не приходилось слышать такой музыки в собачьем исполнении. И, честно говоря, я с лёгким недоверием относился к классическим гончатникам, утверждающим, что нет мелодии красивее и приятнее, чем азартный непрерывный гон отлично работающих собак. Так вот что это на самом деле! Вот почему истинные гончатники в течение всей жизни верны только одной охоте — охоте с гончими и редко заводят менее двух собак.

И тут, из-за изгиба берега пруда, по льду, по горячему заячьему следу, не смолкая, понеслись собаки. Удивлению моему не было предела! Впереди — незнакомая русская гончая, а за ней, метрах в полутора — моя Шельма. Такого не было никогда: ни до, не после. И что случилось в тот раз с нашей своенравной собачкой, навсегда останется тайной.

Добежав до меня, они одновременно увидели поверженного зверя и, соблюдая, видимо, какой-то собачий этикет, не подходя близко к зайцу, обошли его по кругу, ворча друг на друга и показывая клыки.

Радости моей не было предела. Что это был именно «профессор», я не сомневался. А то, как я его добыл, останется в моей памяти навсегда. И навсегда память сохранит образ Шельмы и образ той, неизвестной выжловки-певуньи.

Повесив зайца на плечо, я зашагал к дому. Охота получилась прекрасной и других впечатлений мне уже не хотелось.

НА ОВСАХ

И. КОМАРОВ

Особенность охоты в сентябре у нас заключается в том, что она ведется с лабазов. И как обычно мы с отцом решили сходить на медведя. Около обеда, объехав засеянные овсом поляны, узнали где именно кормится медведь. Осмотрев кормежку и следы зверя, мы поняли, что тот достаточно крупный и добыть его будет трудно: возможно, этот медведь уже приходил к нам на поля в прошлом году, и обхитрить тогда его у нас не получилось.

Следующие три дня шел проливной дождь, и охоту пришлось отложить. Но, как известно, на смену непогоде обязательно придут солнечные дни. Так и произошло. И в один из таких дней мы собрались на охоту. Приехав в поле около полпятого, разошлись на две соседние поляны, а наш товарищ Алексей, догнавший по дороге, сел через дорогу от нас.

После того, как я залез на лабаз, первым делом стал слушать: а вдруг медведь уже на подходе. Но стояла мертвая тишина, ветра не было. Я уже стал сомневаться в том, что зверь придет, но после нескольких минут раздумий услышал треск в лесу, по которому понял, что это медведь. Время пролетело незаметно, на часах было уже около семи часов, но мишка на поляну так и не вышел. Треск то приближался, то вновь отдалялся, и только около девяти часов послышалось фырканье у самого края поля. «Это медведь прогоняет с поля своих конкурентов», — подумал я и стал готовить ружье.

И в этот момент поле озарилось ярким ослепительным светом, на небе появилась луна. Я стал подумывать о том, что медведь не выйдет на поле, так как звери боятся луны. У меня бывало так, что стадо кабанов свободно ходило по полю при лунном свете. Но зверь-одиночка никогда не выходит на поле при луне, и этот медведь доказывал, что это так.

Минут через пятнадцать я услышал треск в самом углу поля, куда лунный свет не попадал, а еще минут через двадцать чавканье. Мой опыт (раньше мне уже приходилось различать звуки, издаваемые зверем во время кормежки) не подводил меня — это медведь.

Момент выстрела все приближался, включив «ночник» (прицел ночного видения), я периодически просматривал поле, но косолапого нигде не было видно. Может, лег в борозду и наблюдает за мной. Посмотрев еще раз в прицел, я увидел большое черное пятно — медведь! Стрелять никак нельзя. В это время лунный свет начал постепенно угасать, и зверь стал подниматься выше по полю. И вот он в пределах видимости, я стал целиться, но он стоял передом ко мне. Вдруг медведь вскочил и побежал к лесу, таким образом оказавшись ко мне боком. Прицелившись впопыхах, я спустил курок. Медведь остался на месте. Все-таки удалось перехитрить. Минут через десять позвонил отцу, кратко рассказал о произошедшем, стал ждать отца и его напарника. Через полчаса прибыл отцовский уазик. Выпустив собак, мы втроем двинулись к месту выстрела. Подходили осторожно, не торопясь. Подойдя метров на сорок, мы увидели, что раненый зверь поднимает передние лапы и пытается встать. Собаки упорно облаивали зверя. Подойдя еще ближе, отец сделал контрольный выстрел в голову. Все закончилось. Ободрав медведя, мы нашли две оружейные пули в шее и позвонке. Шкура была не слишком хороша, но зато огромна. Алексей сказал, что хочет оставить шкуру на память, и на следующий день мы отвезли ее таксидермисту. Этого медведя я запомнил надолго. Охота на него была одной из самых интересных в моей жизни. Как выяснилось потом, ему было около двенадцати лет. А большая шкура зверя висит на стене моего товарища.

Первая охота

Рассказ моего отца

И. ШАРОХИН

«Было мне тогда лет одиннадцать, может, с хвостиком. Времена послевоенные, голодные...

Рос без отца, матери — не до меня, три сестры моих да хозяйство на ней.

Я после школы, а то и вместо нее, убегал в поля да леса. Скажешь, бывало, с утра матери: «Я пошел». А сам сунешь портфельчик свой под сундук в сенях, выскочишь к сарайчику дровяному. Там в поленьях спрятан был у меня самопал, стрелявший гвоздями рубленными, и припасы к нему. Самопал этот я сам сделал из стальной трубки от старой кровати с шишечками. Порох военный — винтовочный, из патронов добытый. Тогда этого добра много было.

Схватишь свое оружие по-быстрому и на охоту... Бес какой-то во мне сидел, не мог без этого дела! Да и сейчас — не могу... От отца эта страсть ко мне, видно, перешла. Отец заядлым охотником был. Ружье-то его мать еще в сорок первом году променяла на воз дров. Топить печку нечем было, а зима — студеная. Вот и мечтал я о ружьеце, каком-никаком. Бегал с самопалом и мечтал...

Пока идешь по лугам к лесу, а идти долго, смотришь — там заячий след, тут... Начинаешь разбирать, а он напетлял так, что голова закружится ходить за ним. Зайца много, непуганый он. Столкнешь, бывало, русака с лежки, он отскочит шагов на пятнадцать — два-дцать, сядет и смотрит, кто это его потревожил. А ты выцеливаешь его из самопала и — «чирк» да «чирк» — краем коробка по спичкам, привязанным у затравки. Долго чиркаешь... Потом как — га-а-ахх! — вдарит самопал. Гвозди — вз-и-ии! А зайца уж и след простыл! Дробь самодельная и не долетела до него. Обидно... Шуму много, толку нет! Так и охотился...

Раз без глаз чуть не остался: ствол самодельный разорвало. Порошку винтовочного пересыпал. Лицо обожгло, да все ресницы опалил. Опух, — шапка не налезала. Да тут еще мать узнала, что я вместо школы за зайцами бегаю, выпорола крепко...

Так вот ходил я на зайцев и мучился, Очень хотелось русачка заполевать. И матери с сестрами — добавка на стол, и мне — душу отвести.

Был у меня дядька. Геройский дядька, Сапун-гору брал под Севастополем. Контуженым и раненым с войны пришел домой. Старый охотник, яростный, азартный, но своеобразный. Было у него тогда ружьишко одно, на которое я, признаюсь, давно глаз положил. Ружьишко-то так себе. Берданка старая. Ложа треснута, подбита гвоздиками. Ствол к цевью прикручен медной толстой трехгранной проволокой, какой бочары бочки у нас стягивали. За этой проволокой и мушки-то не видно! Да, ладно! Все же ружье, стреляет, — не самопал с гвоздями...

И вот повадился я к дядьке: «Дядя Саня, дай ружье на зайцев сходить. Ну, дай!» Привязался, не оторвешь. А Саняга, так его звали в селе у нас, был тот еще жук... Говорит мне (картавил он, смешно выговаривал): «Ва-вентин, вон на двове пни березовые. Наколи двов мне на неделю. Тогда, может, и дам тебе вазок с вужьем моим по вусачку пвойтись».

Пришлось два дня после школы дрова Саняге колоть. Он доволен остался. Говорит: «На, беви вужье. Пользуйся на здововье! Только патвонов у меня сейчас только тви снавяженных осталось. Повоха нет. Да поаккуватней там, смотви. Вужье бевеги!» Не бердану ржавую — «Зауэр три кольца» отдает!

Взял я берданку да три окисленных «патрона» к ней и скорее домой, пока Саняга не передумал. Счастливый до безобразия!

На следующее утро — в воскресение, чуть свет — я уж в путь наладился. Лыжи, оставшиеся от отца, к валенкам привязал, хлебца малость за пазуху в тряпочку положил. Патроны к бердане в карман штанов засунул. И айда в поля!

Иду за огородами к речушке, которая по задам села течет. Узкая речушка, глубокая, берега у нее высокие, крутые. Снегу много надуло в ту зиму рыхлого. Козырьки снежные на берегах висят. Смотрю, вдоль берега русачий след тянется. Русачок наползал туда-сюда. Тут травинку какую откопает, пожует, там какой прутик погложет... Я по следу иду, разбираю... Смотрю, он на лед спустился. Вдоль речки поскакал. Я за ним. Думаю, нужно ружье зарядить. Скинул рукавичку, затвор у берданы назад отвел, достал из штанов патрон, а патрон-то в патронник и не лезет! Старая латунная гильза — раздуло, а Саняга ее через оправку и не прогнал. Что делать? Давай второй пробовать заряжать — вошел. С трудом, но затвор закрыл. Все, готов к «бою»!

Иду, посматриваю... Вижу след заячий попетлял, попетлял, вышел напрямую. Дует заяц прямо по середине реки. Я — дальше. Идти неудобно. Снег со льда почти весь ветром сдуло. Лед голый местами, чуть припорошенный снежком. Лыжи — большие, разъезжаются. Грым, грым — по льду. След тоже то появится, то пропадет...

Смотрю — сдвоил русачок, обмануть хочет. А я-то уже знаю эти его уловки, с шести лет по полям-лесам бегаю. Стал смотреть, где косой скидку сделал. Так и есть, вот она! Аккуратненькая такая, следок от всех четырех лапок можно ладошкой прикрыть. Так, где же ты залег-то, друг любезный?

А сердце у меня все громче стучит. Чую, рядом где-то косой. Я уж поудобнее свое ружьецо перехватил, посматриваю по сторонам, приглядываюсь. Глядь, а под козырьком снега наметенного, прямо в берегу — вроде норки. И мелькнуло там что-то... Точно, морда заячья! Вон и уши с черными кончиками торчат, — навострил. Сидит, следит за мной: уйду или нет.

Поднял я берданку свою, приложился поплотнее. «Чик» — осечка! Чтоб тебе... Еще раз взвел — «чик». Опять осечка! Капсюль «центровой» слабенький, или в бойке уже силы нет... А заяц сидит, не шелохнется. «Чик»! «Чик»!

И тут у меня как рявкнет: Ша-р-р-рааах!!! Да весь заряд под зайца, в берег. Руки-то у меня устали тяжелую бердану туда-сюда поднимать, опускать, дрогнули. Вот и дал низа.

Зайца как ветром сдуло. Вылетел из своего убежища и ко мне на лед. Поскользнулся, перевернулся да мне под лыжи... От страху, или от контузии какой орет мой заяц во весь голос. Я-то вообще до тех пор не знал, что зайцы так кричать умеют. А тут услышал этот крик, испугался страшно, отшатнуло меня аж от него, запутался я в лыжах своих, к валенкам сдуру привязанным. Упал, лежу, пытаюсь от косого отползти и лыжей его от себя отталкиваю. А косой от меня и сам не может отпрыгнуть, скользит, царапает лапами по льду и орет благим матом. Изловчится, скакнет вроде на берег отвесный и скатывается опять мне под ноги.

Я, на смерть перепуганный, про охоту и ружье позабыл. Держу его крепко за ремень, а сам на карачках на другой берег ползу, лыжи волочу. И тоже скатываюсь обратно, туда же, к зайцу этому сумасшедшему. Картина, скажу я вам... Тут уж не до охоты!

Так и ковырялись мы с зайцем этим, пока косой не нашел, где лапами зацепиться, и не вскочил наконец со льда на берег. А я отдышался, посидел еще немного, встал на лыжи, отряхнул снег с одёжки, выбил его отовсюду, да и пошел к дому...»

Так рассказывал мне о своей первой охоте с настоящим ружьем на зайца мой отец — заядлый охотник, проживший долгую, временами тяжелую жизнь, но никогда не отрекавшийся от страсти, захватившей его еще в детстве, — страсти к охоте.

Первая охота не отбила «охоты»...

На чучела

Ф. ТАРХАНЕЕВ

— Вот и дедушка Северьян Иваныч, — сказал хозяин моей квартиры Павел Степаныч, встречая у дверей старика. Старик снял шапку и степенно поклонился:

— Хозяевам доброго здоровья!

Я посмотрел на вошедшего и изумился: передо мной стоял елочный «Дед Мороз» — серебробородый, румяный, в овчинной шубе, с большим лохматым воротником, в серых пимах-валенках...

— Присаживайся, дедушка, — сказал я и подвинул ему стул.

Он улыбнулся и сел.

— Весело ли живешь? — спросил его Павел Степаныч.

— Живу помалу. Я ведь двужильный, — посмеялся старик. — Вчера мой младший сынок заходил. Приехал, говорит, из города охотник. Узнал, что я мастер чернышей[1] гонять.

— Очень, очень рад, — говорю, — Северьян Иваныч, что пришли. Не съездим ли за косачиками?

— Дело доброе. Утром запрягем Сивко, поставим короб, сена наложим — и марш.

— Ты уж, Северьян Иваныч, выручай, — хлопотал Павел Степанович.

— Не впервой... По снежку-то милое дело прокатимся. Пойду готовить сани. Ну, до утра! — старик пожал мне руку и ушел.

...Утром было еще совершенно темно, когда в окно постучали.

Я собрался и вышел на улицу. У ворот стояла лошадь, в большом коробе сидел дед Северьян.

— Садись сюда вот, — указал он.

Северьян направил лошадь на дорогу, и она бойкой рысью потрусила к лесу,

— Но-но, ты, Лимонный звон! — торопил дед коня.

Быстро проехали по селу. Дорога пошла полями среди частых березовых колков. На востоке чуть чиркнула полоска раннего рассвета.

— К разу доспели, — посматривая на рассвет, сказал Северьян Иванович. — Километра два, не более, осталось...

Когда мы приехали к месту, где была закрадка, на востоке вспыхнула ярко алая заря.

Мы быстро подправили закрадку и положили в нее сена. Северьян Иванович нашел припрятанный подчучельник, прикрепил к нему косачиное чучело. Не прошло и пяти минут, как старик уже кружился вокруг кудрявой березы, по сучьям поднимаясь до ее середины. Вскоре я поднял шестик с чучелом, установил его с таким расчетом, чтобы чучело сидело чуть ниже вершины, грудкой к ветру.

— Ну, как! — крикнул он мне.

Я отошел в сторону.

— Как живой!

Старик спустился с дерева, сел в короб и уехал в загон.

Заря догорала. Сквозь голые ветви березника было видно, как на горизонте всплыло огромное малиновое солнце. Еще дремали окрестные леса. Тихо. И тишину вдруг нарушил легкий шорох... Метрах в двадцати сел заяц на задние лапки и пошевелил ушами.

Я выстрелил. Заяц высоко подскочил и замертво упал.

Над березниками пролетела стая ворон. В лесу просыпалось все пернатое население.

Зашумели крыльями подлетевшие косачи и уселись на вершины.

После моего выстрела сидевший около чучела косач камнем упал под березу, остальные улетели.

Их место вскоре заняли два других косача.

По тому, как они подлетали, видно было, что их гонит умеющий и знающий свое дело загонщик. Птицы летели не скопом, а маленькими стайками.

Когда ко мне подъехал Северьян Иванович, у меня уже было шесть убитых тетеревов.

— Ну, как? Счастливо ли? — весело закричал мой загонщик.

— Полдюжины, да заяц!

— Вот и дело! С полем! Больше гонять нельзя! Косач с березников на землю спустился.

Дед легко забрался на березу, снял чучело, припрятал подчучельник.

— Еще сгодится. Здесь хороших-то подчучельников не лишка, — ворчал дед, усаживаясь в короб.

Меня поражали его ловкость и сила.

— Сколько вам лет? — невольно спросил я.

— Мне-то? — Северьян Иванович улыбнулся. Мелькнули белые, точно фарфоровые зубы. — Да вот недавно семьдесят пять исполнилось, семьдесят шестой пошел. — Вьюноша еще! — засмеялся Северьян. — Вот моему отцу сто пятый годок, а он еще дрова сам колет... Дед до ста двадцати жил... Так-то...

Северьян сложил убитую дичь, усадил меня, и Сивко бойко затрусил к дому.

Солнце уже высоко поднялось над лесами и ослепительно ярко блистало на светлых снегах.

Северьян неожиданно остановил Сивка.

— Смотри-ка! Вот ушкуйники! После нас прошли. Утром, как сюда ехали, я смотрел — следу не было.

— Волки, — посматривая на следы, сказал я.

— Они, проклятые, видно на хутор за добычей ходили!

Я вылез из короба и внимательно осмотрел след.

Свежохонький следок-то, два или три волка прошло.

Посмотрел и Северьян Иваныч: Не два, и не три, а целое волчье гнездо — штук десять...

— Далеко ушли?

— А кто их знает! Может быть, легли на ближней согре.

— Северьян Иваныч, поедем, последим стаю!

— Ну-к, что же! И то можно.

Он направил Сивка по волчьим следам. Напряженно всматриваясь, мы проехали километра три.

— Вот и болото! — кивнул дед Северьян, — мы его кругом объедем. Если выхода нет — значит, в этой согре залегли...

— Картечь-то у меня мелкая — семь в ряд! — вздохнул я.

— На наше счастье, может быть, и недалеко окажутся, — утешал меня Северьян Иванович.

Но болото объехать не пришлось.

— Гляди, гляди! Вон они! — крикнул Северьян Иванович, указывая на кромку болота, где среди кустов тальника мелькали силуэты волков.

Метров за сто перед нами на прогалину выскочил матерый волк. После моего дуплета он встал на задние лапы, повернулся и бросился обратно в болото, а за ним и вся стая.

Вдруг случилось то, чего мы никак не ожидали.

Сивка, увидев волков и услышав сзади выстрелы, с силой бросился в сторону, вожжи вылетели из рук Северьяна Ивановича, веревка, которой был привязан короб к саням, оборвалась, короб скользнул с саней, и мы оказались в снегу. Вправо от нас по снежной поляне убегали волки, а влево, к поселку, скакал наш Сивко...

— Ах, Лимонный звон! — ругался Северьян Иванович, но делать было нечего. Он скинул тулуп.

— Вы оставайтесь здесь, а я пойду догонять лошадь, — скомандовал он. В легком полушубке старик бойко зашагал по следам убежавшего Сивка...

Проводив взглядом Северьяна Ивановича, я вылез из короба, прикрыл сеном убитую дичь и пошел на волчий след.

В том месте, где я стрелял в волка, на снегу я увидел несколько пятен крови, но дальше кровь исчезла. Волки перешли болото и скрылись.

Часа через два послышался шорох и из-за колка появился дедушка Северьян верхом на Сивке.

— У самого поселка поймал стервеца! А как волки?

Я рассказал о своей неудаче.

— Сейчас их не найдешь, в Кривое болото ушли, а ему ни конца, ни краю...

...Недели через две Северьян Иванович поехал березником в Кривое болото и услышал крики ворон и сорок.

— Упадь[2], должно быть, — решил он и свернул коня к месту, где кричали птицы.

Там в снегу лежал сильно расклеванный птицами волк. Он отрубил волку голову с выклеванными глазами и привез мне в подарок на память о встрече с волками.

---

[1] На Урале чернышами называют тетеревов

[2] Труп зверя

Парфорсная охота императора Франца Иосифа I в Гёдёллё (1886 г.)

Войчех КОССАК. Перевод с польского Ф. Логинова

...Осенью 1886 года через конюшего двора князя Турн-Таксис я получил приглашение на придворную парфорсную охоту в Гёдёллё под Будапештом. Как и Лайнц близь Вены — это ещё одна охотничья резиденция императора, и так же любима им, как Лайнц. В них он чаще проводит время, чем в огромном холодном Шёнбрунне или скучном Бурге.

Охотничье общество в Будапеште, первым акционером которого является император, а точнее, король (не дай Боже, забыть об этом в Венгрии, что считается здесь личным оскорблением), состоит только из венгерской аристократии, за исключением нескольких лиц из высшей австрийской знати.

Гости императора располагаются на квартирах в недалёком местечке Капостас Мадьяр, где также находятся императорские конюшни и небольшой дворец графа Ники Эстерхази — мастера императорских охот. Сливки венгерской аристократии приезжают из своих дворцов в Будапеште сюда, на место сбора, где их ждут лошади и слуги, в каретах, а теперь — в автомобилях.

С детских лет я ездил верхом и был страстным любителем верховой езды, много раз охотился с борзыми, а позднее — на специально подготовленных для продолжительной скачки лошадях в Павловицах в Княжестве Познанском и на Подоле на Украине. Однако только в Гёдёллё увидел я парфорсную охоту высочайшего класса во всём её великолепии. И хотя позже мне довелось охотиться со стаей гончих императора Вильгельма и в Англии, мне уже никогда более не приходилось видеть столь великолепных лошадей, всадников и гончих собак; разве что у графа Юзефа Потоцкого в Антонинах. Только там, как и в Гёдёллё, всё организовано не просто безукоризненно, но даже в мелочах несёт на себе печать идеала. От сапога выжлятника вплоть до лошадей, взнузданных и осёдланных по-охотничьи — всё точно такое же, как у мастера охоты и его коня. Всё это на английский манер, что превращает даже сапог в предмет эстетики для тех, разумеется, кто эту эстетику ценит. Как в Антонинах, так и в Гёдёллё все лошади — вывозные из Ирландии (гунтеры); и те же бескрайние просторы, только в Антонинах т.н. подольские стенки делают езду более рискованной.

Десять часов утра. Тает осенний туман, бледное солнце постепенно покрывает позолотой уже покрасневшие виноградники, полосы чернозёма и островки берёз. Сбор назначен сегодня под Палота (ж.д. станция между Пештем и Гёдёллё). Группки мужчин в красных камзолах, чёрных цилиндрах, белых бриджах и высоких сапогах, некоторые — в меховых накидках, притоптывают ногами по земле. Прохладно, воздух ещё не прогрет октябрьским солнцем. Эти господа — потомки знатных венгерских родов, среди которых щедро представлены семья графов Эстерхази — Ники, Тони, Ману, Мики и Мориц, а также семья графов Андраш — Аладар, Дьюла, Тиводар и Геза. Далее графы Надажди, Чеконич, Текели и Бласкович, а также барон Гемминген (командир моего уланского полка, добрый солдат, но в истории 1863 г. записался несимпатично — чинил препятствия для польских повстанцев, уходивших через границу).

Поодаль — несколько десятков верховых лошадей, укрытых попонами в руках коноводов. Почти все лошади – ирландские гунтеры. Бросаются в глаза прочные широко поставленные ноги, мощные крупы и поясницы. Внешне кони несколько напоминают породистых бульдогов, однако все они прекрасны своей какой-то особой охотничьей гармонией, экстерьером и мощью.

Ещё дальше на пригорке, на фоне берёзового лесочка, в свете осеннего солнца, — картина, играющая чудесными красками: несколько десятков английских гончих. Все поголовно белого окраса с одной — двумя чёрными отметинами по спине, жёлтые головы с прекрасными чёрными глазами. Возбуждённые гончие нетерпеливо машут хвостами, дрожат от охотничьей страсти, но абсолютно покорны воле трёх всадников на серых ирландских лошадях. Это англичане, стройные и ловкие как греческие боги: м-р Соммерс — ловчий, м-р Хаберфилд — доезжачий и м-р Аллайн — выжлятник. В руках у них длинные английские арапники. Стоит только одной из выжловок заворчать на другую или позволить себе что-то лишнее, как тут же следует меткий, как выстрел, удар хлыста: «Тихо, Боевой!», или «Назад, Мисс Дуглас!»

Прекрасные собаки дрожат как в лихорадке, но сидят с навострёнными ушами, внимательно глядя вдаль в сторону Гёдёллё. Англичане смотрят туда же. Без пяти минут десять. Через три минуты из лесочка на горизонте появится открытый экипаж императора, и через две минуты он будет здесь. Пунктуальность императора Франца Иосифа так чрезвычайна и так известна, что его опоздание на четверть часа вызвало бы серьёзное беспокойство, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

И правда, без двух минут десять ве-

Император Франц Иосиф I в охотничьем костюме, 1909 г.

ликолепной широкой рысью вылетает четвёрка белых липицианов, запряжённых в коляску императора, за ней — вторая и третья. Движения этих 12 почти чистых арабов настолько прекрасны, что мы не можем оторвать взгляда от этого зрелища. В первой коляске — сам император и князь Рудольф Лихтенштейн, во второй — великая княгиня Гизела со своим адъютантом бароном Перфаллем в мундире баварского кавалериста, в третьей — граф Кауниц и князь Виндишграц. Все в молчании обнажили головы. Император легко выпрыгнул из коляски, вежливо всем поклонился и, скинув с плеч бобровую накидку, стройный и ловкий, хотя уже совсем седой, закурил сигару. Тотчас в руках охотников появились портсигары, вверх потянулись голубоватые дымки. Шум говора и свобода жестов уступили место тишине торжественного приветствия в соответствии с этикетом.

Должен отметить некую деталь, интересную, однако, только для охотников: полагающаяся форма для всех участников охоты — цилиндр, длинный красный камзол с одним рядом пуговиц, белые бриджи и высокие сапоги или краги. Мы, приглашённые, не имеющие розетки (пуговицы с монограммой данного общества охотников), одеты точно так же: цилиндр, белые бриджи, высокие сапоги (краги), но камзол коричневый или тёмно-зелёный. Единственный джентльмен в чёрной жокейской каскетке — это мастер охоты граф Эстерхази;

кроме него, также в каскетках, ловчий, доезжачий и выжлятник.

Император подал знак рукой, и ему подвели коня. Этот конь до сих пор стоит у меня перед глазами: огромный серый «шпак» по имени Лимерик. Прекрасный конь, он сразу мне понравился, а после охоты, оценив его полевые качества, я взирал на него с искренним восхищением. Одновременно с императором все сели на коней. Мне в тот день подвели ирландскую красавицу-кобылу серой масти. Старший берейтор императора по имени Фляйер поведал мне её историю. Император сел на неё только один раз. Он поехал на прогулку на Пратер, но перед ними вылетел какой-то пёс, кобыла испугалась, выскочила с гаревой дорожки на асфальт, поскользнулась и споткнулась. Этого было достаточно, она погубила свою карьеру навсегда. Император Франц Иосиф счёл, что он занимает достаточно высокое положение и весьма щедро платит за лошадей, чтобы они под ним не пугались и не спотыкались.

Скачу на этой прекрасной лошади, стараюсь держаться в хвосте, и неожиданно вижу перед собой какие-то заросли ивняка и ракиты. Вокруг этих зарослей на приземистых лошадках, напоминающих поло-пони, снуют подгонщики — всадники в зелёных куртках с перевешенными за спину лопатами в кожаных чехлах с металлической окантовкой. В отличие от англичан — небритые, усатые, воинственные типы на своих пегих лошадках производят сильное впечатление. Но жокейки, бриджи и сапоги на них так же, как на англичанах. Они устремляются в заросли, чтобы выставить оттуда лисицу.

Все остановились. Среди красных камзолов вижу императора. Он как раз слегка повернулся в седле и, глядя в мою сторону, приветливо машет кому-то рукой. Абсолютно уверенный, что этой чести удостоен не я, а кто-то стоящий за мной, оглядываюсь — никого. А император, которого всё это, похоже, забавляет, подъезжает ко мне со словами: «Рад тебя видеть, Коссак! Надеюсь, охота сегодня будет удачной, и ветер подходящий. Думаю, что и конь, на котором сидишь, тебе понравится!» Я готов был ответить: «Государь, я хорошо разбираюсь в лошадях, а уж этим конём так доволен, что не слезал бы с него до ворот своей конюшни в Кракове!»

Тем временем лису выгнали из зарослей на чистоту, раздалось подзадоривающее собак порсканье англичан: «tally ho! tally ho!» Гончие взвыли и бешеным ходом понеслись за зверем. Огромный лисовин, пару раз махнув хвостом, исчез за каким-то виноградником, и, опередив собак, помчался в поле. Теперь гончие летят по его следу, их носы почти касаются земли, белые хвосты напряжены. Всё это несётся как ураган под порсканье англичан и звуки охотничьего рога, аж воздух свистит.

Передо мной — стена всадников, моя кобыла идёт как машина, ровным, свободным, широким галопом. Чувствую, что моего веса она почти не замечает... Проходит полчаса, мы по-прежнему галопируем в том же темпе... Проходит ещё полчаса, с коней слетают клочья пены, как куски ваты, с моей кобылы также, но она продолжает идти свежо, весело фыркая в такт каждому скоку. Мне становится жарко, кажется, что всё это не наяву, что это какая-то галлюцинация... целый час такой скачки!?

Всадников всё меньше, расстояние между мной и императором постепенно сокращается, вот уже приближаюсь к императорскому коню. «Hurry up! Hurry up!» — порскают англичане. Лимерик мощным прыжком перелетает через высокий полутораметровый забор, император сидит безукоризненно, за ним прыгаю и я... В ушах всё чаще слышно: «Go on! Hurry up!» Более слабые собачки притомились, выжлятники их подгоняют, розовые языки свешиваются изо ртов. Уже не видно великой княгини, не видно многих пожилых всадников. Нас было около 60-ти, теперь, может, наберётся половина. Но что это!? Ветер вместе со свистом доносит до меня какое-то хоровое пение, перед нами закрытое пространство, аллея старых деревьев... пение всё слышнее... может, сельская школа исполняет гимн для короля Венгрии, думаю я, но, в конце концов, это меня не касается... Аллея уже — вот она! Старые ветвистые тесно посаженные липы... Лимерик снова поднимается в прыжке... «Go on!»... Прыгаю и я, кобыла взлетает как птица, кровь в ней кипит, мы оба словно с ума по сходили! Господи Боже! Что это!? Слева и справа изумлённые мальчики с молитвенниками в руках, какая-то печальная толпа людей в чёрном... Император передо мной, не успевая из-за нехватки места придержать коня, он прыгает через другой ров, лишь приподняв цилиндр, и я вижу... отчётливо вижу гроб, который несут на плечах четыре человека в чёрном и гончих, несущихся по следу у них под ногами и под гробом. Перелетаю через второй ров и догоняю императора. Старые липы заслонили нам похороны. Наверное, это не было приятно императору, но художественный контраст между радостью скачки, между цветами жизни и чёрной смертью — картина, которую невозможно забыть. Ещё при жизни великого князя Отто Габсбурга, который отличался экстравагантными выходками в седле, мне говорили, что ему как-то довелось прыгать на коне через гроб с покойником. Не знаю, насколько это правда, но я не хотел бы связывать нынешний эпизод с тем, которого я не видел.

Теперь мы скачем по озимым, тяжёлые комья чернозёма из-под копыт впереди идущих лошадей летят на красные камзолы немногочисленных уже всадников. С озимых след ведёт в молодой лесок с густыми зарослями. Собаки скрылись в нём, англичане за ними, а Лимерик уже за леском, и снова мощным прыжком перелетает через изгородь, я прыгаю сразу за ним и оказываюсь в непролазной чаще. Заслоняю рукой глаза от ветвей, чувствую удар в колено, какая-то ветвь рубанула меня по спине. Чаща редеет, государь на Лимерике всё время передо мной скачет галопом в прежнем темпе, цилиндр на его голове сидит прямо, он смело и ловко маневрирует между стволами деревьев. Снова открывается поле и зелень озимых, слышим сигналы рога и плач собак. Поворачиваем за только что пересечённый нами лесок и в заходящем осеннем солнце видим плотную стаю гончих. Бедняги лают и скулят ужасно, машут их поднятые хвосты, головы задраны, глаза и носы нацелены в одну точку. В середине стаи стоит ловчий, в правой руке у него арапник, а левой — высоко поднимает лисицу, держа её за загривок, великолепный хвост свисает безжизненно. Он-то и есть центр при-

Семья императора

тяжения налитых кровью глаз и дышащих жаром пастей с вывалившимися языками. Англичане уже соскочили с коней: «Адонис! Калла! Арап! Назад!» Арапник то и дело стреляет в плотную группу собачьих тел, всегда попадая концом в провинившуюся. Разъярённые, жаждущие лисьей крови гончие настолько обозлились, что только англичане могут бить непослушных и распихивать их ногами; кого-то другого они были бы готовы разорвать.

Император спешивается, спрыгиваю на землю и я. Смотрю на свою дельную кобылу и застываю, как громом поражённый... Только бы поскорее спрятаться и не показывать кобылу государю. Что я с ней сделал! С обеих сторон по крупу огромные пятна застывшей крови, на плече — длинная царапина... Расстроенный, уверенный, что из императорской конюшни коня мне уже больше никогда не дадут, тяну кобылу за повод в кусты. Что мне делать? Прекрасная серая кобыла похожа теперь на фризскую красно-пегую корову. Слышу, что меня кто-то зовёт. Это подполковник Бежевич, один из конюших императора. «Куда Вы спрятались? Император Вас спрашивает!» Молча указываю ему на своего коня. «Что, Вас расстроили эти пятна? Пустяки, колючки расцарапали её в чаще, а кровь разошлась с пеной, как по бумаге! Смотрите!» И он с лёгкостью стал стирать рукой в перчатке уже подсохшую красноватую пену. «Но, оставим этого немного, государь любит отчаянную езду».

Я вздохнул с облегчением и подбежал к императору. От всей кавалькады нас осталось лишь пятеро: император, князь Лихтенштейн, князь Виндишгратц, подполковник Бежевич и я. Государь в прекрасном настроении велел подать себе серебряную фляжку с вишнёвой настойкой и, немного отпив, передал её нам четверым по очереди. Он утёр свой длинный сивый ус и обратился ко мне: «Ты, Коссак, принёс нам счастье, это самый лучший гон, какой мы здесь имели!» И правда, эта скачка продолжалась один час и 40 минут!

Вечером за кофе в Капостас Мадьяр ко мне подошёл подполковник Бежевич и торжественно заявил, что должен сообщить мне что-то очень важное: «Его Величество после нынешней охоты спросил меня: «Где Коссак научился так ездить? Ведь он первоклассный полевой ездок, а то, что он год прослужил в кавалерийском полку, так это ведь ничто». «Ваше Величество, — ответил я, — он кровный поляк душой и телом, а поляки — это прирождённые кавалеристы. Большинство молодёжи в Польше с детства ездит верхом».

Слова государя, великолепного наездника, имеющего первую конницу в мире, останутся в моей памяти навсегда. После высочайшей похвалы на охоте мне стали давать более строгих и горячих лошадей. Все они были либо привозные гунтеры, либо чистокровные с заводов императора. Однако некоторые лошади требовали необычайно мягкой руки, потому что при виде красных камзолов и звуках рога они попросту сходили с ума и покрывались пеной ещё до того, как прибывали на место, где был поднят зверь.

Два раза в неделю проводилась охота на лисицу и каждую субботу — на оленя. Олень убегает быстрее лисицы, мчится пока хватает сил. Охота бывает более скоротечной — обычно три четверти часа, и завершение очень неприятное, по крайней мере, для меня. Выдохшийся измученный олень с вылезающими из орбит налитыми кровью глазами, лишь бегает рысью по кругу, пытаясь ударами копыт отогнать разъярённых собак. Спасение обычно приходит слишком поздно. Вот уже ловчий и выжлятники арапниками отгоняют гончих, и олень сразу падает, тяжело водя боками и высунув язык. Подъезжает та же деревянная клетка, из которой час назад великолепное животное было выпущено на предательскую свободу. Ещё дышащего оленя в неё втаскивают, однако редко когда его довезут до зверинца живым. Его переполненное кровью сердце обычно не выдерживает и разрывается.

Два раза в неделю также устраивается охота по зайцу с малыми английскими гончими. Государь, однако, за зайцами не гоняется.

Николай Алексеевич Заика с дратхааром Чаком и трофеем

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»! Разрешите со страниц вашего журнала поздравить с 60-летним юбилеем нашего папу, мужа, дедушку — Заика Николая Алексеевича. Отец с детства мечтал быть охотником. Первый раз он побывал на охоте со своим старшим братом Павлом в 7 лет.

Сейчас он имеет 3 ружья, серьезное охотничье снаряжение. На его счету немалое количество трофеев — утки, чирки, перепела, фазаны, зайцы. В нашем доме есть небольшая коллекция чучел: заяц, фазан, селезень с уточкой. Каждый раз всей семьей мы ждем его с охоты.

После удачной охоты мама собирает всех на ужин и угощает вкусными изысками: заяц с капустой, гусь с яблоками, утка с медом и горчицей. У папы светится лицо от счастья и гордости.

От всего сердца поздравляем с 60-летним юбилеем дорогого нашего папу, мужа, дедушку и хотим пожелать, чтобы охота была удачной, жизнь счастливой, а семья благополучной. Пусть цель всегда будет достигнута. Мы все очень любим тебя и гордимся тобой!!!

Семьи Заика, Сергеевы, Жестовские
Ст. Анастасиевская, г. Новороссийск

Охота на сурка

Двух сурков я, Юрий Сергеевич Гайворонский, добыл в Оренбургских степях в частном хозяйстве «Технология» ранним утром, до начала жары, 29 июля 2016 г. Зверьки биты чисто, в голову. Это был первый трофей, добытый с помощью купленного мною нарезного оружия.

Немного о себе: родился в апреле 1985 г. в Оренбургской области, поселке Саракташ, где и живу до сих пор. Стал охотником так же как, наверное, и очень многие. Мой отец — охотник, он постоянно таскал меня и младшего брата на охоту, но младший брат так и не стал охотником, а мне очень понравилось. После армии, в 2006 г., я купил первое ружье, вот так все и пошло дальше. Я очень люблю природу, охоту и оружие.

Юрий Гайворонский с трофеями

Итоги фотоконкурса «Охота и природа, 2016»

Подведя итоги фотоконкурса, редакция решила присудить:
Первую премию Шеину Сергею Викторовичу за серию фотографий «Живой мир Дальнего Востока»
Вторую премию: Кожечеву Роману Петровичу за подборку фотографий «Медведи острова Сахалин» и Коковину Юрию Николаевичу за очерки «Олень — друг и помощник эвенка-охотника» и серию фотографий «Природный мир Якутии»
Редакция журнала благодарит всех участников конкурса. Ваши фотографии и получившие, и не получившие премии, могут быть использованы в качестве иллюстраций к очеркам и статьям, публикуемым в журнале. Просьба к участникам конкурса — сопровождать присылаемые фото небольшим текстом, объединяющим их в тематические очерки.
Условия фотоконкурса «Охота и природа, 2017» читайте в журнале № 2, 2017 год.

Фото на конкурс **Охота на зайцев в Тюмени**

Владельцам и руководителям охотничьих хозяйств!

Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство» предлагает публиковать (бесплатно) информацию о ваших охотничьих хозяйствах в виде статьи, рассказывающей о существующих проблемах хозяйства, местоположении, путях подъезда, характере охотничьих угодий, основных практикуемых видах охот, оказываемых услугах, остановочных пунктах, условиях проживания и ценах. Статью нужно иллюстрировать фотографиями, характеризующими хозяйство. В случае отсутствия подходящих фотографий редакция может направить своего фотокорреспондента на место, но эта услуга платная. Наш адрес почтовый и электронный на последней странице журнала.

Редакция

Игорёк

Игорь Алексеевич с охотничьими трофеями

Приятно видеть, когда в охотхозяйствах ведется работа по увеличению численности зверя, проводятся различные мероприятия, есть хорошие собаки, но главное то, без чего не может все это существовать — люди, для которых охота не только развлечение, спорт и отдых, а более глубокое понимание того, что происходит вокруг нее. И вот о таком человеке мне хотелось бы рассказать подробнее, потому что нет среди нашей местной братвы — охотников того, кто бы не знал моего героя.

Помнится мне, что уже более двадцати лет назад, двигаясь по дороге из райцентра в село, мне часто встречался паренек-подросток с собакой, прогуливающийся по полевой дороге вдоль небольшого лесного урочища. Собака у этого паренька была вроде бы похожая на охотничью или же помесь охотничьей-гончей и неизвестной породы. И вот в один прекрасный день я снова еду по дороге с местным председателем первичного охотколлектива — Николаем Паршиным, и опять мы увидели этого паренька с собакой. Николай рассказал о нем. Оказалось, что этого парня я прекрасно знаю, так как я жил недалеко от поселка, где жил он. Поговорив с Николаем, мы пришли к единому мнению, что ходить с собакой в охотугодьях весной и летом не совсем хорошо, и нужно просто вежливо объяснить это пареньку. Но потом мой попутчик добавил: «Пусть ходит, может быть из него настоящий охотник получится, ведь собаке своей он дал кличку не Шарик и не Бобик, а Рекс, а это уже ближе к охотничьей».

Шло время, наш парень, которого звали Игорек, вырос, и как только ему исполнилось 18 лет, купил себе ружье ТОЗ-34 и завел собаку, да ни какую-нибудь, а настоящую охотничью с родословной. Приобрел он ее не у первого встречного, а у известного в нашем округе заводчика русских гончих — Брынцева Л.С. Из этого маленького щенка Игорек вырастил настоящую помощницу на охоте. И вскоре во всей округе было известно о русской гончей выжловке по кличке Вьюга. Гоняла она как заводная машина с нескончаемым заводом.

Прошло еще немного времени и нашему Игорю после окончания ВУЗа пришлось отдавать долг Родине, надеть военную форму. Пока служил в Армии, пропала его любимая Вьюга, но охотничья страсть не угасла, а просто стала смыслом жизни. Если бы в руках у Игоря оказалась золотая рыбка, то все три желания были бы связаны с охотой.

Иногда, когда я общаюсь с Игорем, то у нас возникают небольшие споры по тем или иным вопросам, связанным с охотой, и он всегда ссылается на статьи в журнале «Охота и охотничье хозяйство», который для него является самым дорогим охотничьим изданием. И не позавидуешь почтальону, который вдруг забудет занести его любимый журнал.

Когда у нас с ним заходит разговор о ружье МЦ-21-12, то он всегда ссылается на статьи в журнале о самозарядке Игоря Алехина. Хотя Игорь Алехин жил от нас более чем в 1000 км, авторитет его чувствуется и у нас. А после появления в журнале объявления о книгах Игоря Алехина, наш Игорь сразу же отправил ему письмо о заказе книг и обязательно с подписью автора. А вообще мой герой рассказа — Голобоков Игорь Алексеевич, очень интересный человек. Появилось в продаже ружье ТОЗ-120 и Игорь его приобрел, задумал — купил себе Бинелли-Рафаэлло-Де-Люкс. Загорелось купить новый охотничий рог — купил, причем привезли его из г. Санкт-Петербурга и новенький рог висит у Игоря в доме на стене. Есть у него в коллекции и охотничий рог с подписью Б.И Маркова, известного эксперта. Остается загадкой — как этот рог попал к нему. Инновации и модернизации не прошли стороною: чтобы не переживать и не нервничать за свою собаку во время охоты, Игорь купил навигатор для нее. Теперь местоположение собаки отслеживает спутник.

Ни одно испытание, состязание, ни одна выставка не проходит без его участия. В прошлом году первое место на областной выставке с русской гончей выжловкой по кличке Флейта, весной этого года Игорь со своей собакой по кличке Веста стал победителем состязаний с получением диплома II степени по лисице.

Одно время ему пришлось возглавить наше вновь созданное районное общество охотников и рыболовов. Наши охотники как-то сразу за ним потянулись, причем не только молодые, но и с большим охотничьим стажем. Вместе они выезжали в охотугодья, строили кормушки, закладывали солонцы, охраняли. Впервые в истории нашего общества он нашел взаимопонимание с борцом за справедливость — охотоведом района. Вместе они выезжали в рейды по охране охотугодий.

Игорь Алексеевич по профессии ветеринарный врач. Когда у наших охотников бывают проблемы с собаками, нужна прививка против бешенства или чья-то собака попала под клыки секача, или просто нужен совет, то, как говорится в одной популярной телепередаче, звонок другу — Игорь всегда поможет. Потому он знает, что значит собака для охотника и сколько терпения, сил и времени нужно, чтобы из крошечного щенка вырасти помощника или помощницу на охоте.

Мне писать про Игоря приятно потому, что его мама — Голобокова Таисия Егоровна — преподавала мне в школе русский язык и литературу и была у меня классным руководителем. И, наверное, знания, доброта и теплота души передались от нее и мне.

Н. КОЧЕРГИН
Курская обл.

Водяная курочка

В. ИВАНОВ

По югу Москвы в Чертаново протекает речушка Городня, впадающая в большой Царицынский пруд. Мимо бывшего подмосковного села Покровское с великолепной церковью Покрова Святой Богородицы, когда-то превращённой в кроватный цех завода металлоизделий, а ныне восстановленной в прежнем великолепии, лениво текли её воды в болотистом овражке. Село постепенно исчезло, остались только несколько каждый год плодоносящих яблонь. Вдоль оврага выросли бетонные многоэтажки. И вот ещё в бытность Лужкова вздумали пойму этой речушки облагородить. Четыре года назад, уже при нынешнем градоначальнике, резво снесли бульдозером всё сделанное ранее. Возник Покровский народный парк. Парковые дорожки для бабушек с внуками в колясках, велосипедные трассы, беседки, летняя сцена, детские площадки, домики для любителей выпить на свежем воздухе, тренажёры поставили — всё честь по чести. Но самое интересное — в обустройстве речки: поставили две плотинки с решётчатыми водосбросами и получилось три пруда, последний даже с весьма приличным зеркалом воды. Была и лодочная станция, правда, до доставки лодок она не дожила. И ещё один факт достоин упоминания: летом привезли двух великолепных белых лебедей. Гордо плавали царственные птицы в середине самого большого пруда, а по берегу ходила зоркая стража. Добрая сотня уток кормится вокруг — никто их не охраняет, а за лебедями, значит, нужен глаз да глаз. К осени птиц увезли и более ни лебедей, ни зоркой охраны не наблюдалось.

Весной из зарослей рогоза по берегам выплывают флотилии уток с утятами, совершенно людей не боящиеся и хлебушка попрошайничающие. Правда, выживают редкие выводки: сбросы всякой гадости отравляют воду. Устроили в начале первого пруда отстойник, лукаво названный песколовкой. Но тяжёлый дух от этого сооружения говорит о другом. Взрослые утки, видимо, приспособились к грязной воде, а детскому, легко ранимому организму труднее. Но те утиные мамаши, которые переводят деток в третий, более чистый пруд, в котором даже купаются люди и рыбу ловят, свои выводки сохраняют.

И вот три года назад увидел на воде птицу, совсем на утку не похожую. По вздёрнутому хвостику и красному клювику определитель Р.Л. Бёме подсказал: камышница, она же водяная курочка. Первая появившаяся в нашем пруду особа была невероятно пуглива. Целое лето каждое утро, завидев меня, она, как говорится, сломя голову кидалась в заросли рогоза. Не плыла, а бежала по воде. Я видел на Женевском озере, как бегут по воде, взлетая, лебеди, но у лебедя лапки с плавательными перепонками, а у курочки — только с небольшой бляшкой на пятке. Однако на следующий год такой пугливости птица не проявляла, тоже пряталась, но уплывала, сохраняя достоинство. В эту весну, смотрю, а она уже с потомством. Три курёнка — просто не знаю, как птенца курочки назвать правильно — мирно плавали невдалеке. И что удивительно: утята всегда держатся при родительнице. Она постоянно издаёт привлекающие тихие звуки. Случайно потерявшийся утёнок отчаянным писком зовёт мать. А птенцы курочки уже через день — другой плавали поодиночке, склёвывая с воды всяких личинок и мошек. И одиночество в утином окружении их не пугало, и к кусочкам брошенной булки подплывали не пугливо. Постепенно обнаружилось, что три птенца плавают каждый в своём пруду, а взрослая птица и вообще исчезла. Но сколько я не пытался сделать фото подрастающего птенца — всё напрасно. Завидев меня с камерой или телефоном, он тут же скрывался в зарослях или уплывал к утиному домику посередине пруда.

Очень интересно описано гнездо камышницы: рыхло сплетённая беседка подвешена к стеблям болотных растений так, что дном касается воды. Тростинки над гнездом согнуты и маскируют его. От воды в гнездо полого проложены сплетённые из стебельков сходни, птенцам по ним просто подняться на просушку. У птенцов пастушков на крыльях есть зацепки в виде косточек, похожих на клешни рака. Они помогают продираться сквозь заломы тростников. Птенцы камышницы как утята вылупляются в пуху, готовые плавать и кормиться самостоятельно почти с рождения. Два — три дня посидят в гнезде на родительском корме — и в самостоятельную жизнь. Только на ночь обсушиться — обогреться к гнезду плывут. Но летать начинают не ране двухмесячного возраста.

Водяная курочка, или камышница, относится к пастушковым. В России обитают лысуха, пастушок, султанка и наша камышница. Лысуха — каждый охотник знает — с белой отметиной на лбу. Султанка живёт в болотистых зарослях дельты Волги и до Ленкорани, оперение яркое, синевато-зеленоватое, блестящее. Пастушок пёстренький. Нашу тёмную опереньем птицу с ними не спутаешь. И распространена она по болотистым местам почти повсеместно, от западных границ России до Приамурья. Область Урала разрывает ареал её обитания на две части. Встречается она в Европе, на юге Азии, в средних областях Африки — южнее Сахары и севернее Южно-Африканских пустынь. Водяная курочка расселилась на многих островах мирового океана. Но попав на остров, в изоляции, вид постепенно изменяется, появляются новые подвиды. Отличия, естественно, небольшие, но орнитология — наука строгая.

В роду нашей курочки есть ещё семь видов, живущих в Австралии, Центральной и Южной Америках и на некоторых островах. В приведённом филателистическом материале все виды есть. Многих экзотических птиц на марках нет, а курочка-камышница представлена в полном видовом составе. На марке Австралии — тёмная камышница, но на рисунке она такая мелкая, что и рассмотреть трудно. Остров Тристан-да-Кунья представил тристанскую. Другой остров — Асценсьён и африканское государство Сьерра-Леоне — бронзовую, окрашенную ярче нашей. Но чемпионом по красоте оперения надо назвать малую камышницу, ее изобразил художник на выпуске Парагвая. Впрочем, не перестарался ли он? На выпусках Карибов и Багамы (марка с кладкой яиц) тот же вид гораздо скромнее в окраске. Надо отметить, что среди орнитологов нет единства в принадлежности отдельных видов к роду пастушковых. Кое-где вид малая камышница приписан к султанкам. Суринам представил лазурную со светлой грудкой. На марке Соломоновых островов вид «сильвестрис», бросается в глаза лобик голубой, а не светлый, или красный, как у других. На выпуске Св. Елены приведён рисунок птицы, сделанный великим зоологом Одюбоном, 200-летний юбилей которого в конце прошлого века многие страны отметили почтовыми марками с его рисунками птиц. На марке Конго и блоке Гамбии выразительно отражена среда обитания камышницы — заболоченное водное пространство, заросшее водными растениями, по листьям которых водная курочка прекрасно бегает — сам видел! Европейцы Польша и Голландия показали семью с выводком. Пёстрая окраска яиц хорошо видна у Виргинской марки. А в целом камышнице посвятили свои почтовые выпуски многие страны.

А в конце хотелось бы узнать, относится ли эта птица к охотничьим видам? Поднимается ли рука с ружьём стрелять в такую кроху?

См. 3-ю стр. обложки

В НОМЕРЕ

Филь В. Об управлении, охотничьем хозяйстве и охоте 1
Смирнов М. и др. Зырянов А.Н. (к 75-летию со дня рождения) 3
Астафьев Н. Юридическая консультация 4
Марков Б. Женщины в русской охоте 6
Болендер В. Гусики 9
Усиков С. За весенним гусем на Камчатке 10
Вехов Н. Судьба лабрадорской гаги 14
Киприянов В. Гага и гагачьи хозяйства 16
Казанский В. Как я наганивал гончих 20
Бадмаев Б. Памяти охотоведа М.Н. Гылыкова . . . 22
Блюм А. История охотничьего оружия Ижевска 24
Хасимов А. На волоске от смерти 27
Старченко Н. Закрайки 28
Шатилов В. Потянулась душа к охоте 34
Костина О. Весенняя охота 35
Баранов А. Ночлег в зимнем лесу. Ночная охота на зайца. Охота с молодыми борзыми 36
Зрянин М. Шельма и «профессор» 38
Комаров И. На овсах 39
Шарохин И. Первая охота 40
Тарханеев Ф. На чучела 41
Коссак В. Парфорсная охота императора Франца Иосифа I в Гёдёллё 42
Кочергин Н. Игорёк 46
Иванов В. Водяная курочка 47
Целыхова Е. Словарь русского охотничьего языка 48

На первой странице обложки:
Сотрудница охотничьего хозяйства «Озерное» Инна Борисовна Ольшевская со своими питомцами
Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:
Из тесного яйца на волю
Фото В. Дигилевича

На третьей странице обложки:
К очерку В. Иванова «Водяная курочка»

На четвертой странице обложки:
Николай Николаевич Старченко на охоте в рязанской Мещёре
Фото И. Назарова

Издатель: ООО Издательский дом «Охота и охотничье хозяйство»

Генеральный директор Т.А. Волжина
Главный редактор А.М. Блюм

Редакционная коллегия:
М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, Е.В. Горбунова, А.А. Данилкин, Н.В. Дервиз, И.А. Домский, А.П. Каледин, В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева, Е.К. Целыхова, В.Б. Чернышёв

Главный бухгалтер **Н.М. Видулина**
Художественный редактор **М.Л. Кнерцер**
Младший редактор **Н.Т. Дервиз**
Корректор **З.М. Данилова**
Фотокорреспондент **А.Ф. Дигилевич**

Сдано в набор 29.12. 2016 г. Подписано к печати 02.02.2017 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Заказ 697. Тираж 12 000 экз. Цена 125 руб.

Адрес редакции: 101990, Москва, Милютинский переулок, д. 18А, офис 13
Тел.: (495) 628-25-57
Электронная почта ohota.ohothoz@mail.ru
Сайт: www.ohothoz.com

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru. 8(499)270-73-59.
В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Роскомнадзор ПИ № ФС 77-61642 от 07.05.2015

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. За достоверность, публикуемых в журнале сведений несут ответственность авторы статей.

Словарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Тайга — чаще всего определяется словарями как «полоса диких труднопроходимых хвойных лесов, занимающая громадное пространство на севере Европы, Азии и Северной Америки» (Большой толковый словарь русского языка). Но в жизни и, как следствие, языке промысловых охотников, слово в значительной степени переосмысливается, поскольку тайга играет особую, ключевую роль. Понятие «лес», как таковое, употребляется здесь не в значении «пространство, покрытое деревьями», а в значении «древесина». А вот лес в целом называют тайгой. «Тайга» — огромный слабонаселенный людьми мир, являющийся средой существования и источником большинства материальных благ для своих немногочисленных жителей. «Уйти в тайгу» — не синоним выражения «пойти в лес», а скорее — «отправиться на охоту, промысел», «выйти из тайги» — не «выйти из леса», а «вернуться с промысла, из того огромного мира, с которым ты долгое время оставался один на один, в котором боролся, чтобы выжить». И «тайга» — это совсем не обязательно исключительно хвойные деревья. Вот как описывает уссурийскую тайгу В. К. Арсеньев: «Читатель ошибается, если представляет себе тайгу в виде рощи. Уссурийская тайга — это девственный и первобытный лес, состоящий из кедра, черной березы, амурской пихты, ильма, тополя, сибирской ели, липы маньчжурской, даурской лиственницы, ясеня, дуба монгольского, пальмового диморфанта, пробкового дерева с листвой, напоминающей ясень, с красивой пробковой корой, бархатистой на ощупь, маньчжурского ореха с крупной листвой, расположенной на концах сучьев пальмообразно, и многих других пород. Подлесье состоит из густых кустарниковых зарослей. Среди них бросаются в глаза колючий элеутерококк, красноягодник с острыми листьями, лесная калина с белыми цветами, желтая жимолость с узловатыми ветвями и с морщинистой корой, лесная таволожка с коротко заостренными зубчатыми листьями и вьющийся по дереву персидский паслен. И все это перепуталось виноградником, лианами и кишмишом. Стебли последнего достигают иногда толщины человеческой руки... Путешествие по тайге всегда довольно однообразно. Сегодня — лес, завтра — лес, послезавтра — опять лес. Ручьи, которые приходится переходить вброд, заросшие кустами, заваленные камнями, с чистой прозрачной водой, сухостой, валежник, покрытый мхом, папоротники удивительно похожи друг на друга. Вследствие того что деревья постоянно приходится видеть близко перед собой, глаз утомляется и ищет простора. Чувствуется какая-то неловкость в зрении, является непреодолимое желание смотреть вдаль. Иногда среди темного леса вдруг появляется просвет. Неопытный путник стремится туда и попадает в бурелом. Просвет в лесу в большинстве случаев означает болото или место пожарища, ветролома. Не всегда бурелом можно обойти стороной» (Арсеньев В.К. В Дебрях уссурийского края)». Согласно мнению большинства этимологов — заимствование из тюркских языков. К примеру, по М. Фасмеру: заимствование из алтайского, шорского и др. «tai'a» «скалистые горы»; В.В. Радлов считал первоисточником монгольский язык; слово было заимствовано из русского языка в другие — немецкий «Taiga», английский «taiga», французский «tanga».

Тело — 1) (общеязыковое) организм зверя или птицы в его внешней форме; 2) определенная степень упитанности: **в хорошем теле** — хорошей упитанности, **полевое тело** — оптимальная упитанность собаки для охоты. *(За неделю до полевой домашней езды борзых следует привести в **полевое тело**. Для этого кормят их **пустоваркой**, т. е. без мясной наварки, но с простоквашей (кислым молоком) и часто моют теплой водой; тогда лишний жир с них спадает и они **зарьевать** не будут». (Л. П. Сабанеев «Охотничий календарь»).)*

50
Polska
WATERBIRDS
The GAMBIA
D25
Le600
$10
Barbados
50p
Ascension Island
MONGOLIA
20c
15c
ST. LUCIA
$2.70
SAMOA
SURINAME
SRS 0.05
¢0.20
¢1.00
45c
BAHRAIN
150
10
12
10c
Bahamas
ST. HELENA 15p

ISSN 0131–2596. Охота и охотничье хозяйство. 2017. № 3. 1–48.

Индексы: 70673 — на полугод., 72376 — на год